Кр. 72.3
С-50

УРОЖЕНЦЫ - ДѢЯТЕЛИ

ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ

ПОЛУЧИВШІЕ ИЗВѢСТНОСТЬ

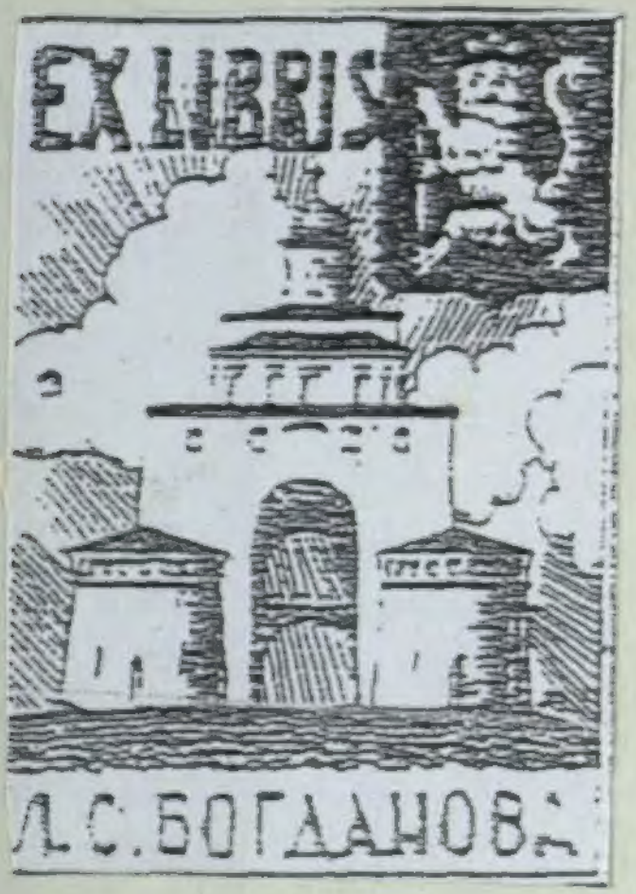
на различныхъ поприщахъ общественной пользы.

(Матеріалы для біо-библіографическаго словаря).

Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ.

Выпускъ 2-й.

Губ. гор. Владиміръ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1897.


EX LIBRIS
Л.С.БОГДАНОВЪ

УРОЖЕНЦЫ и ДѢЯТЕЛИ

ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ,

ПОЛУЧИВШІЕ ИЗВѢСТНОСТЬ

на различныхъ поприщахъ общественной пользы.

(Матеріалы для біо-библіографическаго словаря).

Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ.

Выпускъ 2-й.

Губ. гор. Владиміръ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1897.

001(09)(С134.5) Кр. 72.3
С50 С-50 +
+ Кр. 63.3(2Рос-4Вла)-8254

Дозволено цензурою. Москва, 8 декабря 1897 года.

ВЛАДИМ
ОБЛАСТНАЯ
Кр-3940 +

(Отдѣльные оттиски изъ „Владимір. Губерн. Вѣдомостей“ 18
№№ 42—45, 51 и 1897 г. №№: 13, 15, 18, 20, 21, 23, 25, 27,
31, 34, 39, 41 и 43).

Оглавленіе.

	Стр.
XXI. Кн. И. М. Долгорукой.	1— 33
XXII. Архіепископъ Савва	34— 65
XXIII. И. А. Голышевъ	66—105
XXIV. А. М. Воскресенскій	106—118
XXV. З. А. Буринскій.	119—123
XXVI. Ѳ. Г. Ушаковъ	124—128
XXVII. В. А. Рязанцовъ	128—132
XXVIII. И. П. Александровъ	132—137
XXIX. И. В. Романовскій	137—143
XXX. М. И. Алякринскій	144—157
XXXI. Н. П. Соколовъ	157—175
XXXII. Я. Д. Никольскій	176—183
XXXIII. П. О. Любопытный	184—195
XXXIV. Е. М. Алексинскій	195—201
XXXV. И. В. Рождественскій	201—213

Стр.

XXXVI. И. И. Альбицкій. . . . . 214—221

XXXVII. М. И. Богословскій. . . . . 221—241

XXXVIII. С. И. Зерновъ . . . . . 241—246

XXXIX. И. Н. Полисадовъ . . . . . 246—252

XL. Ѳ. П. Сергіевскій . . . . . 252—258

Дополненія и исправленія . . . 259—264

Издавая 2-й выпускъ сборника «Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи», какъ **матеріалъ** для болѣе подробнаго біографическаго словаря, считаю долгомъ выразить мою искреннюю благодарность Л. Н. Майкову, В. И. Саитову, Г. І. Родзевичу и др., приславшимъ дополненія и исправленія къ 1-му выпуску (изд. въ 1896 г.).

Позволяю себѣ надѣяться, что эти указанія—не послѣднія; за сообщеніе всякаго матеріала буду очень благодаренъ.

А. В. С.

XXI.

Князь И. М. Долгорукой.

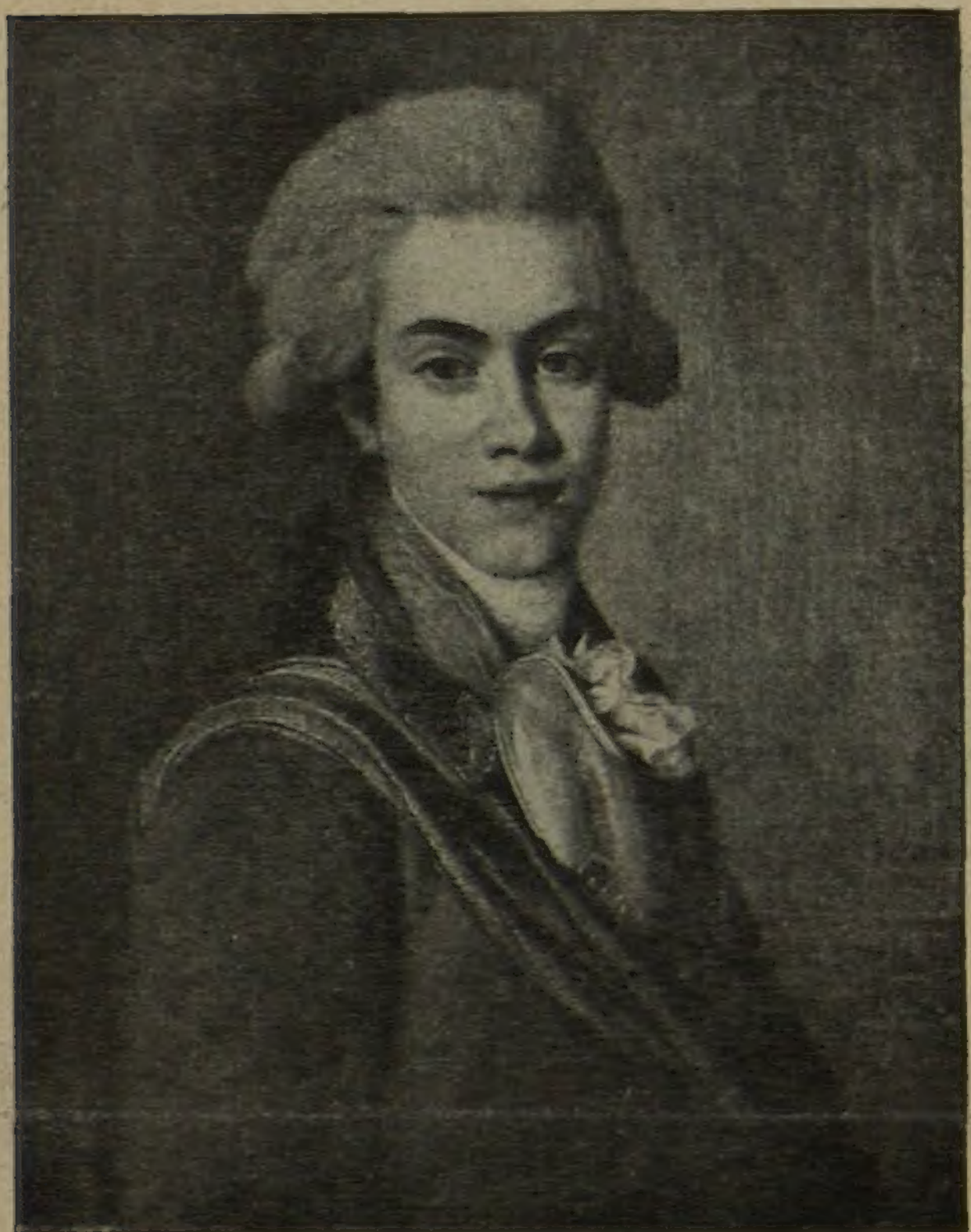
Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, бывшій Владимірскій губернаторъ, оставившій много памятниковъ пребыванія и управленія нашею губерніею, происходилъ изъ знаменитаго рода князей Долгорукихъ, рѣзко выступившихъ на государственное поприще еще при Петрѣ Великомъ: князь Яковъ Ѳедоровичъ, извѣстный подвигами и безстрашною правдивостью, былъ сподвижникомъ Петра Перваго; князь Григорій Ѳедоровичъ, братъ его, въ то же время служилъ полномочнымъ министромъ въ Польшѣ. Внукъ послѣдняго и дѣдъ Ивана Михайловича, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой былъ любимцемъ Петра II, знаменитъ быстрымъ своимъ возвышеніемъ и быстрымъ паденіемъ, и кончилъ жизнь на плахѣ. Супруга его, родная бабка Ивана Михайловича, княгиня Наталья Борисовна была та самая, которую воспѣлъ въ особой поэмѣ извѣстный поэтъ И. И. Козловъ и которая оставила послѣ себя записки, напечатанныя сначала въ „Другѣ Юношества“ 1816 г., № 1, потомъ въ книгѣ кн. П. Долгорукого „Сказанія о родѣ кн.

Долгоруковыхъ“ (Спб. 1840 г.) и полностію—въ „Рус. Архивѣ“ 1866 г., № 1.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, сынъ Михаила Ивановича и Анны Николаевны, урожденной баронессы Строгановой, родился въ Москвѣ 7 апрѣля 1764 г. На второмъ году жизни ребенокъ занемогъ оспой, отъ которой едва не умеръ. Въ то время еще не знали объ оспопрививаніи. По словамъ самого князя, его спасла отъ смерти теплая вѣра родителей, прибѣгнувшихъ въ этомъ несчастномъ случаѣ съ молитвою къ Богу. До конца жизни своей кн. Иванъ Михайловичъ—отмѣтимъ кстати—былъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ; первыя добрыя сѣмена этого были заложены въ немъ кроткимъ и добрымъ пожилымъ священникомъ, о которомъ съ любовью вспоминаетъ въ своихъ запискахъ князь.

По желанію отца мальчикъ, до 8 лѣтъ находившійся подъ надзоромъ француженки, имѣлъ возможность получить самое основательное воспитаніе, такъ какъ отецъ хотѣлъ подготовить Ивана Михайловича къ дипломатической службѣ. Къ нему былъ приставленъ иностранецъ Руле, но—какъ сознается самъ князь—у мальчика умственныя способности развертывались медленно. „Я, говоритъ князь, былъ тупъ, понималъ уроки съ трудомъ; лучшее сокровище была моя память: твердить наизусть былъ мастеръ. Съ языка лилось, какъ у попугая; но забывалъ назавтра“. Къ этому нужно добавить, что въ дѣтствѣ князь былъ болѣзненный, золотушный.

Десятилѣтнему князю Долгорукому въ 1775 году



Кн. И. М. Долгорукій.

крестный отецъ, баронъ А. Н. Строгановъ, командовавшій полкомъ и стоявшій съ нимъ въ Польшѣ, выпросилъ у тогдашняго короля, Станислава Понятовскаго. чинъ полковника, а для его учителя, Руле, чинъ маіора. Такимъ образомъ, кн. Долгорукой до вступленія своего въ службу былъ уже полковникомъ. Это обстоятельство навело отца князя на мысль—отправить сына для довершенія образованія за-границу, съ тѣмъ, чтобы онъ послѣ того отправился на службу въ Польшу. Съ этой цѣлью къ 11-лѣтнему князю былъ приставленъ другой наставникъ—Совере, человѣкъ умный и свѣдущій, который и довершилъ образованіе юноши. Отправка за-границу однако не состоялась: молодой князь настолько хорошо зналъ латинскій языкъ, что могъ свободно слушать лекціи университета, читавшіяся тогда на латинскомъ языкѣ, и И. И. Шуваловъ, главный попечитель московскаго университета, уговорилъ князя Михаила Ивановича отдать сына въ университетъ. И вотъ на 14 году (въ 1777 году) кн. Иванъ Долгорукой былъ записанъ въ университетъ и принятъ по экзамену слушателемъ. Въ 1778 году университетъ праздновалъ въ январѣ торжественнымъ актомъ рожденіе Великаго князя Александра Павловича и кн. Долгорукой удостоился чести читать на актѣ публичную рѣчь, сочиненную профессоромъ Чеботаревымъ, а въ іюнѣ того же года онъ былъ произведенъ въ студенты и получилъ шпагу.

Въ 1779 году кн. Иванъ Долгорукой сдѣлалъ первую попытку—выступить на литературное попри-

ще: онъ перевелъ (подъ руководствомъ Совере и другихъ домашнихъ учителей) сочиненіе Мерсье — „Философическихъ сновъ 2 части“, которыя, какъ „переведенныя съ французскаго на россійской языкъ, Вольнаго Россійскаго Собранія Авскультантомъ, Княземъ Иваномъ Долгоруковымъ“, были напечатаны „Въ Москвѣ. Въ Университетской типографіи у Н. Новикова“. 1780—1781. 8°. Этотъ переводъ былъ посвященъ Ив. Ив. Шувалову; за этотъ переводъ, еще ненапечатанный, осенью 1779 года Иванъ Михайловичъ былъ принятъ въ существовавшее при университетѣ съ 1771 года Вольное Россійское Общество, имѣвшее цѣлью „исправленіе и обогащеніе русскаго языка изданіемъ полезныхъ сочиненій и переводовъ прозою и стихами, также обработаніе русской исторіи“. Въ этомъ обществѣ князь во время студенчества иногда исправлялъ обязанности секретаря.

По окончаніи университетскаго курса, И. М. по обычаю того времени началъ свое поприще съ военной службы и, какъ студентъ, изучившій латинскій языкъ, былъ принятъ въ армію офицеромъ и по личному желанію главнокомандующаго въ Москвѣ причисленъ къ его штату — сначала ординарцемъ, а потомъ секретаремъ. Въ это время отецъ его служилъ въ Петербургѣ и ему пришлось жить съ матерью въ Москвѣ. Будучи глубоко набожна, она заставляла сына читать въ домовой церкви во время богослуженій. „Тутъ, говоритъ князь, кромѣ неоцѣненной пользы духовной и коренныхъ навыковъ наружнаго благочестія, пріобрѣлъ я еще и познаніе славянскаго язы-

ка". А это—въ свою очередь—познакомило его съ красотами отечественнаго языка и пробудило въ немъ страсть къ писательству.

Въ 1782 году служба его въ Москвѣ кончилась и онъ переѣхалъ къ отцу въ Петербургъ. Тамъ кн. Иванъ Михайловичъ былъ переведенъ изъ арміи въ гвардейскій Семеновскій полкъ прапорщикомъ, гдѣ въ январѣ 1785 года былъ произведенъ въ поручики и получилъ старшую вакансію на адъютанта. Служба въ гвардіи сдѣлала извѣстнымъ Долгорукого и Великому Князю Павлу Петровичу: у Великаго Князя зимою давались два бала въ недѣлю, на которые изъ каждаго полка назначались два офицера. Послѣ онъ былъ принятъ и въ домашнемъ кругу Великаго Князя, благодаря тому обстоятельству, что князь Долгорукой, еще ранѣе получившій славу хорошаго актера на домашнихъ спектакляхъ въ знатнѣйшихъ домахъ Петербурга, принималъ участіе въ спектаклѣ, который давала Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна для сюрприза своему супругу. Въ этомъ спектаклѣ князь Долгорукой имѣлъ совершенный успѣхъ, и съ этого времени началось его личное знакомство съ Великимъ Княземъ. Въ это счастливое время состоялась и женитьба Долгорукого на Евгеніи Сергѣевнѣ Смирновой, любимицѣ Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны; свадьба была отпразднована торжественно во дворцѣ Великаго Князя 31 ноября 1787 года.

1788 годъ долженъ быть отмѣченъ особо въ жизни князя Долгорукого, и не потому, что онъ 1 ян-

варя былъ пожалованъ въ капитанъ-поручики: съ этого года онъ началъ собирать всѣ свои стихи, которые сталъ писать съ 18 лѣтъ, и съ того же года князь началъ писать исторію своей жизни, или свои записки, дающія главный и обильный матеріалъ для біографовъ Долгорукого. Въ 1788 же году были въ первый разъ напечатаны стихи князя,—это—„На смерть Горича“, казака, убитаго при взятіи Очакова; они были вшущены въ свѣтъ на особыхъ листочкахъ при „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ томъ же году онъ передѣлалъ на русскіе нравы комедію Poinssinet—„*La soirée à la mode*“, которая была играна на сценѣ, но не напечатана.

Въ 1791 году кн. П. М. Долгорукой вышелъ въ отставку изъ военной службы, съ чиномъ бригадира, и поселился въ Москвѣ, гдѣ проводилъ большую часть времени у себя въ кабинетѣ. Женѣ, привыкшей къ Петербургу, такая жизнь не могла нравиться, да и отецъ князя желалъ скорѣе доставить сыну мѣсто въ гражданской службѣ. Первая попытка въ этомъ направленіи—занять мѣсто предсѣдателя верхняго земскаго суда—кончилась неудачей, былъ опредѣленъ другой. Послѣ этого молодой князь, съ согласія отца, рѣшился на самый отважный поступокъ: онъ адресовалъ на имя Императрицы письмо, въ которомъ, изъявляя желаніе трудиться и быть полезнымъ, просилъ объ опредѣленіи его къ должности. По разсказу князя, Императрица, получа письмо, въ тотъ же день (19 сентября 1791 г.) Высочайше указать соизволила опредѣлить князя вице-губернаторомъ въ Пензу.

Въ Пензѣ кн. Долгорукой прослужилъ до конца царствованія Императрицы Екатерины II. Жизнь въ провинціальномъ городѣ, послѣ блестящей петербургской жизни, не могла быть привлекательной для князя, тѣмъ болѣе, что и подходящаго знакомства тамъ трудно было подобрать въ тогдашнее время. Только въ домѣ Загоскиныхъ, родителей извѣстнаго впослѣдствіи романиста, М. Н. Загоскина (автора „Юрія Милославскаго“ и др.), кн. П. М. находилъ для себя истинное успокоеніе, въ которомъ онъ нуждался съ первыхъ же шаговъ службы въ Пензѣ. Дѣло въ томъ, что молодой князь со всею горячностію молодости принялся за исполненіе новыхъ своихъ обязанностей, вникалъ во всѣ подробности сборовъ, рекрутскихъ раскладокъ, оброчныхъ статей и т. п., и тѣмъ самымъ вызывалъ противорѣчія, неудовольствія старыхъ служащихъ, которые всѣми способами старались интриговать противъ князя. Кромѣ того, всегда склонное, а особенно въ былыя времена, провинціальное общество къ сплетнямъ находило обильную пищу въ поведеніи и поступкахъ самого князя: не смотря на свое служебное положеніе, Иванъ Михайловичъ въ свободное отъ занятій время любилъ толкаться въ народѣ, забавляться по вечерамъ разными общественными играми, и открыто презиралъ угодливыхъ и низкопоклонныхъ, имѣвшихъ нужду во всѣхъ должностныхъ лицахъ губерніи, и особенно въ вице-губернаторѣ; наконецъ, не смотря на счастливое супружество, князь не прочь былъ завести и любовныя интрижки, правда, временныя; но это обстоятельство къ концу службы

было возведено недоброжелателями чуть не въ преступленіе, за которое онъ и былъ „отставленъ отъ дѣлъ".

Единственнымъ утѣшеніемъ для князя были литературныя занятія, которыя во время службы его въ Пензѣ сдѣлали имя его очень извѣстнымъ. „Я стихотворство почитаю цѣлителемъ моего унынія, товарищемъ въ скукѣ: способомъ напріятнѣйшимъ коротать нечувствительно время, когда досады и заключеніе изъ минутъ дѣлаютъ намъ годы", говоритъ князь въ своихъ запискахъ. Однимъ изъ первыхъ стихотвореній, напечатанныхъ (въ 1793 г.) имъ въ Пензѣ, было посланіе „Къ швейцару", обратившее на себя общее вниманіе оригинальностію своего содержанія. Одни видѣли въ этомъ стихотвореніи хвастовство молодого вице-губернатора, желающаго выставить свою правдивость и доступность, а другіе находили откровенность, неприличную его званію. Таковы были тогдашніе нравы. Неблагопріятныя мнѣнія, однако, нисколько не смущали князя,—онъ не только отвергалъ условныя приличія въ поэзіи, но до нѣкоторой степени бравировалъ откровенностью,—таково, напр., его стихотвореніе „Къ Людмилѣ", написанное въ 1794 г. Въ Пензѣ князь написалъ и философическую оду „Каминъ", пріобрѣвшую громкую извѣстность. Это стихотвореніе сначала было напечатано въ Рузаевкѣ Пензенской губерніи, у Н. Струйскаго, въ 1795 г., въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, только для знакомыхъ князя; потомъ оно было перепечатано, уже въ бытность автора въ отставкѣ,—„Каминъ, сочиненіе Князя Ивана Долгорукого, съ французскимъ пе-

реводомъ Карла Авіата де-Ватай“ (М., тип. Ридигера и Клаудія. 1799. 8°). Въ 1795 г. написано княземъ стихотвореніе и „Къ судьбѣ“, въ которомъ, перебравъ разныя шутки судьбы съ людьми и народами, упрекаетъ ее въ перемѣнахъ своей жизни.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла I, Долгорукой былъ немедленно отставленъ отъ дѣлъ, и переѣхалъ опять на житье въ Москву, къ своему отцу. Средства къ жизни однако были очень ограничены, нужно было служить. Правда, самъ князь не хлопоталъ о мѣстѣ, но жена его, еще не порвавшая совсѣмъ связи съ Петербургомъ, рѣшилась лично хлопотать за мужа. Много ей пришлось одолѣть затрудненій въ Петербургѣ и только послѣ этого достигнуть нѣкотораго успѣха. Въ 1797 г. князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой былъ опредѣленъ тѣмъ же чиномъ въ Петербургъ, въ Камеръ-Коллегію, въ качествѣ присутствующаго. Но не успѣлъ онъ доѣхать до новаго мѣста служенія, какъ въ Клину получилъ копію съ указа о пожалованіи его въ дѣйствительные статскіе совѣтники и о перемѣщеніи въ главную соляную контору въ Москвѣ, съ жалованьемъ по 1875 р. Вслѣдъ за этими милостями онъ по именному повелѣнію получилъ выговоръ за худое обращеніе съ своею женою. Выговоръ послѣдовалъ по докладу прежняго его дѣла, по пензенской ссорѣ, за которое онъ уже былъ отставленъ отъ дѣлъ.

Въ Москвѣ, на родинѣ, гдѣ князь снова могъ бывать въ свѣтскомъ обществѣ, Долгорукому служить было пріятно, не смотря на несогласія съ главнымъ

директоромъ конторы. Тамъ, въ Москвѣ Иванъ Михайловичъ возвратился и къ литературнымъ занятіямъ. Еще въ 1797 г. онъ напечаталъ „Стихи на кончину Ивана Ивановича Шувалова“ („Пріятн. и полезн. препровожд. времени“ 1797, ч. 16, стр. 241—246); въ этомъ же журналѣ (1798 г., ч. 19, стр. 249—254) онъ напечаталъ еще стихотвореніе „Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ“, а въ „Лоидахъ“ (кн. 3, 1798—1799 г., стр. 264—271) „Параша“; въ 1798 г. онъ написалъ комедію „Отчаяніе безъ печали“ и оперу „Любовное Волшебство“. Опера въ 3 дѣйствіяхъ“ (М., тип. Рѣшетникова. 1799. 8°). Комедія была только одинъ разъ съиграна дѣтьми князя, въ 1808 г., во Владимірѣ. Въ концѣ 1798 г. Долгорукой написалъ стихотвореніе „1799 годъ“, замѣчательное по своимъ воспоминаніямъ объ Екатеринѣ Великой. Въ этомъ же году князь, неравнодушный къ княжнѣ Варварѣ Петровнѣ Волконской, посвѣлъ ее въ двухъ стихотвореніяхъ, подъ заглавіемъ „Глафиръ“, изъ коихъ одно было напечатано въ „Иппокренѣ“ 1799 г., ч. 3, стр. 151—159; вообще князь не мало писалъ стиховъ женщинамъ; той-же Волконской онъ посвятилъ еще третье стихотвореніе, подъ тѣмъ же заглавіемъ, и еще нѣсколько, изъ коихъ было особенно извѣстно „На именины“; писалъ онъ еще къ княжнѣ В. Н. Долгорукой, къ княгинѣ В. А. Трубецкой; къ послѣдней относятся стансы — „Споръ о лунѣ“, и переписка въ стихахъ, напечатанная въ его сочиненіяхъ. Къ этому же отдѣлу относятся еще стихотворенія „Досада“, „За женщинъ“ и „Завѣщаніе“

(1799 г.). Въ послѣднемъ произведеніи Долгорукой обнаружилъ ту глубину души, которая съ того времени все чаще и чаще стала проявляться въ послѣдующихъ его произведеніяхъ. Къ 1799 г. относятся еще слѣдующія произведенія князя: „Спасибо 1799-му году", изъ котораго видно, что Иванъ Михайловичъ былъ въ мирѣ съ судьбою; „Стихи на именной указъ о дачѣ женамъ убитыхъ въ арміи штабъ и оберъ офицеровъ пенсіоновъ 30 августа 1799 года" („Иппокрена" 1799 г., ч. 3, стр. 396—399): къ 1800 г.— „Дружбѣ" („Иппокрена" 1800, ч. 5, стр. 106—113) и „Заговѣнье" (стихи, тамъ же, стр. 245—248); къ 1801 г.—„Стихи на запрещеніе азартной карточной игры" (тамъ же, 1801, ч. 10, стр. 127—129), „На освобожденіе князя Сибирскаго" (въ похвалу кроткаго Государя Александра I) Въ 1801 г., по указанію Сопикова (№ 5013), былъ изданъ въ Москвѣ въ 3-й разъ и „Каминъ".

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра I, князю Долгорукому захотѣлось получить чинъ, и, помня удачу письма на имя Екатерины II, онъ такое же послалъ и Александру I; отвѣта, однако, не было долго, и не дождавшись его, князь вздумалъ послать еще къ Государю четверостишіе, разсчитывая, что странность поступка заставитъ обратить на себя вниманіе: въ стихахъ онъ просилъ чинъ. Говорятъ, Государь изъявилъ негодованіе, что прошенія подданныхъ посылаются въ стихахъ. Не смотря на это, князю объявлено было Высочайшее соизволеніе, чтобы онъ избралъ себѣ губернаторское мѣсто, гдѣ поже-

лаетъ, ибо та должность, которую онъ занимаетъ, несовмѣстна съ слѣдующимъ ему чиномъ. а 8 февраля 1802 года онъ былъ назначенъ губернаторомъ во Владиміръ.

Пріѣхалъ князь Долгорукой во Владиміръ сначала одинъ, такъ какъ жена его была больна чахоткой; съ женой остались и дѣти. Принявъ губернію, новый Владимірскій губернаторъ счелъ своею обязанностью прежде всего объѣхать и осмотрѣть ее. При этомъ обзорѣ губерніи, кромѣ предметовъ, входившихъ въ прямую обязанность губернатора, осмотра дорогъ и мостовъ, числа дѣлъ и арестантовъ, князь Долгорукой не оставлялъ безъ вниманія и замѣчательныхъ мѣстностей, не пренебрегалъ народными преданіями и т. п.

Въ Суздальскомъ уѣздѣ губернаторъ вошелъ во всѣ подробности тамошняго Спасо-Ефимьевскаго монастыря и написалъ о немъ „Историческое повѣствованіе“, нигдѣ не напечатанное; не напечатана и рукопись „Меморіалъ о Суздальскомъ монастырѣ“, представленная княземъ въ 1808 году министру внутреннихъ дѣлъ, съ цѣлью—улучшить участь арестантовъ (монастырь служитъ мѣстомъ заключенія для преступниковъ). О городѣ Суздалѣ князь записалъ преданіе (послѣ подтвердившееся), что названіе города произошло отъ соединенія двухъ словъ—сушь и долъ.

Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ губернаторъ осмотрѣлъ озеро Плещеево, на которомъ Петромъ I выстроенъ ботикъ, и мысъ Гремячій, гдѣ, по преданію, стоялъ домикъ Императора. Ботикъ хранился въ чужомъ

селѣ, въ полуразрушенномъ сараѣ. Князю Долгорукому пришла мысль о сохраненіи ботика для потомства и потому онъ рѣшился просить о дозволеніи соорудить памятникъ Петру Великому на самомъ мѣстѣ его начальныхъ подвиговъ; о своемъ намѣреніи онъ сообщилъ секретарю Государя, Трощинскому. Проектъ князя состоялъ въ томъ, чтобы построить приличное каменное зданіе, въ которомъ сохранялись бы какъ ботикъ, такъ и другіе остатки дома Петра. Желая присоединить къ этому дѣлу и существенную пользу, князь предполагалъ возвести строеніе на шесть отставныхъ инвалидовъ—матросовъ, которые за готовое содержаніе карауливли бы зданія. Государь утвердилъ предположеніе князя Долгорукого и удостоилъ его рескриптомъ. Въ 1803 г. послѣдовало торжественное перенесеніе ботика въ новое зданіе, на которомъ съ одной стороны была надпись „Петру Великому усердный Переславль“, а на другой выставлены годъ, мѣсяцъ и число. На торжествѣ была читана „Ода“ князя Долгорукого, которая, какъ видно, тогда же была и напечатана, такъ какъ ревизовавшій въ 1803 г. главное училище во Владимірѣ П. М. Дружининъ въ заключеніе своей ревизіи обратился къ ученикамъ „съ приличнымъ привѣтствіемъ.... наградивъ отличнѣйшихъ изъ нихъ пѣснью, сочиненною на случай введенія ботика блаженныя памяти Государя Петра I въ новостроенное зданіе (въ Переславлѣ), подаренною самимъ сочинителемъ, его сіятельствомъ Владимірскимъ губернаторомъ князь Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ училищу въ семъ намѣреніи“.

Въ настоящее время охраненіе ботика обезпечено вполнѣ, такъ какъ въ 1852 г. Владимірское дворянство пріобрѣло въ собственность село Веськово, близъ котораго находится памятникъ; но заслуга князя Долгорукого несомнѣнно та, что онъ первый возбудилъ вопросъ о сохраненіи памятника трудовъ Петра,— безъ него, вѣроятно, этотъ ботикъ давно бы былъ разрушенъ и уничтоженъ временемъ.

Возвращаясь изъ первой поѣздки по губерніи, князь Долгорукой по дорогѣ изъ Коврова, между Гороховцемъ и Вязниками, плѣнился уголкомъ земли, на которомъ стоитъ погостъ Архидіакона Стефана. Крутая гора, подъ которой извивается Клязьма, по словамъ князя, „есть мѣсто превосходной красоты. Унылое воображеніе находитъ здѣсь самую пріятную пищу". Плодомъ этого восхищенія красотой природы явилось стихотвореніе—„Размышленіе на берегу Клязьмы, при погостѣ Архидіакона Стефана". Въ эту же поѣздку обратилъ князь вниманіе и на такъ называемое „Поганое озеро", въ 7 верстахъ отъ Владиміра: по преданію, въ это озеро были брошены въ коробахъ сыновья боярина Кучки и другіе убійцы Андрея Боголюбскаго. Въ Петровъ день, по преданію, въ озерѣ слышится стонъ и коробы плаваютъ по озеру. Сообщивъ это преданіе, князь прибавляетъ: „чего не представитъ прихотливое воображеніе?"

Изъ сказаннаго видно, что князь Долгорукой, принявъ въ управленіе губернію, не желалъ относиться къ ввѣренному краю только съ оффиціальной стороны; таковымъ онъ дѣйствительно и былъ до конца своей

службы. Правда, отмѣченное княземъ для насъ уже не представляетъ интереса, такъ какъ давно болѣе подробно извѣстно; но нельзя же судить по нынѣшнему, какъ нельзя сравнивать стихи князя съ произведеніями послѣдующихъ поэтовъ.

Во время набора рекрутъ, Иванъ Михайловичъ въ томъ же 1803 году посѣтилъ опять нѣкоторые города губерніи, знакомясь тамъ съ обществомъ, нравами и обычаями. Въ этотъ разъ въ Александровѣ онъ познакомился съ г-жею Пожарскою, которая послѣ сдѣлалась его супругой. Въ слѣдующемъ 1804 году во Владимірской губерніи были открыты 3 уѣздныхъ города: Ковровъ, Судогда и Александровъ; при открытіи двухъ первыхъ присутствовалъ самъ губернаторъ, и въ Ковровѣ 7 февраля онъ получилъ извѣщеніе отъ жены о пожалованіи въ тайные совѣтники, по какому случаю князь написалъ стихи. Въ этомъ же году постигло его крупное несчастіе: 12 мая скончалась его супруга Евгенія Сергѣевна, которую онъ похоронилъ въ Москвѣ.

Выше было упомянуто нами, что въ 1803 г. производилась ревизія главнаго народнаго училища во Владимірѣ. Эта ревизія подготовляла къ преобразованію училища въ гимназію. Владимірскій губернаторъ кн. И. М. Долгорукой въ этой реформѣ принималъ горячее участіе, и вообще онъ много сдѣлалъ для Владимірской гимназіи въ первые трудные годы ея существованія, въ смыслѣ и нравственной и матеріальной поддержки.

Открытіе Владимірской гимназіи состоялось 7 ав-

густа; въ гимназической залѣ (гдѣ теперь живетъ директоръ гимназіи) было отслужено торжественное молебствіе съ водоосвященіемъ, послѣ чего преосвященный Ксенофонтъ окропилъ всѣхъ и все святою водою и благословилъ иконою Владимірскихъ чудотворцевъ. На этотъ случай князь Долгорукой написалъ оду, которая и была прочитана на торжествѣ. За свои труды по устройству гимназіи князь въ 1805 году получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена Московскаго университета, и очень гордился университетскимъ мундиромъ, такъ какъ „ни клевета, ни зависть его съ меня не снимутъ". („Ода на открытіе Владимірской гимназіи 1804 г. августа 7 дня" напечатана въ приложеніи къ „Историч. очерку Владимір. губерн. гимназіи", П. И. Страхова. Вып. I, 1891 г., стр. 202—206). Особенная помощь гимназіи со стороны князя Долгорукого была оказана въ пріобрѣтеніи помѣщенія для гимназіи. Главное народное училище, а потомъ гимназія помѣщались тогда въ томъ небольшомъ корпусѣ, который теперь занятъ квартирой директора гимназіи, канцеляріей и квартирой эконома; губернаторскій домъ былъ построенъ въ 1787 г. и былъ тотъ самый 4-хъ этажный на Большой улицѣ, который теперь принадлежитъ купцу Н. Л. Философову; зданія—старой аптеки и дома Вострухина (бывшаго недавно Славнова) также принадлежали къ губернаторской усадьбѣ.

Въ 1804 г. кн. Долгорукой овдовѣлъ и 4-хъ этажный домъ оказался для него очень великъ, да и потерю жены постоянно напоминалъ онъ. Поэтому

князь охотно согласился на продажу дома министерству народнаго просвѣщенія, но съ условіемъ, чтобы та комната, гдѣ скончалась княгиня, была занята только одной библіотекой, для каковой цѣли князь подарилъ гимназіи всѣ свои книги и книжные шкафы. Такъ все и было устроено и сохранялось вплоть до пожара въ 1841 г., который все уничтожилъ. (Подробности см. въ „Историч. очеркѣ" Страхова, стр. 36—37).

Кромѣ того, князь Долгорукой оказалъ много и другихъ благодѣяній въ пользу народнаго просвѣщенія. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ и благосостояніи гимназіи, посѣщая всѣ ея публичные акты, „также поощряя и содѣйствуя къ учрежденію литературныхъ бесѣдъ, которыя ознакомливать съ публикою и одушевлять своимъ присутствіемъ—было всегда пріятнѣйшимъ его удовольствіемъ. Для поддержанія гимназіи онъ согласилъ дворянство отпускать въ годъ ко 100—200 руб. отъ каждой округи (уѣзда) на содержаніе 12 пансіонеровъ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей, каковое заведеніе существовало, пока онъ былъ начальникомъ губерніи. Его же начальственнымъ содѣйствіемъ общество всѣхъ уѣздныхъ городовъ Владимірской губерніи опредѣлило на содержаніе учрежденныхъ въ нихъ приходскихъ училищъ отпускать ежегодно отъ 100 до 200 руб. Подаренныя имъ книги составляли лучшую часть гимназической библіотеки". Въ видѣ иллюстраціи къ сказанному можно добавить, что въ 1802 г. во Владимірской губерніи было малыхъ народныхъ училищъ только

№ 3940

три (въ Суздалѣ, Переславлѣ и Муромѣ; въ Шуѣ и Юрьевѣ уже закрыты были), а частныхъ школъ не было ни одной; въ 1805 г. было 4 училища, а въ 1810 г.—уже 31.

Въ первые годы существованія гимназіи заботились и объ эстетическомъ развитіи учащихся. Такъ, при гимназіи существовалъ театръ, декораціи и прочія принадлежности для котораго были даны, а потомъ пожертвованы княземъ Долгорукимъ. Впрочемъ, съ уходомъ князя со службы (въ 1812 г.), скоро прекратились и ученическіе спектакли (въ 1814 г.). Кстати здѣсь отмѣтить, что въ 1826 году съ кулисъ парусина была снята, окрашена въ синій цвѣтъ, и изъ нея были сшиты лѣтніе сюртуки и панталоны для семи бѣдныхъ учениковъ.

Наконецъ, нужно отмѣтить и слѣдующую жертву князя Долгорукого на пользу просвѣщенія. Еще до пріѣзда во Владиміръ князь началъ собирать свои сочиненія. Первое изданіе ихъ подъ заглавіемъ—„Бытіе сердца моего. Стихотворенія князя Ивана Михайловича Долгорукаго“ (Москва. Въ университет. типогр. у Любія, Гарія и Попова, 1802, 8°, 390 стр.) вышло въ 1803 г. и было принято публикой и печатью (см. напр. отзывъ въ „Моск. Меркуріѣ“ 1803, ч. 3, № 8, стр. 117—127) очень благосклонно. О второмъ изданіи начались переговоры въ 1806 году, и тогда то князь Долгорукой препроводилъ къ директору Владимірской гимназіи два письма московскихъ книгопродавцевъ о напечатаніи втораго изданія его сочиненій, предоставляя директору войти съ ними,

или съ кѣмъ угодно, въ условія о напечатаніи не только этого изданія, но и всѣхъ тѣхъ, кои впредь быть могутъ, съ дополнительными, какія во всю его жизнь окажутся, сочиненіями, и обратить въ пользу гимназіи „съ распространеніемъ права гимназіи на оныя до такой отдаленности времени, колико человѣческія предположенія въ пространство будущаго углубиться могутъ; чтобъ и по смерти его всѣ, что найдется къ печатанію терпимымъ, не инымъ какимъ либо образомъ явилось въ публикѣ, какъ съ доставленіемъ всѣхъ отъ того выгодъ и прибытковъ въ пользу гимназіи", причемъ желаніе князя было, чтобъ польза гимназіи отъ этихъ изданій состояла въ пріобрѣтеніи не денегъ, а книгъ, дабы со временемъ основалась во владимірской гимназіи библіотека. На пожертвованіе былъ составленъ формальный актъ, который и утвержденъ университетомъ, изъявившимъ князю признательность. 2-е изданіе стихотвореній князя вышло въ 1808 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ (М., въ тип. Пономарева. 8°), причемъ изданіе было отдано самимъ университетомъ съ публичнаго торга Пономареву съ тѣмъ, чтобы на вырученныя за это деньги ежегодно покупались книги для составленія библіотеки во владимірской гимназіи. Но Пономаревъ обманулъ и гимназія ничего не получила. Приступая въ 1816 г. къ 3-му изданію, кн. Долгорукой, чтобы не быть опять обманутымъ, самъ распорядился его изданіемъ и отдалъ его А. С. Ширяеву, который далъ за право изданія на тысячу рублей книгъ, по выбору князя, которыя на счетъ Ширяева и были отправ-

лены во Владимірскую гимназію. Третье изданіе вышло въ 4 хъ частяхъ: „Бытіе моего сердца, или стихотворенія Князя И. М. Долгорукаго". Изданіе 3-е, дополненное значительно, съ виньеткою и портретомъ автора. 4 части. М., въ Университ. тип., 1817—1818. 8°.

Къ заслугамъ князя Долгорукого во время губернаторства во Владимірѣ нужно отнести еще слѣдующее.—По указу Павла I отъ 4 декабря 1796 г. велѣно было описывать въ казну все имѣніе, остающееся послѣ наказанныхъ дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій. Князь, разсуждая, что наслѣдники преступниковъ чрезъ лишеніе всего имущества становятся въ тягость мірскому обществу, сдѣлалъ представленіе объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ и 19 декабря 1803 г. вышелъ указъ, отмѣняющій прежній.—Въ 1806 послѣдовалъ манифестъ объ учрежденіи въ Россіи земскаго войска, названнаго милиціею. Дворянство было собрано во Владимірѣ и немедленно приступило къ раскладкѣ повинности набора по числу душъ. Пока дворяне дѣлали свое дѣло, князь собралъ отъ каждаго города головъ съ депутатами, сказалъ имъ рѣчь („Рѣчь, произнесенная въ полномъ собраніи купечества Владимірской губерніи, при объявленіи оному Высочайшаго манифеста о земскомъ войскѣ и Ода князю Пожарскому". М., 1807. 8°, и перепечатка во „Владим. Губерн. Вѣдом." 1867, № 6, стр. 53—54): купечество внимало слову князя и положило на столъ 120 тысячъ руб. Въ 1807 г. пріѣзжалъ во Владиміръ сенаторъ И. В. Лопухинъ

для обревизованія дѣйствій по набору земскаго войска и 8 марта онъ доносилъ Государю, что „все касающееся до составленія земскаго войска со стороны гражданскаго начальства, при ревностномъ подвигѣ всѣхъ сословій Владимірской губерніи, весьма хорошо устроено“. — Въ 1810 г. князь занимался переустройствомъ рабочаго и смирительнаго домовъ, вмѣстѣ съ которыми онъ соединилъ устройство суконной фабрики на 8 становъ, такъ какъ министерство въ то время поощряло подобныя занятія арестантовъ. Въ томъ же году былъ выстроенъ и новый губернаторскій домъ (существующій донынѣ) и 2 ноября князь переѣхалъ въ него. „Для постройки его, говоритъ князь, выбралъ я наилучшее мѣсто въ городѣ, рядомъ съ архіерейскимъ подворьемъ, надъ самой красивой горой, къ прирѣчной сторонѣ, куда обращены были всѣ пріемные покои, какъ на самый лучшій городской видъ. Многіе укоряли меня, что я выставилъ нежилыя строенія, принадлежащія къ дому, по улицѣ, и не обратилъ туда передняго фасада дома съ колоннами; но мнѣ казалось, что гораздо лучше глядѣть изъ залы на Клязьму и на величественныя ея окрестности, нежели смотрѣть, какъ мимо окошекъ съ базару скачутъ пьяные мужики по улицѣ“. Изъ другихъ памятниковъ, оставленныхъ княземъ послѣ себя во Владимірѣ, упомянемъ: при немъ построены дома для призрѣнія незаконнорожденныхъ и недужныхъ; открыта аптека отъ приказа общественнаго призрѣнія; засыпанъ оврагъ, устроена дорога и вымощена улица, соединяющая городъ съ другою его стороною, за

рѣчкою Лыбедью, куда не было проѣзда; насажен ъ бульваръ; духовенству возвращены, по его ходатайству, отходившія отъ него земли; уничтожена скопческая секта; наконецъ, въ губернскомъ городѣ приведены въ опредѣленное состояніе городскія и полицейскія повинности.

Личная жизнь князя за время пребыванія во Владимірѣ не богата событіями; судьба къ нему была безжалостна.

Не смотря на то, что князь любилъ шумъ народный и веселье, онъ былъ склоненъ и къ уединенію. Когда онъ овдовѣлъ, эта наклонность въ немъ еще болѣе развилась, и онъ на рѣчкѣ Рпени, на берегу, противоположномъ городу, устроилъ себѣ хижину, въ которой въ свободные отъ службы дни любилъ по нѣсколько часовъ въ день предаваться совершенному уединенію; тамъ онъ читалъ, мечталъ и писалъ стихи. Памятникомъ этого времени осталось стихотвореніе — „Хижина на Рпѣни“.

Въ 1805 г. ревизовалъ губернію сенаторъ графъ Головкинъ, по пути слѣдованія въ Китай во главѣ посольства: ревизія была самая подробная, и князь Долгорукой въ состояніи былъ удовлетворить всѣ требованія ревизора. Гр. Головкинъ остался совершенно доволенъ и порядками губерніи, и удовлетворительными свѣдѣніями о ней князя; въ этомъ смыслѣ было сдѣлано донесеніе и Государю, вслѣдствіе чего князь Долгорукой получилъ въ награду столовыя деньги, по 200 руб. въ мѣсяцъ, пока пробудетъ въ настоящемъ званіи. Проводивъ Головкина, князь поѣ-

халъ опять осматривать губернію. Въ Александровскомъ уѣздѣ онъ заѣхалъ къ И. П. Муханову, въ его село Успенское, гдѣ былъ сельскій праздникъ. Здѣсь онъ написалъ стихотвореніе, дышащее тоской одиночества. 13 января 1808 г. князь Долгорукой вступилъ во второй бракъ съ Аграфеною Алексѣевною, урожденною Безобразовою, а по первому мужу Пожарскою, которая принесла съ собою въ приданое небольшое имѣніе въ деревнѣ Александровкѣ, во Владимірской губерніи, и винокуренный заводъ, наслѣдованный ею отъ перваго мужа. Въ томъ же году вышли изъ печати стихотворенія Долгорукого, написанныя имъ во время вдовства, свидѣтельствующія, что онъ со всею искренностію своего добраго сердца оплакалъ кончину первой супруги. Книжка называлась—„Сумерки моей жизни“ (М.. Универ. тип., 1808. 8°). Необходимо замѣтить, что свадьбой князя и всѣми хлопотами завѣдывалъ нѣкто Дуровъ, бывшій старшиной владимірскаго благороднаго редута (собранія). Объ этомъ лицѣ въ запискахъ князя говорится довольно много; оно же послужило князю сюжетомъ для его комедіи „Дурыломъ, или выборъ въ старшины“. Комедія въ 3 дѣйств. (М., 1818. 8°). Лѣтомъ того же года князь съ семействомъ отправился въ Петербургъ, гдѣ перемѣнилось начальство. Тамъ онъ былъ принятъ хорошо, ему дана была Аннинская лента, первый и послѣдній орденъ, имъ полученный. Въ концѣ 1809 г., неизвѣстно почему, князь Долгорукой сжегъ многія изъ своихъ рукописей, въ томъ числѣ и всѣ пензенскія бумаги, которыя были

собраны у него подъ названіемъ „Статскаго журнала“. Другія рукописи И. М. не только сохранилъ, но даже привелъ въ порядокъ, и между прочимъ—„Записки шведскаго похода“, которыя не были изданы Въ 1810 г. князь ѣздилъ въ отпускъ (на три мѣсяца) въ Одессу—чрезъ Кіевъ. Въ томъ же году было учреждено министерство полиціи, при чемъ министромъ былъ назначенъ знакомый Долгорукому А. Д. Балашовъ. Этому князь почему-то обрадовался и частнымъ письмомъ обратился къ Балашову за совѣтомъ—можетъ ли онъ жаловаться Государю на, по мнѣнію князя, несправедливые и обидные выговоры и штрафы, которые онъ и губернское правленіе неоднократно получали отъ сената. Балашовъ частное письмо представилъ въ оригиналѣ Государю. Дѣлу былъ данъ законный ходъ. Въ томъ же 1811 году случилось и другое весьма непріятное обстоятельство. Губернаторъ надумалъ всенародно отпраздновать имянины своей жены, 16 іюня, въ день проводъ иконы Боголюбской Божіей Матери изъ Владиміра. Во время вечерней иллюминаціи произошло столкновеніе полиціи съ соборнымъ священникомъ Виноградовымъ: въ результатѣ губернаторъ велѣлъ посадить священника въ полицію. Это дошло до Петербурга. Наконецъ, въ томъ же году случилась и третья бѣда: во время рекрутскаго набора между княземъ и вице-губернаторомъ Дюнантомъ открылись несогласія по поводу рекрутской раскладки. Раскладка осталась, а Дюнантъ послалъ къ министру полиціи доносъ о замѣчаемыхъ будто бы злоупотребленіяхъ. Для производства слѣдствія былъ

прислан генералъ-майоръ Ильинъ. Всѣ предводители губерніи поднесли князю одобрительный адресъ, но слѣдователь эту бумагу не принялъ.

Среди всѣхъ непріятностей князь Долгорукой не только не забывалъ литературу, но находилъ въ ней даже нѣкоторую отраду. Правда, писалъ онъ мало, но – по примѣру открытой тогда въ Петербургѣ Державинымъ Бесѣды любителей россійскаго слова — учредилъ маленькое подобіе ея у себя въ домѣ, литературные вечера по вторникамъ. Членовъ было не много, въ томъ числѣ нѣкоторые учителя гимназіи: чтенія происходили въ большой залѣ губернаторскаго дома, при постороннейъ публикѣ, которой эти чтенія нравились.

Въ 1812 г. Долгорукой поѣхалъ въ Петербургъ, а 23 марта вышелъ указъ, по которому князь получилъ отставку. Въ Петербургѣ онъ былъ приглашенъ на чтенія Державинской Бесѣды и принятъ въ ея почетные члены; почетнымъ же членомъ избрали князя Московское Общество любителей россійской словесности и два Петербургскихъ—Любителей словесности, наукъ и художествъ и Соревнователей просвѣщенія и благотворенія. Во Владиміръ князь болѣе уже не возвращался, какъ губернаторъ.

Поселясь въ Москвѣ, князь прожилъ въ ней не долго, такъ какъ французы быстро приближались къ древней столицѣ. 31 августа 1812 г. Долгоруковы выбрались изъ Москвы и поселились сначала въ подмосковномъ селѣ Никольскомъ; но такъ какъ здѣсь могла угрожать опасность, то въ концѣ сен-

тября они отправились во Владимірскую губернію и основали свое временное пребываніе въ городѣ Шуѣ, гдѣ городничій Шульгинъ предоставилъ семейству своего бывшаго начальника въ полное распоряженіе свой домъ. Здѣсь, подъ впечатлѣніемъ Московскаго пожара, князь Иванъ Михайловичъ написалъ стихотвореніе „Плачъ надъ Москвой". По освобожденіи Москвы, Долгоруковы возвратились въ Никольское, а 1-го ноября пріѣхали взглянуть на Москву: домъ ихъ оказался цѣлымъ. Къ концу года они, однако, возвратились въ Шую; здѣсь, успокоившись отъ тревогъ, князь принялся опять за литературу: продолжалъ „Записки о своей жизни" и писалъ стихи, изъ которыхъ слѣдуетъ упомянуть сатиру „Черты свободнаго писателя" и особенно – „Везетъ"; послѣднее обошло тогда въ рукописи почти всю интеллигентную Россію. Изъ Шуи Долгоруковы окончательно выбрались въ концѣ 1813 года.

Возвратившись въ Москву, князь отдался прежнимъ развлеченіямъ и занятіямъ: бывалъ въ обществѣ, лѣтомъ 1814 г. совершилъ нѣсколько поѣздокъ, и занимался литературою; такъ, онъ написалъ и издалъ „Разсужденіе о судьбѣ, взятой въ смыслѣ французскаго слова Fatalité, полатинѣ Fatum" (М., Универ. тип., 1814. 8°), началъ переводить съ французскаго романъ Коцебу—„Филиберъ, или отношенія общественныя", напечатанный въ 1815 году (4 части. М., Универ. тип., 8°), и описалъ свое „Путешествіе въ Нижній" (напечатано гораздо позже, послѣ смерти— „Журналъ путешествія изъ Москвы въ Нижній, 1813 г."

въ „Чтен. въ Москов. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ", 1870 г., I. стр. 1—124, и тогда же отдѣльно: М., Универ. тип., 1870. 8°. 124 стр.). Въ 1815 г. князь съ женою ѣздилъ въ дер. Александровку, во Владимірской губерніи, и деревенская жизнь показалась ему вдвое пустѣе и тошнѣе. Къ 1815 г. относятся слѣдующія произведенія князя Долгорукого: „Извлеченіе изъ рукописи подъ названіемъ: „Славны бубны за горами. 1810 года". („Амфіонъ" 1815 г., кн. 3, стр. 4—14, за подписью: Кн. И. Д.—Эта рукопись—„Славны бубны за горами. или путешествіе мое кое-куда 1810 года" полностію была напечатана, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго, въ 1869 г. въ „Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и Др. Рос.", № 2, стр. 1—170 и № 3. стр. 171—356, и отд.: М., 1870 г., въ Унив. тип., 8°. VII+355 стр.); „Богатый. Отрывокъ изъ длиннаго стихотворенія" К. И. Д. („Амфіонъ" 1815, кн. 3, стр. 51—60); „Херсонъ" (проза) (тамъ-же, кн. 4, стр. 11—22); „Стихи любви. Подарокъ Ан. Ив. Рил—вой" (тамъ-же, стр. 57—59); „Ильинское" (тамъ же, кн. 6, стр. 42—57). Съ 1816 года князь открылъ въ своемъ московскомъ домѣ домашніе спектакли, которые посѣщались извѣстными людьми лучшаго общества, что однако не мѣшало этимъ же людямъ въ награду за доставляемое удовольствіе злословить на счетъ князя. Иванъ Михайловичъ, конечно, огорчался такою неблагодарностью и въ отвѣтъ своимъ порицателямъ написалъ стихи—„Мой театръ". Въ этомъ же году кончились и всѣ дѣла, относившіяся до князя Долгорукого: ве-

лѣпо было сдѣлать ему выговоръ. По этому поводу онъ написалъ стихотвореніе „Невинность“ (Спб., тип. Плавильщикова. 1817. 8°. и другое изданіе—Спб., въ тип. Ивана Глазунова. 1817. 8°, съ такимъ подробнымъ титуломъ: Сочиненіе Князя Ивана Михайловича Долгорукаго, почетнаго члена Императорскаго Московскаго Университета и Общества Любителей Россійской Словесности, при ономъ учрежденнаго, въ которомъ сочиненіе сіе и было читано публично). Стихотвореніе это въ Обществѣ напугало одного изъ членовъ, проф. Сандунова, своею вольностію, и потому оно послано было для печати въ Петербургъ. Въ „Трудахъ“ Общества оно явилось только въ 1817 году. Къ 1816 году относится и комедія „Дурыломъ“; въ этомъ же году князь, проѣзжая въ деревню, былъ во Владимірѣ, и посѣтилъ прежде всего гимназію. Въ 1817 г. онъ съ семействомъ ѣздилъ въ Кіевъ, и эту поѣздку описалъ подъ названіемъ—„Второе путешествіе въ Малороссію“ (напечатано послѣ смерти въ „Чтен. въ Моск. Общ. Истор. и Древн. Рос.“ 1870 г., № 2, стр. 1—208 и оттуда отдѣльно).

Живя безъ жалованья и не имѣя свободныхъ средствъ, Долгорукой нуждался,—его постоянно безпокоили долги и недостатки, и потому онъ сильно хандрилъ. Для поправленія средствъ оставался одинъ исходъ и онъ продалъ Никольское и черезъ это расплатился съ кредиторами. Во время поѣздки въ Нижній у князя разболѣлась нога и онъ еще болѣе сдѣлался мраченъ, впалъ въ ипохондрію. Слѣдствіемъ такого душевнаго настроенія были стихи—„Размыш-

ленія недужнаго", которые послѣ были напечатаны въ „Соревнователѣ Просвѣщенія". Въ 1819 году князь написалъ стихи „На кончину Ея Величества Королевы Виртембергской" (М., тип. Семена, 1819. 8°); въ концѣ того же года онъ началъ составлять словарь всѣхъ лицъ, съ которыми, въ теченіе своей жизни, былъ въ сношеніяхъ, и окончилъ его въ октябрѣ 1820 г. Это сочиненіе Долгорукого, съ предисловіемъ Бодянскаго, вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ—„Камище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіи моей жизни" („Чтен. въ Моск. Общ. Ист. и Др. Рос." 1872, № 3, стр. 1—60; № 4, стр. 61—148; 1873, № 1, стр. 149—214; № 2, стр. 215—330, и № 3, стр. 331—369, и отд. М., 1874. 8°, въ Унив. тип. VI+IV+369+9 стр.). Въ 1820 г. Долгорукой написалъ шесть небольшихъ театральныхъ піесъ, подъ названіемъ „Пословицы", которыя были всѣ умны и забавны; это—„Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, съ ума ввѣкъ не сойдешь", „Чему быть, того не миновать", „Не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ", „Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день", „У семи нянекъ дитя безъ глазу" и „Грибъ съѣли" комед. въ 2 д. Потомъ онъ написалъ трагедію въ стихахъ „Султанъ-Фатьма" и началъ переводъ вольтеровой трагедіи „Агафоклесъ"; въ 1822 г. имъ написаны стихи на „Чистый понедѣльникъ", замѣчательные по выраженнымъ въ нихъ христіанскимъ чувствамъ. Необходимо оговориться, что указанными произведеніями далеко не исчерпывается литературная

дѣятельность князя.—мы многихъ произведеній его совсѣмъ не упомянули, какъ, напр., „Я“, „Взглядъ старца на заходящее солнце“, „Бѣдняку“, „Споръ“, пѣсни (числомъ 29), „Семира Болеславна“, „Исповѣдь грѣховодника“, „Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ“ и др.

Изъ изданныхъ послѣ смерти князя можно, кромѣ указанныхъ выше, еще отмѣтить: „Письма (его) къ Макарову“ въ „Дамскомъ журналѣ“ т. 25 (№ 13) и т. 26 (№№ 17 и 18); „Автобіографія отца моего, кн. П. М. Долгорукова“, сообщен. сыномъ его въ „Москвитян.“ 1844, № 11, стр. 196—213 (изд. и отд. М., Унив. тип., 1844. 8°.) и продолженіе—„Записки князя П. М. Долгорукаго. („Отрывки“), тамъ-же, 1845, № 2, стр. 21—43; „Полное собраніе сочиненій“, изд. А. Смирдина. 2 части. Спб., тип. Импер. Академ. Наукъ. 1849. 8°, и, наконецъ, „Шуточный романсъ“ Долгорукого, сообщенный М. Р., т. е. М. М. Рангомъ во „Владим. Губерн. Вѣдом.“ 1870, № 25.—

Князь П. М. Долгорукой скончался въ Москвѣ, вдругъ, безъ страданій, 4 декабря 1823 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

„Живость ума, чувствительность сердца, непстощимая веселость, смѣняемая иногда приступами дурного расположенія духа, которое князь Долгорукой называлъ, по своему, хандрою; неограниченная привязанность къ друзьямъ и какая-то дѣтская простота шутливости; любовь къ человѣкамъ и къ обществу, вмѣстѣ съ недовѣрчивостью вообще къ людямъ, которыхъ

онъ и имѣлъ таки причину не любить; благородство мыслей и чувствъ, вмѣстѣ съ простонародностію въ ихъ выраженіи, доходившею иногда до прекрасной простоты, иногда почти до пошлости; высокость, не рѣдко глубина чувства; умѣнье предаваться совершенно настоящей минутѣ, какъ скоро не было помѣхи отъ внѣшняго міра; наблюденіе всѣхъ свѣтскихъ приличій, вмѣстѣ съ наружною небрежностью въ одеждѣ и въ домашнемъ быту, и съ какою-то оригинальностью, съ какимъ-то своевольствомъ обычаевъ; наблюденіе съ людьми взаимныхъ отношеній, какъ скоро не мѣшали этому нетерпѣливость, или припадокъ веселости, доходившей иногда до крайности; наконецъ, непритворное религіозное чувство, любовь къ семейству, добродушіе: вотъ черты, говоритъ М. А. Дмитріевъ, изъ которыхъ состояла разнообразная и безпримѣрная смѣсь оригинальнаго характера этого замѣчательнаго человѣка".

О кн. Долгорукомъ см. „Вѣст. Евр." 1816 г., ч 85, № 3, стр. 186—188 („Князю И. М. Долгорукому по случаю моего отъѣзда изъ Москвы"); 1817, ч 93, № 10, стр. 101—103. („Князю И. М. Долгорукову" Остоловъ).—„Рус. Инвалидъ" 1823, № 302, стр 1208 (некрологія).—„Литерат. Листки" 1824, ч. 1, № 1, стр. 25 (некрологъ).—„Историч., Статист. и Географич. Журналъ" 1827, ч. 2, № 4, стр 48—51 („Отношеніе покойнаго князя И М. Долгорукаго къ бывшему директору Владимірской гимназіи А. А. Цвѣтаеву").—„Дамскій Журналъ", 1824, ч. 5, № 2, стр. 83. (И. И. Писаревъ—„Къ портрету кн. И. М.

Долгорукого"): ч. 5, стр. 35. (Гр. Д. И. Хвостовъ — „Надгробіе кн. И. М. Долгорукому"). — „Атеней" 1828, ч. 1, № 2, стр. 93 – 94 (Ник. Иванчинъ — Писаревъ — „Нѣчто о рѣдкой долговѣчности талантовъ"). – „Москвитянинъ" 1851, ч. 1, № 3 (февраль), стр 265 – 320 (М. А. Дмитріевъ. — „Князь И. М. Долгорукой и его сочиненія". — Тоже. отд. М., Унив. тип., 1851. 8°. — Тоже, изд. 2-е, обработанное вновь, исправленное и значительно дополненное. М., тип. Степановой. 1863. 8°. III + 284 стр.). — Тоже, перепеч. въ „Журн. для чтен. воспит. военно-учебн. заведеній" 1851, №№ 365 и 366. — „Труды Владимір. Губ. Статист. Комитета" вып. 6 (1867 г.) и „Влад. Губ. Вѣд." 1867, № 6, стр. 50 – 54 (М. М. Рангъ — „Кн. И. М. Долгорукой, Владимірскій гражданскій губернаторъ"). — „Современ. Лѣтопись" 1863, № 41 (М. Н. Лонгиновъ — „Кн. И. М. Долгорукой, по поводу его сочиненій"). — „Отеч. Зап." 1824. № 8, стр. 264 — 271 („О жизни и сочиненіяхъ В. В. Капниста и кн. И. М. Долгорукова"). — „Рус. Арх." 1863, № 3 (М. Н. Лонгиновъ – о сочиненіяхъ и хронологія стихотвореній Долгорукого). — „Другъ просвѣщенія" 1806 г., ч. 2, № 6, стр. 216 — 230 („Новый опытъ истор. словаря о рус. писателяхъ" митропол. Евгенія). — „Словарь рус. свѣтск. писателей", митрополита Евгенія, изд. Москвитянина. Т. I. М., Унив. тип. 1845, 8°, стр. 187. — „Опытъ кратк. истор. рус. литерат." Греча. Спб., тип. Греча, 1822, 8°, стр. 211 — 212. — „Энцикл. лексиконъ," изд. Плюшара, т. 17. Спб.

1841. 8°, стр. 91—92 (В. Пл., т. е. В. Т. Плаксинъ).—„Справочн. Энцикл. Словарь“ Крайя. Спб., 1855, т. IV, стр. 132.—„Полное собр. сочиненій“ С. Т. Аксакова, изд. Н. Г. Мартынова. Спб. 1886, тип. В. Безобразова, т. 4, стр. 38 и слѣд.—„Справочн. словарь о рус. писат. и ученыхъ....“ Г. Н. Геннади, т. 1. Берлинъ, 1876. 4°, стр. 317—318.—„Словарь рус. писат. средняго періода рус. литературы“ А. В. Арсеньева. Спб., 1887. 16°, стр. 140—141.—„Русскіе поэты въ біограф. и образцахъ“ Н. В. Гербеля. Изд. 3-е. Спб., 1888. 8°. стр. 58—66.—„Историч. очеркъ Владим. губерн. гимназіи“ П. Н. Страхова, вып. I. Владиміръ. 1891, 8°, стр. 6—7. 20, 35—38, 43, 62—63, 128—129, 165—166, 177, 186 и 202—206.—„Сочин. К. Н. Батюшкова“. Спб. 1885, т. II, стр. 509—512.—„Энциклопедическій Словарь“, изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. т. X. (полутомъ 20). Спб., 1893 г. 8°, стр. 924 (Д. Л-нко).—„Настол. Энциклопедич. Словарь“, изд, А. Гарбеля и К°. т. 3 (вып. 33), стр. 1561—1562.—Главный матеріалъ для біографіи кн. Долгорукого составляютъ его сочиненія—„Автобіографія“ (напеч. въ „Москвитянинѣ“ 1844 г. и 1845 г.) и „Капище моего сердца“, а также и его стихотворенія.

XXII.

Архіепископъ Савва.

Преосвященный Савва, въ мірѣ Иванъ Михайловичъ Тихомировъ, замѣчательный своими учеными трудами, ревностный служитель на избранномъ поприщѣ въ продолженіе своей многолѣтней пастырской дѣятельности, щедрый жертвователь во многія учебныя и другія заведенія, родился во Владимірской губерніи.

Въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія въ селѣ Палехѣ, Вязниковскаго уѣзда, былъ пономаремъ при Крестовоздвиженской церкви Михаилъ Сергѣевъ (безъ фамиліи), слывшій въ простонародьи подъ именемъ Михаила бѣлаго. Этотъ пономарь частію для поддержанія семьи, частію изъ любознательности занимался въ свободное время вставкой стеколъ въ рамы и иконописью. Дѣтей у него было три дочери. Въ началѣ 1819 г. молодой, только 36 лѣтъ, Михаилъ Сергѣевъ простудился и, не много похворавъ, почти внезапно умеръ. Осиротѣлая семья, изъ жены, оставшейся беременною, и трехъ дочерей, какъ не имѣвшая въ Палехѣ никого изъ родныхъ, перебралась въ село Горицы, Шуйскаго уѣзда, гдѣ была родина вдовы Стефаниды Ивановны, и здѣсь то, чрезъ пол-

„Семья"
1896 №42.

Высокопреосвященный Савва,
архіепископъ тверской
† 13-го октября 1896 года
(съ фотогр. К. А. Фишера, въ Москвѣ).

тора мѣсяца послѣ смерти мужа, вдова родила сына Ивана, именно 15 марта 1819 года.

Стефанида Ивановна на родинѣ поселилась у брата своего, хотя и діакона, но человѣка многосемейнаго, и потому принуждена была для прокормленія семьи усиленно работать, въ чемъ по немногу помогали ей и дочери - малютки. Она была просвирней; зимой ткала, а лѣтомъ занималась убирать сѣно и жать хлѣбъ. Мальчику Ивану жилось, сравнительно, мирно и безъ заботно; мать его любила, по возможности баловала, и только строга была въ требованіи, чтобы онъ неопустительно посѣщалъ церковь и тамъ стоялъ съ благоговѣніемъ.

Учиться Иванъ Михайловичъ, по собственному желанію, началъ лѣтъ съ шести; первымъ учителемъ его былъ дьячекъ. Въ іюлѣ 1827 г. мать отвела его въ Шую и тамъ, по ея просьбѣ, дана была ему фамилія Тихомировъ. Онъ былъ опредѣленъ въ первый классъ Шуйскаго приходскаго училища.

Бытъ учениковъ 20—30-хъ годовъ рѣзко отличается отъ того, что видимъ въ позднѣйшее время. То была суровая, въ своемъ родѣ спартанская жизнь, перемѣшанная съ эпизодами самаго веселаго свойства. Тогда не рѣдкостью было встрѣтить сидящаго за партой рядомъ съ 9—10 лѣтнимъ юнцомъ и такого молодца, лѣтъ 20 и болѣе, котораго болѣе безпокоила одолѣвавшая растительность на лицѣ, чѣмъ какая-либо наука. Взрослые ученики подневольно сидѣли въ классахъ, числясь иногда женихами невѣсть съ закрѣпленными мѣстами, впроголодь питались, спали на полу, и въ то же время трепетали

предъ старшими, авдиторами, сѣкаторами и т. п. „начальствомъ“ и почти ежедневно принимали съ ревомъ мзду за успѣхи въ наукахъ. Вмѣстѣ съ взрослыми неразрывно проводили жизнь и юнцы, только что начинавшіе втягиваться въ училищную жизнь и искавшіе примѣровъ.... Суровая тогда была жизнь и въ экономическомъ, и даже въ умственномъ отношеніи. Квартирные хозяева, получая по 6—7 руб. ассигнаціями въ годъ съ ученика, мечтали наживать капиталы и потому кормили учениковъ очень скудно; система подчиненія школьниковъ другъ другу, смѣсь крайнихъ возрастовъ и „жестокіе обычаи“ того времени не много способствовали укрѣпленію и развитію нравственныхъ началъ въ юношахъ, а механическое преподаваніе, благодаря незнакомству съ педагогикой, отсутствію какихъ бы то ни было учебныхъ пособій, развивало въ ученикахъ только память, въ ущербъ другимъ умственнымъ способностямъ. Преимущественное изученіе только древнихъ языковъ служило единственнымъ средствомъ къ развитію учениковъ и пріучало ихъ къ усидчивому труду.

Ученическіе годы Ивана Тихомирова прошли при такихъ же условіяхъ. Мать не могла дать сыну почти ничего, — только находила возможнымъ снабжать его сдобными пирожками да лепешками. На квартирѣ онъ жилъ у религіозной въ высшей степени старушки—дѣвицы Но не долго пользовался Тихомировъ и единственными ласками матери: она въ мартѣ 1830 г. скончалась, оставивъ сиротъ на попеченіе діакона—брата. Матеріальное положеніе мальчика, впрочемъ,

мало измѣнилось: за отличные успѣхи и поведеніе ему назначено было 60 р. изъ казны. Учился онъ дѣйствительно хорошо: въ архивѣ шуйскаго училища за 1833 г. сохранилась отмѣтка—„высшаго отдѣленія Иванъ Тихомировъ отличается особеннымъ прилежаніемъ и благонравіемъ". Прилежнымъ онъ былъ до конца и въ 1834 г. окончилъ курсъ въ Шуйскомъ духовномъ училищѣ первымъ. На праздники (каникулы) мальчикъ ходилъ къ роднымъ, которымъ помогалъ въ работахъ; но эти труды онъ исправлялъ по необходимости, такъ какъ у Тихомирова была страсть къ чтенію книгъ, списыванію стиховъ и литературныхъ статей. Съ этими стремленіями перешелъ онъ и во Владимірскую семинарію.

Семинарія была болѣе богата учебными пособіями, чѣмъ училище, и Иванъ Тихомировъ, жившій въ бурсѣ, имѣлъ возможность не только усвоять преподаваемое, но и дополнять своими средствами. Съ матеріальной стороны жизнь была обставлена очень бѣдно, а по окончаніи семинарскаго курса (1834—1840). со званіемъ студента, Тихомировъ очутился почти въ безвыходномъ положеніи.

По словамъ самого преосвященнаго, при окончаніи курса въ семинаріи, онъ, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, былъ предназначенъ для отправленія въ Московскую академію; но ко дню назначеннаго особаго испытанія у него такъ разболѣлось горло, что начальство нашло нужнымъ замѣнить его другимъ кандидатомъ. Этотъ случай поставилъ Тихомирова по выходѣ изъ семинаріи лицомъ къ лицу съ безъисходной

нуждой: въ бурсѣ хоть кормили, давали теплый уголъ, а теперь пришлось идти на квартиру, заработывать кусокъ хлѣба. Но что было дѣлать? Уроковъ не было, не было и подходящаго мѣста. Совершенно случайно получилъ онъ во Владимірѣ мѣсто смотрителя семинарской больницы съ жалованьемъ по 2 руб. въ мѣсяцъ, съ правомъ жить при больницѣ и пользоваться столомъ. Вмѣстѣ съ этимъ нашлись кое-какіе уроки, а ректоръ семинаріи (Поликарпъ) позволялъ ему иногда замѣнять отсутствующихъ въ семинаріи наставниковъ... Но все это было временно и непрочно, и потому не давало успокоенія Тихомирову.

Въ самомъ концѣ 1841 г. обстоятельства, видимо, измѣнялись къ лучшему: въ Муромѣ на мѣсто умершаго священника искали подходящаго жениха — студента, при чемъ было указано на Тихомирова. Ему не хотѣлось идти въ священники, но епископъ Парфеній уговорилъ его, обѣщавъ дать и учительское мѣсто въ духовномъ училищѣ. 11 декабря 1841 г. онъ былъ опредѣленъ учителемъ 1-го класса Муромскаго приходскаго училища, 12 января 1842 г. Тихомировъ женился, а 25 числа того же мѣсяца произведенъ во священника къ Муромскому Богородицкому собору, съ оставленіемъ при учительской должности, за исправленіе которой получалъ 300 р. ассигнаціями. Доходы отъ соборной службы были еще менѣе: жалованья получалъ онъ 11 р. 43 к. въ годъ и изъ кружки рублей 200. На эти крайне скудныя средства онъ долженъ былъ содержать свое семейство и семейство тещи изъ 9 душъ.

Какъ бѣдна была жизнь съ матеріальной стороны, такъ не богата она была содержаніемъ и со служебной: соборъ былъ безприходный, проповѣдывать слово Божіе о. Іоанну не приходилось, а училищная служба требовала только аккуратнаго исполненія учительскихъ обязанностей. Все это не могло особенно радовать молодого священника, мечтавшаго объ академическомъ образованіи; не особенно утѣшало его и повышеніе по училищной службѣ,—именно. опредѣленіе 24 февраля 1843 г. учителемъ по классу катихизиса, церковнаго устава, ариѳметики и греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи, съ жалованьемъ 500 р. ассигнаціями. Единственное утѣшеніе о. Іоаннъ находилъ въ чтеніи книгъ. Скоро и совсѣмъ должна была измѣниться жизнь молодого священника: 23 апрѣля 1845 г. онъ овдовѣлъ.

„Послѣ того, какъ постигло меня семейное горе, говоритъ Савва, я сталъ размышлять самъ съ собою и обращался за совѣтами къ другимъ, что мнѣ дѣлать, и какъ устроить дальнѣйшую мою судьбу .. Болѣе всего меня занимала мысль объ академіи, но устрашала сидячая тамъ жизнь при довольно разстроенномъ уже здоровьѣ“. Многіе знакомые не совѣтовали идти въ академію, и положеніе сиротъ тещи (самъ онъ былъ бездѣтный) склоняло о. Іоанна къ тому же; но одно обстоятельство окончательно рѣшаетъ его судьбу: въ іюнѣ 1846 г. было послано имъ прошеніе въ Московскую Духовную Академію о дозволеніи явиться на испытаніе, которое о. Іоаннъ Тихомировъ выдержалъ хорошо и поступилъ въ составъ 17-го курса (1846—1850).

Въ академіи о. Тихомирову пришлось слушать лекціи такихъ знаменитыхъ профессоровъ, какъ О. А. Голубинскій, А. В. Горскій, Е. В. Амфитеатровъ и др. Академическая жизнь нравилась ему. „По собственному опыту, писалъ онъ, могу сказать, что для молодого вдовца-священника самое лучшее и безопасное убѣжище въ академіи. Здѣсь совершенно свободенъ отъ всѣхъ суетъ и непріятностей, какія необходимо встрѣчаются въ мірѣ при многоразличныхъ отношеніяхъ. Въ академіи и отношенія, и занятія гораздо простѣе". Объ его трудолюбіи свидѣтельствуютъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшіе профессора академіи. „Между студентами, говоритъ Леонидъ, архіепископъ Ярославскій, бывшій въ 1848—49 годахъ бакалавромъ академіи и помощникомъ библіотекаря, примѣтенъ былъ одинъ молодой священникъ съ свѣтлыми волосами, чрезвычайной худобы въ тѣлѣ, и съ пріятною смѣсью чего-то кроткаго, серьезнаго и добродушнаго въ лицѣ. Его, переходящаго съ книгами отъ шкафа къ шкафу, и его короткую рясу я врѣзалъ въ память навсегда.... Лекціи мои онъ посѣщалъ усердно и слушалъ внимательно".

Жизнь въ академіи была мирная и спокойная, вся посвященная наукамъ; она-то невольно и расположила о. Іоанна къ монашеству, о которомъ онъ прежде и не думалъ. 1 октября 1848 г. священникъ Тихомировъ былъ постриженъ ректоромъ академіи, съ нареченіемъ имени Савва. Переходъ въ монашество—въ существѣ—былъ незамѣтенъ для Тихомирова,—тѣ же занятія, то же общество; въ

видѣ послушанія о. Саввѣ назначено было завѣдываніе церковною службою по академіи.

Въ академіи іеромонахъ Савва обучался наукамъ богословскимъ, философскимъ, словесности церковной и всеобщей, исторіи церковной и гражданской, математикѣ и языкамъ — еврейскому, греческому и нѣмецкому. Изъ всѣхъ предметовъ менѣе давалась ему математика. Курсовое сочиненіе онъ писалъ на тему „объ устной проповѣди“. Академическое образованіе о. Савва закончилъ въ 1850 году съ званіемъ магистра (подъ № 10).

Академическое начальство предполагало назначить о. Савву инспекторомъ во Владимірскую семинарію, а ему самому хотѣлось поступить въ Виѳанскую, такъ какъ оттуда удобнѣе всего можно было получать и ученую помощь, и нравственную поддержку; но все устроилось иначе. Въ то время московскій митрополитъ Филаретъ искалъ способнаго и благонадежнаго кандидата на должность ризничаго въ Московскую синодальную (бывшую патріаршую) ризницу, такъ какъ занимавшій эту должность іеромонахъ Евстаѳій былъ не особенно привѣтливъ съ посѣтителями, да, тяготясь службой, не наблюдалъ и за порядкомъ. Ректоръ академіи указалъ митрополиту на Савву. Должность синодальнаго ризничаго въ Москвѣ считалась и почетною, и выгодною въ матеріальномъ отношеніи. 22 августа 1850 г. іеромонахъ Савва утвержденъ былъ синодомъ въ этой должности.

Еще до принятія званія ризничаго, о. Савва тотчасъ по окончаніи курса въ академіи отправился на

родину побывать во всѣхъ дорогихъ ему мѣстахъ. По возвращеніи оттуда, митрополитъ Филаретъ поручилъ ему перевести съ латинскаго на русскій языкъ письмо извѣстнаго діакона англиканской церкви Пальмера къ главному священнику арміи и флота, В. И. Кутневичу.

1 сентября о. Савва вступилъ въ должность синодальнаго ризничаго, на обязанности котораго лежало хранить древнюю патріаршую ризницу и синодальную библіотеку, настоятельствовать въ церкви 12 Апостоловъ, приготовлять все потребное для муроваренія, хранить и раздавать св. муро, наблюдать за хоромъ синодальныхъ пѣвчихъ въ нравственно-учебномъ отношеніи и, наконецъ, допускать любопытствующихъ къ обозрѣнію древностей, хранящихся въ ризницѣ, и ученыхъ къ изученію рукописей библіотеки. Девять лѣтъ проходилъ о. Савва эту высокую должность съ честію и великою пользою для церкви и для науки, съ величайшею готовностью и просвѣщеннымъ вниманіемъ всегда отзываясь на желаніе кого-бы то ни было осмотрѣть синодальную ризницу и библіотеку и воспользоваться ея сокровищами для научныхъ цѣлей.

По вступленіи въ должность ризничаго, о. Савва, по порученію митрополита Филарета, приступилъ къ описанію болѣе примѣчательныхъ предметовъ, хранящихся въ патріаршей ризницѣ. Плодомъ этихъ занятій явился „Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) ризницы и библіотеки“ (М. Универ. тип., 1855. 8°. 155 и 11 стр.). Для исторической части описанія о. Савва пользовался

рукописями Синодальной библіотеки, Оружейной палаты, Московскаго Главнаго Архива иностранныхъ дѣлъ и архива Синодальной конторы. Этотъ трудъ въ 1858 г. былъ изданъ дважды: изданіе второе (ризницы), значительно дополненное, съ приложеніемъ поясни-тельнаго словаря неудобопонятныхъ словъ и названій предметовъ, встрѣчающихся въ книгѣ. (М., Универ. тип., 1858. 8°. II, 126, 32, IV и II стр.. и изд. 3-е (ризницы и библіотеки) —III. III. 126, VIII, 292, 40 и 2 нен. стр.). Въ послѣдующихъ изданіяхъ было приложено XV таблицъ рисунковъ съ замѣчательныхъ предметовъ Патріаршей ризницы; 4-е изд. было въ 1863 г., а 5-е въ 1883 г. Этотъ трудъ доставилъ автору извѣстность въ церковно-археологической наукѣ, вызвалъ массу лестныхъ отзывовъ въ болѣе солидныхъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ и былъ удостоенъ въ 1859 г. отъ Академіи наукъ Демидовской преміи въ 714 руб. Кромѣ того, за поднесенные экземпляры изданія авторъ получилъ въ 1858 г. отъ Государя Императора подарокъ въ 429 руб., а отъ Императрицы и Наслѣдника Цесаревича благодарность. Наконецъ, самъ митрополитъ Филаретъ высоко оцѣнилъ труды о. Саввы: „ты съ честью проходишь свою должность и принесъ на ней не мало пользы“, отозвался митрополитъ и 15 мая 1855 г. возвелъ достойнаго ризничаго въ санъ архимандрита. Дѣйствительно, составленный о. Саввою „Указатель“ до сего времени составляетъ необходимую книгу для каждаго ученаго археолога, не смотря на существующее болѣе полное „Описаніе“, составленное А. В. Горскимъ и

К. П. Невоструевымъ.—Къ тому же времени относится и другой трудъ архимандрита Саввы: въ 1858 г. онъ напечаталъ въ „Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ по отд. рус. яз. и слов." (1858 г., т. VII, стр. 371—373) „Вновь открытые памятники XI вѣка"; тамъ же (вып. 5-й) было напечатано и письмо его къ редактору.

Должность ризничаго о. Савва сначала принялъ неохотно, но потомъ полюбилъ церковную археологію.—ему доставляло удовольствіе въ священныхъ древностяхъ искать слѣдовъ и воспоминаній древней церковной жизни, и онъ изучалъ ихъ, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ. Въ виду этихъ-же занятій онъ въ 1853 г. былъ назначенъ, указомъ Московской св. Синода конторы, членомъ коммиссіи по составленію новыхъ описей церковному имуществу синодальной 12-ти Апостоловъ церкви и Патріаршей ризницы; 10 декабря 1855 года архимандритъ Савва былъ избранъ въ члены соревнователи Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, а 25 іюля 1856 г. указомъ Московской св. Синода конторы назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго для разбора рукописей и книгъ Московской синодальной типографской библіотеки.

Кромѣ обязанностей ризничаго, архимандритъ Савва исправлялъ и другія должности,—такъ, лично ему присвоена была, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, степень настоятеля третьекласснаго монастыря: онъ присутствовалъ при коронованіи Государя Александра II, за что въ 1857 году былъ награжденъ большою

серебряною медалью съ портретомъ Государя: наконецъ, 27 февраля 1857 г. былъ назначенъ членомъ ревизіоннаго комитета для повѣрки ежегодныхъ отчетовъ въ штатной суммѣ по всѣмъ ставропигіальнымъ монастырямъ. Въ томъ же году митрополитъ хотѣлъ представить его въ ректоры Виленской семинаріи, но извѣстный А. Н. Муравьевъ замѣтилъ митрополиту Филарету: „гдѣ вы возьмете такого человѣка на должность ризничаго?“ Въ этомъ лучшая аттестація для Саввы, какъ ризничаго. По словамъ преосвященнаго Леонида, „лицо синодальнаго ризничаго поставляли въ общемъ мнѣніи такъ высоко, какъ оно никогда не возвышалось. И русскіе не могли довольно нахвалиться имъ (о. Саввою), и ученые иностранцы, особенно которые могли говорить съ нимъ по латыни, дѣлали о немъ великолѣпные отзывы въ журналахъ“.

Митрополитъ Филаретъ, конечно, отлично понималъ, что какъ ни хорошъ ризничій, но все же нельзя ему навсегда оставаться въ этой должности: въ 1858 г. митрополитъ представилъ архимандрита Савву на должность ректора Московской семинаріи, находя, что „полезно безъ замедленія обратить его на поприще училищной службы“. Опредѣленіе состоялось 18 мая 1859 г., при чемъ онъ былъ назначенъ профессоромъ богословскихъ наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Московской духовной консисторіи, съ увольненіемъ отъ должности синодальнаго ризничаго и другихъ возложенныхъ на него обязанностей. Въ вознагражденіе полезныхъ трудовъ по Патріаршей ризницѣ и библіо-

текѣ, по указу Святѣйшаго Синода, архимандритъ Савва 18 апрѣля 1860 г. былъ награжденъ 1000 р. сер. Ректоромъ семинаріи о. Савва пробылъ не долго, но и въ короткое время своего управленія семинаріею сдѣлалъ многое для ея благоустройства. „Нымъ казалось, говоритъ преосвященный Леонидъ, что уклонившись въ спеціальность археологіи, онъ не подъиметъ бремени ректорства; оказалось противное. Умомъ просвѣщеннымъ, характеромъ открытымъ и твердымъ, безъ жестокости, онъ совершенно овладѣлъ своею должностію. Онъ былъ тяжелъ только для враговъ порядка". Въ то время, по мнѣнію митрополита Филарета, нуженъ былъ именно такой администраторъ и для Московской академіи, и 21 января 1861 г. состоялось опредѣленіе о. ректора Московской семинаріи (гдѣ онъ не былъ популяренъ), архимандрита Саввы, въ ректора Московской духовной академіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ сдѣланъ настоятелемъ Высокопетровскаго монастыря, оставленъ членомъ консисторіи и занялъ должность предсѣдателя комитета по изданію твореній св. отцевъ въ русскомъ переводѣ. Будучи ректоромъ академіи, архимандритъ Савва въ 1861 г. ревизовалъ Ярославскую семинарію, а въ іюлѣ 1862 г.—свою родную, Владимірскую. Въ 1861 г. онъ напечаталъ и два слова: „Слово въ день рожденія Государя Императора Александра Николаевича" и „Слово въ день тезоименитства Государя Наслѣдника, Великаго Князя Николая Александровича" („Творенія Св. Отцевъ церкви" 1861.г., прибавл. 20).

За время училищной службы архимандритъ Савва былъ избранъ членомъ корреспондентомъ Императорскаго русскаго археологическаго общества (22 марта 1860 г.) и Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ ордена св. Анны 2 степени.

Ректоромъ академіи архимандритъ Савва пробылъ менѣе двухъ лѣтъ, которые были однако довольно труднымъ для него временемъ: ему нужно было и основательно готовиться къ лекціямъ, и усмирять „разсудительностію спокойною, твердостію непреклонною“ неспокойныхъ студентовъ. По отзыву современниковъ, „онъ оставилъ академію въ наилучшемъ устроеніи, въ спокойствіи, въ полной гармоніи частей, и указалъ вѣрный путь преемнику“.

До 1862 г. митрополитъ московскій Филаретъ имѣлъ только одного викарія; обширная епархія, со множествомъ дѣлъ по званію митрополита, требовала отъ него усиленныхъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что викарій (епископъ Леонидъ) очень часто хворалъ; но митрополиту было уже 80 лѣтъ, силы его ослабѣвали, и потому онъ, по совѣту оберъ-прокурора св. синода А. П. Ахматова, рѣшился просить себѣ втораго викарія, каковымъ, по его же представленію, 14 октября 1862 г. и былъ Высочайше утвержденъ ректоръ Московской Духовной Академіи архимандритъ Савва. 2 ноября о. ректоръ былъ нареченъ во епископа, при чемъ онъ произнесъ рѣчь, которая напечатана въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отецъ“ (М., 1862, часть 21; перепечатана въ „Странникѣ“ 1863, февраль, отд. IV, стр. 44—45), а 4 ноября

хиротонисанъ въ Большомъ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ. Савва сталъ именоваться епископомъ Можайскимъ. Онъ всю жизнь благоговѣлъ предъ именемъ митрополита Филарета, который своими совѣтами, указаніями при добромъ отношеніи много облегчалъ труды вновь рукоположеннаго архіерея; дѣятельность самого митрополита служила для епископа Саввы идеальнымъ образцомъ, руководившимъ во всю его продолжительную архипастырскую службу. Много помогало Саввѣ и совмѣстное сотрудничество въ Москвѣ опытнаго перваго викарія, съ которымъ преосвященный онъ былъ издавна въ искреннихъ, добрыхъ отношеніяхъ; кромѣ того, кроткій, миролюбивый характеръ епископа Саввы, его для всѣхъ доступность, участливое отношеніе ко всякому, кто обращался къ нему, его доброта снискали любовь къ нему всѣхъ слоевъ общества Москвы; имя его, какъ епископа, было очень популярно.

Кромѣ обычнаго завѣдыванія епархіальными дѣлами, на епископа можайскаго Савву возлагались и другія обязанности,—такъ, въ мартѣ 1863 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Московскаго комитета по разсмотрѣнію трудовъ с.-петербургскаго комитета по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній (комитетъ этотъ, по словамъ митрополита Филарета, произвелъ солидную работу, заключающую въ себѣ довольно основательныхъ соображеній); въ 1864 и 1866 годахъ онъ обозрѣвалъ Московскую Духовную Академію; принималъ участіе въ рѣшеніи вопросовъ о церковно-съѣчномъ дѣлѣ, о раскольникахъ, объ

устройствѣ Филаретовскаго женскаго епархіальнаго училища и т. п. Не забывалъ преосвященный Савва и своихъ археологическихъ занятій. Во время обозрѣнія епархіи, при посѣщеніи церквей, послѣ осмотра святыни и разсмотрѣнія церковныхъ документовъ, онъ, по его собственнымъ словамъ, болѣе всего обращалъ вниманіе на предметы древности. Меня, говоритъ онъ, занимала напр. архитектура той или другой церкви, меня восхищали древнія иконы, древнія священныя и церковныя утвари и надписи на нихъ, старинныя рукописи и книги и пр. Въ 1863 г. онъ издалъ одинъ изъ научныхъ, весьма цѣнныхъ своихъ трудовъ—„Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки VI—XVII вѣковъ“ (62 снимка работы Шелковникова. М., тип. В. Готье, 1863. 4^0, IV и 46 стр. текста. Снимки—литографированные: заглавный листъ въ краскахъ (рукописи греческія), 19, заглав. листъ въ краскахъ (рукописи славянскія), 28, загл. листъ (дополненія) и 13 листовъ). Въ октябрѣ 1864 г. епископъ Савва былъ избранъ въ дѣйствительные члены Московскаго археологическаго общества; въ январѣ 1865 г. его избрали въ дѣйствительные члены Общества древне-русскаго искусства, а 4 апрѣля того же года онъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 степени.

17 іюня 1866 г., по Высочайше утвержденному докладу св. синода, епископъ Савва былъ перемѣщенъ на Полоцкую епископскую каѳедру,—самостоятельную, съ мѣстопребываніемъ въ Витебскѣ. Этимъ

назначеніемъ Савва призывался на очень трудный подвигъ. Дѣло въ томъ, что Полоцкая епархія, учрежденная въ 1833 году, и въ 60-хъ годахъ представлялась весьма неустроенною,—тамъ православіе не было господствующимъ, подавлялось католичествомъ, и тамъ же находили просторъ для своей пропаганды раскольники. Положеніе православнаго духовенства было самое незавидное, составъ его былъ болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства; церкви, по большей части передѣланныя изъ костеловъ, отличались неприкрытою бѣдностью; утварь церковная почти отсутствовала; многія церкви были даже закрыты. Все это служило не къ укрѣпленію православія, а скорѣе—къ уничиженію и уничтоженію его. Кроткій, добрый, миролюбивый, вмѣстѣ съ тѣмъ – образованный и энергичный епископъ Савва, извѣстный уже своею любовью къ православію, и призывался на Полоцкую каѳедру для устройства епархіи. И онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе и выборъ избравшихъ его. Благодаря его популярности въ Москвѣ, начали поступать значительныя пожертвованія деньгами и вещами въ Полоцкую епархію, что дало возможность епископу Саввѣ привести въ настоящій видъ многія церкви; далѣе, онъ энергично принялся за поднятіе самого духовенства до надлежащаго положенія его въ обществѣ, – и съ этою цѣлью обратилъ особое вниманіе на духовно-учебныя заведенія, замѣнялъ старыхъ служащихъ новыми лицами, вызванными изъ другихъ губерній, обновлялъ составъ консисторіи и пр. и проч. За время его пребыванія на Полоцкой каѳедрѣ многіе католическіе костелы

были обращены въ православныя церкви, раскольники начали посѣщать православные храмы и обращаться въ православіе. И все это проводилось въ жизнь почти безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. По его же ходатайству перенесена была изъ Кіева въ Полоцкъ и часть мощей преподобной Евфросиніи. За свои труды епископъ Савва 31 марта 1868 г. былъ Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 1 степени, какъ сказано—„за неутомимые труды и попечительную заботливость о благоустройствѣ епархіи и мѣстныхъ духовныхъ учрежденій". а 8 апрѣля 1873 г. „за отлично усердное служеніе, неутомимые труды по приведенію въ благоустройство ввѣренной ему возсоединенной паствы и постоянную заботливость объ окончательномъ сліяніи ея съ древнеправославною", Всемилостивѣйше сопричисленъ къ императорскому ордену св. Равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени большого креста.

Постоянно занятый епархіальными дѣлами, епископъ Савва уже не имѣлъ времени для научныхъ занятій (за пожертвованіе изданныхъ имъ книгъ въ пользу Московской синодальной ризницы ему, въ октябрѣ 1866 г., была объявлена Высочайшая Его Императорскаго Величества благодарность), и въ Витебскѣ онъ составилъ и напечаталъ только одну брошюру—„О принесеніи части св. мощей преподобной Евфросиніи, княжны Полоцкой, изъ Кіева въ Полоцкій Евфросиніевскій монастырь" (Витебскъ, 1871 г. 8^0), но труженика не забывали въ различныхъ ученыхъ обществахъ и учрежденіяхъ: 12 октября 1866 г епи-

скопъ Савва былъ избранъ почетнымъ членомъ Витебскаго губернскаго статистическаго комитета, 15 октября того же года—почетнымъ членомъ Московскаго Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, ноября 30—дѣйствительнымъ членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, 5 февраля 1870 г.—почетнымъ членомъ Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, 12 декабря 1872 г.—почетнымъ членомъ Московскаго братства св. Петра митрополита и, кромѣ того, вслѣдствіе ходатайства предсѣдателя Общества возстановленія Православнаго Христіанства на Кавказѣ, по представленію Кавказскаго комитета, Высочайше удостоенъ 17 октября 1870 г. званія дѣйствительнаго члена (2-го разряда) онаго общества, съ присвоеніемъ особаго знака для ношенія.

1-го января 1875 г. епископъ Савва произнесъ прощальную рѣчь къ Полоцкой паствѣ (напечатана въ книгѣ—„Празднованіе ... 25-лѣтія въ санѣ епископа....“, Тверь, 1892, стр. 113—114): 7 декабря 1874 года онъ былъ перемѣщенъ на епархіальную архіерейскую каѳедру въ Харьковъ, куда онъ и прибылъ 28 января 1875 г. Харьковская епархія, какъ вполнѣ устроенная, съ православнымъ населеніемъ, не вызывала епископа Савву на особые труды, сверхъ обычныхъ епархіальныхъ, и потому онъ здѣсь имѣлъ полную возможность отдохнуть отъ понесенныхъ трудовъ, сопряженныхъ часто съ непріятностями, въ Витебскѣ, и отдаться, безъ ущерба прямому дѣлу, своимъ литературнымъ занятіямъ. Только одно внѣш-

нее событіе вызвало изъ покоя епископа: въ то время жители Россіи приглашались приносить свои посильныя пожертвованія въ пользу бѣдствовавшихъ славянъ Балканскаго полуострова. Отзывчивый на все доброе и полезное, сердобольный преосвященный Савва принялъ самое горячее участіе въ сборѣ пожертвованій въ пользу славянъ: онъ писалъ воззванія къ паствѣ, поощрялъ жертвователей и своимъ примѣромъ располагалъ къ новымъ жертвамъ деньгами и вещами. Когда началась русско-турецкая война, энергія епископа Саввы еще болѣе усилилась: по его иниціативѣ въ мужскихъ монастыряхъ Харьковской губерніи на монастырскія средства были устроены кровати для не тяжело раненыхъ и больныхъ воиновъ, а въ женскихъ — изготовлялось бѣлье для раненыхъ; кромѣ того, онъ много содѣйствовалъ и сбору пожертвованій въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ. За такіе труды трижды (5 октября и 14 декабря 1877 г. и 23 марта 1878 г.) была объявлена ему Высочайшая Ея Величества Государыни Императрицы благодарность, а также выражена (30 ноября 1877 г.) благодарность и главнымъ управленіемъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ и выданъ ему 5 ноября 1879 г. тѣмъ же управленіемъ Высочайше утвержденный 13 марта 1879 г. знакъ Краснаго Креста. Ко времени пребыванія на Харьковской каѳедрѣ относится и посильная его жертва въ Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургской духовной академіи, за которую онъ 1 ноября 1877 г. внесенъ былъ въ списокъ пожизненныхъ членовъ этого общества.

Еще бывши въ Витебскѣ, епископъ Савва началъ приводить въ порядокъ свой личный архивъ, систематическимъ подборомъ матеріала котораго онъ занялся въ Харьковѣ. Въ этотъ архивъ вошли всѣ полученныя письма, записки, замѣтки, обзоры епархій и т. п. Перечитывая ихъ, преосвященный Савва въ Харьковѣ заготовилъ много автобіографическаго матеріала отъ раннихъ годовъ дѣтства до самыхъ послѣднихъ дней. Въ этомъ матеріалѣ ярко выдвигалась личность покойнаго митрополита московскаго Филарета, и это навело преосвященнаго Савву на мысль—собрать и издать всѣ отзывы и мысли митрополита Московскаго отдѣльнымъ изданіемъ, что послѣ и было осуществлено имъ. Въ Харьковѣ Саввѣ пришлось познакомить и публику съ драгоцѣнными матеріалами своего архива. 15 декабря 1876 года скончался Леонидъ, архіепископъ Ярославскій, съ которымъ преосвященный Савва былъ въ искренней дружбѣ съ 1850 г., и онъ написалъ—„Воспоминанія о высокопреосвященномъ Леонидѣ, архіепископѣ Ярославскомъ и Ростовскомъ“ (Харьковъ, тип. Окружнаго Штаба. 1877. 8°. 347 стр.). За поднесеніе экземпляра этой книги Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ объявлена была автору Высочайшая благодарность. Кромѣ этого литературнаго труда, епископъ Савва, бывши въ Харьковѣ, написалъ нѣсколько словъ и поученій, которыя и были напечатаны въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ; такъ, извѣстна его рѣчь при вступленіи на Харьковскую каѳедру (напечатана и въ книгѣ протоіерея І. Чи-

жевскаго), воззванія о пожертвованіяхъ въ пользу славянъ и русскихъ воиновъ, рѣчь при освященіи Харьковскаго санитарнаго поѣзда, рѣчь предъ выходомъ изъ Харькова въ юго-западный край Россіи полковъ Пензенскаго и Тамбовскаго, рѣчь при встрѣчѣ Имеретинскаго 157 го пѣхотнаго полка, прощальная рѣчь съ Харьковскою паствою (была напечатана отдѣльно и раздавалась авторомъ всѣмъ съ нимъ прощавшимся); наконецъ, въ Харьковѣ епископъ вынужденъ былъ на страницахъ „Харьковскихъ епархіальныхъ вѣдомостей“ 1877 г. объясняться противъ нападокъ на него въ передовой статьѣ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ (№ 45, 1877 г.).

Въ 1875 г., 30 марта, епископъ Савва былъ избранъ почетнымъ членомъ церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной академіи; съ 9 апрѣля 1877 г. онъ состоялъ въ званіи члена учредителя Общества любителей древней письменности, а 9 апрѣля 1879 г. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета.

Въ Харьковѣ преосвященный Савва пробылъ съ небольшимъ четыре года и тамъ оставилъ по себѣ добрую память. Онъ не искалъ популярности, чуждъ былъ всякаго искательства у лицъ именитыхъ; онъ сближался съ людьми науки. Его замѣчательная библіотека привлекала къ нему всякаго, занимающагося какимъ-либо научнымъ вопросомъ. Для духовенства онъ былъ заботливымъ отцомъ.

24 апрѣля 1879 г. епископъ Савва былъ переведенъ на архіерейскую каѳедру въ Тверь, послѣднее

мѣсто своего служенія, куда и прибылъ 8 іюня. Жизнь въ Твери въ продолженіи слишкомъ 17 лѣтъ была наполнена тѣми же заботами объ устройствѣ храмовъ, духовно-учебныхъ заведеній и быта духовенства, какія онъ проявлялъ и на прежнихъ мѣстахъ служенія своего. Здѣсь онъ обнаружилъ тѣ же качества своего ума и сердца, какими завоевалъ общія симпатіи въ Харьковѣ. Лучшимъ доказательствомъ искренняго уваженія къ епископу Саввѣ какъ духовенства, такъ и представителей разныхъ слоевъ общества служатъ тѣ многочисленные адресы, рѣчи, телеграммы и приношенія, которые преосвященный имѣлъ удовольствіе два раза получить не только отъ жителей Тверской губерніи, но и со всѣхъ концовъ Россіи,—это было въ первый разъ по случаю исполнившагося 4 ноября 1887 года двадцатипятилѣтія въ санѣ епископа, а во второй—25 января 1892 г. по случаю пятидесятилѣтняго юбилея въ священномъ санѣ. Общество гор. Твери учредило его имени стипендію въ Тверской Маріинской женской гимназіи, а духовенство—стипендію въ Тверской духовной семинаріи; во всѣхъ рѣчахъ отмѣчается особая любовь къ преосвященному за его кротость, доброту, доступность, за его заботы о паствѣ и о пасомыхъ. Помимо постояннаго отеческаго отношенія ко всѣмъ подчиненнымъ, преосвященный Савва, самъ испытавшій на себѣ всю тягость нищеты и убожества, сдѣлалъ щедрыя пожертвованія въ пользу духовенства: въ 1887 г. онъ послалъ 500 р. на поминовеніе усопшаго митрополита Филарета и родныхъ своихъ въ пользу причта

каѳедральнаго собора. и 500 р. на содержаніе самаго собора; 1400 р. на бѣдныхъ учениковъ Тверской епархіи, 500 р.—на бѣдныхъ учениковъ Тверской семинаріи, 1000 р. на вдовъ и сиротъ духовнаго званія Тверской епархіи, 200 р. на бѣдныхъ гражданъ гор. Твери и т. д. и т. д. Въ 1892 г. снова были пожертвованы имъ значительныя суммы на разныя богоугодныя и учебно-воспитательныя духовныя заведенія Тверской и Владимірской епархій. . Владимірская губернія, къ слову сказать. еще раньше получила отъ преосвященнаго также солидныя пожертвованія: духовная семинарія двѣ тысячи рублей на учрежденіе стипендіи, епархіальное попечительство 1000 руб. на вдовъ и сиротъ, братство св. Александра Невскаго 100 р., шуйское духовное училище 1000 р. на стипендію и т. д. По завѣщанію преосвященнаго, насколько справедливы слухи. также отказаны значительныя суммы и во Владимірскую губернію, въ помощь бѣднымъ и въ пользу различныхъ благотворительныхъ учрежденій. Всѣ эти жертвы, свидѣтельствующія о беззавѣтной добротѣ преосвященнаго, завершились актомъ высшей гуманности: на представленномъ ему не задолго до смерти спискѣ запрещенныхъ въ священнослуженіи онъ положилъ такую резолюцію—„Поименованныя въ особо приложенномъ при журналѣ спискѣ лица. запрещенныя мною въ священно-служеніи, отъ запрещенія разрѣшаются, о чемъ объявить имъ въ день моей смерти“.

Усердное служеніе обратило на себя вниманіе и высшаго начальства: 20 апрѣля 1880 г., во вни-

маніе къ долговременному, отлично-усердному служенію и попечительному управленію ввѣренною ему паствою. Савва былъ возведенъ въ санъ архіепископа; 15 мая 1883 г. за отлично-ревностное служеніе церкви и отечеству и неусыпную попечительность о духовномъ благѣ преемственно ввѣряемыхъ паствъ, онъ Всемилостивѣйше пожалованъ былъ орденомъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, брилліантовые знаки котораго пожалованы были, при Высочайшемъ рескриптѣ, 5 апрѣля 1887 г.—за долговременное архипастырское служеніе и за особый трудъ главнаго руководства собраніемъ и изданіемъ въ свѣтъ письменныхъ твореній приснопамятнаго святителя Московскаго Филарета; наконецъ, ко дню коронованія Государя Императора Николая II въ маѣ 1896 г. высокопреосвященный Савва за свои многолѣтніе архипастырскіе труды удостоенъ былъ довольно рѣдкой награды—брилліантоваго креста для ношенія на клобукѣ.

Въ 1883 г. 15 мая архіепископъ Савва присутствовалъ при Священномъ Коронованіи Государя Императора Александра III и въ память этого событія получилъ большую золотую медаль съ изображеніями Ихъ Величествъ.

Въ 1887 г. преосвященный посѣтилъ свою родину и еще разъ посмотрѣлъ на тѣ мѣста, гдѣ онъ родился, гдѣ воспитывался и гдѣ началъ свою церковную службу; въ Муромѣ въ эту поѣздку онъ совершилъ уже архіерейское служеніе. Въ это-то посѣщеніе Владимірской губерніи архіепископъ Савва и сдѣлалъ

тѣ первыя щедрыя пожертвованія, о которыхъ упомянуто выше.

При безмятежной жизни въ Твери архіепископъ Савва имѣлъ возможность вполнѣ отдаться на досугѣ какъ составленію полной автобіографіи, такъ и осуществленію тѣхъ плановъ относительно митрополита Филарета, которые занимали его еще въ Харьковѣ. Автобіографія архіепископа, состоящая изъ нѣсколькихъ томовъ систематически подобраннаго матеріала, переписана набѣло и въ сущности составляетъ подробнѣйшую лѣтопись не только всей жизни и служебной дѣятельности самого преосвященнаго, но и всего, что случалось въ это время замѣчательнаго во всей церкви россійской и во всемъ государствѣ. Особенно интересенъ періодъ пребыванія архіепископа въ Полоцкой епархіи. Къ сожалѣнію, большая часть этихъ матеріаловъ еще не скоро можетъ увидѣть свѣтъ, такъ какъ касается многихъ лицъ еще здравствующихъ.—Другая работа, приготовленіе къ печати „Отзывовъ и мнѣній“ Филарета, какъ извѣстно, давно занимавшая Савву, встрѣчала въ осуществленіи другія препятствія: мнѣнія и отзывы митрополита московскаго были разсѣяны по разнымъ вѣдомствамъ и сосредоточены попреимуществу въ архивѣ св. Синода. Извлечь ихъ оттуда можно было только живущему въ Петербургѣ: задуманную мысль одобрилъ оберъ-прокуроръ св. Синода; архіепископъ Савва въ маѣ 1883 г. былъ вызванъ для присутствованія въ св. Синодѣ и тамъ 19 іюля 1884 г. получилъ лестное порученіе—быть редакторомъ изданія „Собраніе мнѣ-

ній и отзывовъ ... митрополита Филарета". Лучшаго редактора для подобнаго изданія и невозможно было найти. Съ великою охотою и радостью принялся онъ за это дѣло, и подъ его редакціею вышли въ 1885—1891 годахъ семь объемистыхъ томовъ изданія—„Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ" (Спб. 1885 г. 4 тома и дополнит. Спб. 1887 г. 8°) и „Собраніе.... по дѣламъ православной церкви на Востокѣ"; попутно съ этимъ онъ собралъ и издалъ со своими предисловіями—„Письма Московскаго митрополита Филарета къ покойному архіепископу тверскому Алексію, 1843—1867 годовъ". Изданы въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія Тверской епархіи (М., тип. Лисенера, 1883 г. 8°, VIII и 279 стр.): „Письма Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго къ Высочайшимъ Особамъ и разнымъ другимъ лицамъ". Съ предисловіемъ издателя. (Тверь, тип. Губерн. Правленія. 1888 г. 8°. 342 стр.); „Письма Московскаго митрополита Филарета къ игуменіи Спасо-Бородинскаго монастыря Сергіи (княгинѣ Волконской)". (Тверь. тип. Губерн. Правленія, 1890. 8°, 50 стр.). Кромѣ того, архіепископъ Савва въ послѣдніе годы пребыванія своего въ Твери занимался составленіемъ біографіи митрополита Филарета, но сколько успѣлъ написать онъ ее—неизвѣстно.

Отдавая почти всѣ свои досуги на редактированіе и изданіе трудовъ митрополита Филарета, архіепископъ Савва находилъ время и на созданіе собствен-

ныхъ, правда, немногочисленныхъ трудовъ; такъ, въ 1883 г. вышли изъ печати „Воспоминанія очевидца о Священномъ Короноваціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ Бозѣ почившихъ Государя Императора Александра Николаевича и Государыни Императрицы Маріи Александровны“ С. А. Т. (т. е. Саввы, архіепископа Тверскаго). (Тверь, тип. Губерн. Правл., 1883. 8°. 45 стр.); „Житіе преподобнаго Іосифа, игумена Волоколамскаго“. (М., Синодальн. тип., 1887 г. 8°, 63 стр.); „Рѣчи, говоренныя въ разное время въ продолженіе тридцати-лѣтняго служенія его въ епископскомъ санѣ“ (Тверь, тип. Губерн. Правленія, 1892. 8°. 149 стр.), и редактированное имъ изданіе—„Сборникъ писемъ духовныхъ лицъ къ архіепископу Арсенію“ (Тверь, тип. Губерн. Правл., 1893 г. 8°. V и 108 стр.); кромѣ того, архіепископъ Савва написалъ нѣсколько словъ и рѣчей, помѣщенныхъ въ различныхъ изданіяхъ: въ „Сборникѣ Общества любит. духовн. просвѣщенія“ (т. II, М., 1883 г.), въ книгѣ „Празднованіе.... 25 лѣтняго служенія въ санѣ епископа“ (Тверь, 1888 г.), въ юбилейной книжкѣ по случаю 50-лѣтія (Тверь, 1892 г.) и др. Наконецъ, онъ оказывалъ матеріальную помощь для изданія чужихъ трудовъ: на его средства изданы—„Исторія Тверской семинаріи“ и книги прот. Владиславлева.

За поднесеніе своихъ трудовъ Высочайшимъ особамъ архіепископъ былъ много разъ удостоиваемъ Высочайшей благодарности; совѣтъ археологическаго института въ С.-Петербургѣ 4 мая 1881 г. избралъ

архіепископа Савву въ свои почетные члены; въ томъ же году 23 декабря онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Тверского губернскаго статистическаго комитета, октября 1-го 1883 г.—почетнымъ членомъ Московской духовной академіи, въ февралѣ 1884 г.—почетнымъ членомъ Петербургской духовной академіи, 22 марта того же года—почетнымъ членомъ Палестинскаго Общества, 2 сентября 1885 г.—почетнымъ членомъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей, въ маѣ 1888 года—почетнымъ членомъ греческаго филологическаго общества въ Константинополѣ, 24-го октября того же года—почетнымъ членомъ Казанской духовной академіи. 3-го февраля 1892 г.—почетнымъ членомъ Православнаго Братства во имя святаго Равноапостольнаго князя Владиміра въ Берлинѣ; наконецъ, за свои ученые труды архіепископъ Савва въ 1894 году 20 іюня, по опредѣленію совѣта московской духовной академіи, возведенъ былъ въ доктора церковной исторіи.

Архіепископъ Савва по порученію исправлялъ и другія обязанности.—такъ. 28 сентября 1883 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи по пересмотру богослужебныхъ книгъ; 12 апрѣля 1884 г. назначенъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной по Высочайшему повелѣнію, для обсужденія вопросовъ: 1) о соединеніи обязанностей главныхъ священниковъ гвардіи и гренадеръ и арміи и флотовъ въ одномъ лицѣ и 2) объ опредѣленіи степени и порядка зависимости духовенства военнаго вѣдомства, состоящаго при городскихъ церквахъ, отъ епархіаль-

ной власти и пр. Здѣсь же упомянемъ, что онъ имѣлъ орденъ Черногорскаго князя Даніила 1-й степени, пожалованный для ношенія Черногорскимъ княземъ Николаемъ I.

Высокопреосвященный Савва въ послѣднее время сталъ ощущать слабость зрѣнія; въ началѣ 1896 г. ему произведена была въ Москвѣ глазная операція, значительно улучшившая зрѣніе преосвященнаго, такъ что онъ могъ снова заниматься дѣлами. Лѣтомъ 1896 г. начали появляться отеки; медицинская помощь и здѣсь въ началѣ оказала благотворное дѣйствіе; но съ сентября мѣсяца болѣзнь приняла угрожающій характеръ; архіепископъ 15 числа пріобщился св. Таинъ, а на другой день надъ нимъ совершено было таинство елеосвященія, и послѣ этого до самой смерти онъ не принималъ никакой пищи; жизнь преосвященнаго поддерживалась искусственно, съ помощью вдыханія кислорода и принятія небольшой дозы шампанскаго. Все время архіепископъ Савва былъ въ полномъ сознаніи, и тихо скончался 13 октября 1896 года, въ воскресенье, въ 3 часа 30 минутъ пополудни. Погребеніе совершено было 17 октября въ Твери.

О Саввѣ см. „Исторія Шуйск. духовн. училища“, свящ. Евл. Правдина. Владиміръ, тип. Новгородскаго. 1887. 8°, стр. 125, 198—199.— „Исторія Москов. Духов. Академіи“, С. К. Смирнова. М., Универ. тип., 1879. 8°. стр. 124. 380—381, 444—445 и 558.—„Москов. Духов. Семинарія“. Н. Кедрова. М., 1889. 8°; списки, стр. 6.— „Владим. Епарх.

Вѣдом." 1879. № 13, стр. 359—360; 1886 г., № 12, стр. 336—337 (В. М. Орловъ); 1892 г., № 5; 1896 г.. № 21 (И. М—скій, т. е. И. В. Малиновскій). — „Благовѣстъ" 1887, № 20 (Гр. Кулжинскій). — „Москов. Листокъ" 1892 г. № 24 (Е. В. Барсовъ) и иллюстр. приложеніе къ этому №, съ портретомъ. — „Всемірн. Иллюстр." 1892 г., т. 47, № 1219 (23), съ портретомъ: 1896 г., т. 56, № 1447 (17), съ портретомъ. — „Москов. Вѣдом." 1892 г., № 20 (Одинъ изъ москвичей); 1896 г., №№ 283, 285 и 286 (Д.). — „Моск. Церков. Вѣдом.", 1892 г., №№ 4 и 6. — „Тверскія Губерн. Вѣдом." 1892 г., №№ 8, 10 и 11 — „Твер. Епарх. Вѣдом." 1892 г.. № 3; 1896 г., №№ 19 и 20 (свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ его жизни) — „Церков. Вѣдом." 1892 г., прибавленіе къ № 5, стр. 178; 1896 г., № 42. — „Рус. Паломникъ" 1892 года, № 5, съ портретомъ. — „Воскресн. День" 1892 г., № 5, съ портретомъ. — „Сынъ Отеч." 1892 г., № 36. — „Нов. Время" 1892 г., № 5726 (6 февр.) и приложеніе къ № 5735, съ портретомъ; — 1896 г., №№ 7394 (27 сент.), 7412 (15 окт.) и прилож. къ № 7416 (19 окт., портретъ). — „Новости Дня" 1896 г., № 4799. — „Рус. Листокъ" 1896 года, № 287. — „Рус. Слово" 1896, № 14 окт. — „Правит. Вѣсти." 1896 г., № 226. — „Новости" (1-е изд.) 1896 г., № 285. — „Празднованіе благополучно совершившагося двадцатипятилѣтія служенія въ санѣ епископа Высокопреосвященнѣйшаго Саввы, архіепископа Тверского и Кашинскаго". Протоіерея В. Ѳ. Владиславлева Тверь,

тип. Губернск. Правл., 1888 г. 8°. 414 стр.—Тоже, изд. 2-е, исправленное и дополненное. Тверь. тип. Губерн. Правл.. 1892 г. 8°. 196 и 175 стр.—„Описаніе празднованія пятидесятилѣтняго юбилея въ священномъ санѣ Высокопреосвященнѣйшаго Саввы, архіепископа Тверского и Кашинскаго. 25 января 1892 года". Протоіерея В. Владиславлева. Тверь, тип. Губерн. Правл., 1892 г. 8°. 262 стр.—„Прощаніе преосвященнѣйшаго епископа Саввы съ Полоцкою паствою и вступленіе его на Харьковскую епископскую каѳедру". Протоіерея І. Чижевскаго. Харьковъ, 1876. 8°.—„Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ" 1874 г., № 1 (архимандрита Григорія—„Списки настоятелей Московскаго Высокопетровскаго монастыря, съ 1379 года").—„Списки архіереевъ іерархіи Всероссійской и архіерейскихъ каѳедръ со времени учрежденія св. Правит. Синода". Спб., Синодал. тип., 1896 г., 8°, стр. 51 (№ 374).—„Спб. Вѣдом." 1896 г., № 284.—„Историч. Вѣсти." 1896 г., № 12, стр. 1106—1107.—„Богослов. Вѣсти." 1896 г., ноябрь. стр. 279—311 (И. Н. Корсунскій).—„Странникъ", 1896 г., октябрь, стр. 414—415.—„Рус. Вѣстникъ", 1897 г., № 1, стр. 87—126; № 2. стр. 205—247 и № 3, стр. 221—244 (И. Н. Корсунскій).—„Рус. Слово" 1896 г. № 286 (И.)—

XXIII.

И. А. Голышевъ.

Иванъ Александровичъ Голышевъ, не мало поработавшій въ области археологіи, исторіи, этнографіи и статистики Владимірскаго края и тѣмъ снискавшій почетную извѣстность, признанную многими учеными лицами, обществами и учрежденіями, родился въ слободѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, 14 іюня 1838 года. Отецъ его, крѣпостной крестьянинъ гр. Панина, потомокъ стариннаго рода Голышевыхъ, продолжалъ занятіе своихъ предковъ, былъ мастеромъ иконописи; для поддержанія семьи онъ пускался въ „новшества": пробовалъ писать образа на стеклахъ; разъѣзжалъ по селамъ и городамъ и снималъ портреты; устроилъ косметическое заведеніе для выдѣлки помады, духовъ, мыла, курительныхъ свѣчекъ и т. п. Всѣ свои произведенія онъ продавалъ мѣстнымъ офенямъ; но все это плохо дѣлалось и еще хуже продавалось.

Въ это самое время началъ подростать единственный сынъ, въ дѣтствѣ очень болѣзненный (отъ золотухи онъ лишился зрѣнія на одинъ глазъ); отецъ очень любилъ сына Ивана, отдалъ его для обу-

ченія грамотѣ въ мѣстное приходское сельское училище, гдѣ курсъ ученія былъ очень кратокъ: все ограничивалось славянскою азбукою, часословомъ и псалтирью, да писаніемъ каракуль. Дома, подъ руководствомъ отца, мальчикъ постепенно началъ пріучаться къ рисованію на бумагѣ, къ писанію образовъ на стеклѣ и деревѣ; но эти занятія шли безъ всякой системы, и при томъ урывками.

Плохо оплачиваемые труды Александра Козмича вынуждали его искать новыхъ источниковъ дохода; по указанію добрыхъ людей, въ серединѣ 40-хъ годовъ онъ взялся за торговлю народными книжками и картинками, которыя были въ большомъ ходу у офеней. Московскіе издатели народныхъ произведеній начали открывать ему небольшой кредитъ и дѣло стало развиваться; кромѣ того, А. К. обратилъ вниманіе на нераскрашенныя лубочныя картинки: онъ сталъ привозить ихъ въ Мстеру и при содѣйствіи дочерей вводить здѣсь эту раскраску. Этимъ было положено начало промысла (впослѣдствіи развитаго въ широкихъ размѣрахъ самимъ его) для женскаго пола въ слободѣ Мстерѣ—раскраска лубочныхъ картинокъ.

Сношенія съ Москвою познакомили А. К. Голышева съ литографомъ Э. Лилье, и въ іюлѣ 1849 г. по совѣту послѣдняго онъ отвезъ сына въ Москву, въ надеждѣ помѣстить Ивана Александровича во 2-ю рисовальную школу графа Строганова. Жизнь въ Москвѣ, сначала у Лилье, который держалъ И. Голышева на побѣгушкахъ, потомъ у Глушкова и, наконецъ, у Лаврентьевой была почти безсодержательна,

не давала никакого толчка къ развитію любознательности мальчика,—здѣсь онъ вращался въ кругу лицъ, имѣвшихъ въ виду одну цѣль—коммерческую. Посѣщеніе Строгановскаго училища, начавшееся съ осени 1849 года и въ началѣ бывшее довольно аккуратнымъ, принесло скоро пользу даровитому ученику,—онъ внѣ очереди былъ переведенъ во 2-й классъ, а потомъ и въ 3-й. Занятія по рисованію, однако, мало удовлетворяли Ивана Александровича,—ему хотѣлось въ подробности постичь литографское производство. Въ то время литографій было очень не много и это производство держалось въ секретѣ. Съ большими усиліями, наконецъ, удалось Голышеву достать настоящій литографскій камень, добрые люди помогли ему въ воспроизведеніи перваго рисунка—„Проспектъ семи башенъ въ Константинополѣ". Иванъ Александровичъ былъ въ восторгѣ отъ этого перваго, хотя и очень обыкновеннаго, своего произведенія. Съ этого времени зародилась у него мысль основать собственную литографію въ слободѣ Метерѣ. Этотъ же успѣхъ прервалъ его занятія и въ Строгановскомъ училищѣ. Еще ранѣе онъ узналъ, что какъ бы хорошо ни кончилъ курсъ, не можетъ получить аттестата, такъ какъ послѣдній выдавался только тѣмъ ученикамъ, которымъ помѣщики давали „вольную", а его помѣщикъ, графъ В. Н. Панинъ никого на волю не отпускалъ. Это обстоятельство охладило занятія И. А. въ училищѣ. О пристрастіи Голышева къ литографскому искусству узналъ Лилье, наговорилъ директору училища, который перевелъ Ивана Александровича

изъ третьяго класса опять во 2-й, и въ результатѣ всего—Голышевъ бросилъ ученье. Это было въ 1853 г

Прервавъ школьныя занятія, И. А. еще прилежнѣе началъ изучать литографское искусство: перешелъ жить въ литографію Ѳ. Е. Ефимова, покупалъ камни, рисовалъ на нихъ, и платилъ только за отпечатаніе сотни картинокъ. Нарисованное имъ самимъ и другими мастерами, по отпечатаніи, посылалъ отцу на продажу, а иногда удавалось продавать и другимъ торговцамъ въ Москвѣ и Петербургѣ; это послѣднее обстоятельство имѣло мѣсто особенно въ 1854—56 годахъ, когда былъ большой спросъ на „современныя“ картинки. Эти послѣднія, особенно—„Абдулъ-Меджидъ“, „Плачь русская семья“, „Бомбардированіе Севастополя“, портреты Императора Александра II и др.—расходились бойко, тогда какъ картинки изъ апокалипсиса, до которыхъ былъ особенно охотникъ старикъ Голышевъ, изданныя три раза, всегда терпѣли неудачу,—то цензура запрещала, то раскупались плохо.

Всѣмъ успѣхамъ, однако, грозилъ скорый конецъ. Отецъ Ивана Александровича, человѣкъ далеко не спокойный, въ 40-хъ годахъ былъ бурмистромъ. Тогда онъ, беззавѣтно преданный православію, особенно тѣснилъ мѣстныхъ раскольниковъ, изъ которыхъ многіе были очень зажиточными людьми. Раскольникамъ удалось смѣстить бурмистра и отношенія его къ нимъ навсегда были испорчены. Когда Ивану Александровичу исполнилось 18 лѣтъ, богачи-раскольники, занимавшіе высшія общественныя должности, порѣшили

отдать его въ солдаты, что было несправедливо во всѣхъ отношеніяхъ. Тогда Голышевы поѣхали въ Петербургъ и тамъ А. К. поднесъ графу В. Н. Панину картину работы сына — „Виды храмовъ слободы Мстеры“ Графъ остался доволенъ этимъ рисункомъ, уважилъ просьбу Голышевыхъ, и такимъ образомъ Иванъ Александровичъ освободился отъ рекрутчины.

Въ 1857 г. И. А. окончательно переселился на родину и началъ хлопотать объ открытіи здѣсь, въ сл. Мстерѣ, литографіи, тѣмъ болѣе, что у него уже набралось до 30 литографскихъ камней съ 60-ю рисунками. Въ томъ же году онъ нарисовалъ, по заказу одного богатаго купца, видъ города Вязниковъ для начальника губерніи Е. С. Тиличеева. Въ 1858 г., 10 февраля послѣдовало и разрѣшеніе на открытіе литографіи въ слободѣ Мстерѣ на имя А. К. Голышева, такъ какъ сыну его не было и 20 лѣтъ.

Получивъ давно желанное разрѣшеніе, Иванъ Александровичъ занялся комплектованіемъ состава служащихъ. Въ рисовальщики онъ приспособилъ мѣстныхъ иконописцевъ, потомъ набралъ и печатниковъ изъ мѣстныхъ же жителей. Самъ онъ началъ усердно изучать химическую часть литографскаго производства, въ чемъ ему отчасти помогали квартировавшіе тамъ знакомые офицеры,—они переводили для него руководства съ иностранныхъ языковъ.

Вскорѣ было поставлено шесть ручныхъ станковъ, при постоянной работѣ на которыхъ литографія ежедневно выпускала до трехъ тысячъ народныхъ картинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „лубочныхъ“. Картинки

эти имѣли большой сбытъ, благодаря именно тому, что Иванъ Александровичъ, самъ составлявшій новые оригиналы, умѣло выбиралъ сюжеты для нихъ, пользуясь при этомъ старинными, полными живого русскаго юмора, картинками. Такъ, онъ сотни разъ переиздавалъ иллюстраціи сказокъ „О Ершѣ сынѣ Щетинниковѣ“, „Какъ мыши кота погребали“ и т. п. Имъ же были пущены въ обращеніе и нѣкоторые, успѣвшіе нынѣ сдѣлаться популярными въ народѣ, иллюстрированные басни, пѣсни, стихотворенія, романсы Крылова, Пушкина, Кольцова и др. Добрую половину въ массѣ выпускаемыхъ картинъ занимали съ сюжетами „духовнаго содержанія“. Вмѣстѣ съ картинами Голышевъ широко распространялъ чрезъ коробейниковъ—офеней и дешевыя книжки, покупая ихъ оптомъ у московскихъ издателей.

Черныя картинки, при всемъ ихъ достоинствѣ, не имѣли хорошаго сбыта въ народѣ, и потому Иванъ Александровичъ съ самаго начала расширилъ начатое еще отцомъ дѣло раскраски ихъ малолѣтками—дѣвочками и женщинами и этимъ путемъ далъ заработокъ сидѣвшему до того почти безъ всякаго дѣла населенію. Этотъ видъ промышленности, дающій поддержку къ благосостоянію не менѣе 200 лицъ, съ теченіемъ времени на столько былъ усовершенствованъ, что женщины слободы Мстеры призваны были къ раскрашиванію рисунковъ древностей въ изданіяхъ Императорскаго С.-Петербургскаго Общества любителей древней письменности. Въ сл. Мстерѣ женщинами были также раскрашены—„Житіе Александра Македонскаго“ по рукописи XVII вѣка,

„Житіе Лсаоа царевича“; онѣ же принимали участіе въ раскраскѣ рисунковъ дорогого изданія — „Житіе св. Николая Чудотворца“; кромѣ того, ими было исполнено множество работъ для московскихъ литографій. Заслуга въ этомъ дѣлѣ Ивана Александровича несомнѣнна, — онъ и научилъ, онъ же и развилъ этотъ мѣстный промыселъ, являющійся большимъ подспорьемъ въ жизни далеко не обезпеченнаго мѣстнаго населенія.

Открытіе литографіи для печатанія простыхъ картинокъ, естественно, вызвало въ любознательномъ и даровитомъ Иванѣ Александровичѣ стремленіе расширить какъ кругъ своихъ знаній, такъ и предметы производства. Но, совершенно одинокій, безъ всякаго руководства и указанія, онъ положительно не зналъ — на что обратить свое вниманіе. Снятый съ натуры и нарисованный въ 1857 г. видъ гор. Вязниковъ для начальника губерніи Е. С. Тиличеева былъ случайною работою, при томъ — не вознагражденною должнымъ вниманіемъ: но, къ счастью, все это продолжалось не долго. Въ 1859 г. судьба случайно заноситъ въ слободу Мстеру секретаря Владимірскаго статистическаго Комитета и редактора губернскихъ вѣдомостей, извѣстнаго Константина Никитича Тихонравова. Пріѣхавъ съ губернаторомъ для ревизіи, К. Н. изъ любопытства пришелъ посмотрѣть сельскую литографію и древній Богоявленскій храмъ. Къ этому времени у Голышева былъ отпечатанъ видъ Вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря, который онъ и показалъ Тихонравову. Тотъ посовѣтовалъ ему сначала снять и напечатать

видъ Суздальскаго монастыря съ могилой князя Д. М. Пожарскаго, а потомъ заниматься вообще рисованіемъ видовъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстностей, а также не упускать изъ виду и предметовъ древностей. Тогда же, 22 августа 1859 г., Н. А. Голышевъ былъ избранъ въ члены—корреспонденты Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, „какъ заявившій себя своими умственными попытками", и съ того времени, согласно совѣту Тихонравова, началъ усердно снимать и литографировать всякіе виды и болѣе подходящіе изъ нихъ представлять въ Комитетъ. Производство „лубочныхъ картинокъ" шло своимъ чередомъ.

Этимъ, до нѣкоторой степени—случайнымъ, указаніемъ К. Н. Тихонравова безповоротно была направлена дѣятельность Голышева, благодаря которой онъ получилъ общую извѣстность; всѣ его „литературные" труды, до безконечности многочисленные, представляя ту или иную цѣнность, какъ матеріалъ для мѣстной исторіи, никоимъ образомъ не могутъ идти въ сравненіе съ его „художественными" трудами, каковыми являются его „альбомы" и „памятники" русской старины.

26 декабря 1860 года было Высочайше утверждено новое положеніе о губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетахъ, и Н. А., какъ фактическому владѣльцу литографіи, былъ сдѣланъ запросъ—буде желаетъ принять званіе почетнаго члена, то какую можетъ пожертвовать сумму во Владимірскій Комитетъ. Голышевъ отвѣтилъ, что всякій рисовальный трудъ готовъ исполнить съ усердіемъ, а о деньгахъ ничего не упомянулъ, такъ какъ самъ почти ничего лишняго

не имѣлъ. Послѣ этого И. А. Голышевъ 8 іюня 1861 г. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Комитета. Такое избраніе крестьянина, еще не бывалое (да и послѣ не было) во Владимірской губерніи, самого Ивана Александровича поставило въ довольно затруднительное положеніе: какъ самъ откровенно признавался К. Н. Тихонравову, онъ готовъ былъ служить рисованіемъ, но не перомъ, такъ какъ нигдѣ не учился, не зналъ грамматики, не гораздъ былъ писать; но тотъ же Константинъ Никитичъ и тутъ помогъ, — скоро дѣло наладилось и по части писанія.

Въ 1861 году И. А. Голышевъ познакомился съ В. П. Безобразовымъ и съ Николаемъ Яковлевичемъ Дубенскимъ, много занимавшимся крестьянскимъ вопросомъ и тогда пріѣхавшимъ изъ Петербурга во Владимірскую губернію для составленія уставныхъ грамотъ по разнымъ имѣніямъ. Въ первое же знакомство Н. Я. предложилъ Голышеву принять участіе въ устроившемся въ то время въ С.-Петербургѣ комитетѣ грамотности по указанію изданій книгъ для народной потребности, и вообще сообщать свѣдѣнія по народной книжной торговлѣ. Зимой того же года, по дѣламъ отца, Ивану Александровичу пришлось съѣздить въ Петербургъ, гдѣ прежнія знакомства укрѣпились и завязались новыя — съ П. И. Небольсинымъ, С. С. Лашкаревымъ и др., которые интересовались офенской книжной торговлей.

Въ январѣ 1862 г. И. А. Голышевъ былъ избранъ въ члены — корреспонденты комитета грамотности при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, по порученію котораго онъ сообщалъ и доставлялъ

свѣдѣнія о книжной и картинной народной торговлѣ въ Вязниковскомъ офенскомъ краѣ, съ приложеніемъ къ нимъ образцовъ предметовъ производства и лубочныхъ старинныхъ народныхъ картинъ. Свѣдѣнія эти въ свое время были напечатаны въ изданіяхъ Общества: „Экономич. Записки“, 1862 г., № 50; „Занятія комитета грамотности“ 1863 г., вып. II и VI и 1867 г., №№ 1, 2, 5 и 6. – Въ томъ же 1862 г., по порученію секретаря Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, В. П. Безобразова, Голышевъ составилъ статьи объ офеняхъ и книжной торговлѣ и о народномъ иконописаніи и промышленности, съ эскизами, альбомами, иконописными подлинниками. Статьи не были напечатаны, хотя и выслушаны въ собраніи Общества „съ живымъ удовольствіемъ“, но Голышевъ за нихъ 5 декабря 1862 г. былъ удостоенъ званія члена—сотрудника Географическаго Общества, а отдѣленіе этнографіи того же Общества признало справедливымъ присудить ему бронзовую медаль „за полезные труды“.

Такъ началась полезная дѣятельность Голышева, котораго, естественно, ободряло и поощряло вниманіе со стороны петербургскихъ ученыхъ обществъ. Но въ этомъ началѣ видимъ почти и конецъ непосредственнаго сотрудничества Ивана Александровича въ петербургскихъ изданіяхъ, и вообще—въ столичныхъ: послѣ онъ хотя изрѣдка и помѣщалъ тамъ свои труды, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ будетъ упомянуто. но, окрыленный успѣхомъ, Голышевъ теперь всѣ свои познанія, силы и средства употребилъ на изученіе мѣстнаго края,

который чрезвычайно любилъ. И литературная дѣятельность Голышева началась сотрудничествомъ въ органѣ мѣстнаго статистическаго Комитета, во „Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ". Вотъ какъ самъ разсказываетъ онъ объ этомъ: „я какъ-то надумалъ, сообщая разныя свѣдѣнія, написать коротенькую статейку по вопросу уничтоженія хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и послалъ К. Н. Тихонравову. Къ большой моей радости эта первая статья появилась въ печати подъ заглавіемъ—„Нужно ли имѣть хлѣбъ въ запасныхъ магазинахъ крестьянъ тамъ, гдѣ нѣтъ хлѣбопашества?" („Владим. губ. вѣдом." 1862 г., № 19). Появленіе въ печати первой моей статьи поощрило меня, и я сталъ писать прилежно и читать все, что ни попадало подъ руки, особенно разныя изслѣдованія о Россіи".

Прежде, чѣмъ говорить о литературной дѣятельности Ивана Александровича, необходимо отмѣтить о слѣдующемъ добромъ дѣлѣ его на пользу своихъ односельчанъ. Мстерская и Холуйская волости издавна занимались „суздальскимъ богомазаньемъ"; Голышевъ понималъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, всѣ недостатки суздальскаго письма. И „вотъ—въ 1862 г. онъ задумалъ открыть въ свободныхъ комнатахъ волостного правленія воскресную рисовальную школу и при ней библіотеку для чтенія, чтобы „доставлять жителямъ правильное понятіе и способы въ рисованіи къ улучшенію иконописанія, и образованіе чрезъ вліяніе библіотеки". Задумано—сдѣлано: 22 апрѣля 1862 г. состоялось открытіе этихъ учрежденій, о чемъ онъ помѣстилъ статью въ губерн. вѣдомостяхъ (1862 г., № 21):

потомъ была напечатана имъ статья въ „Народномъ Богатствѣ“ 1862 г., № 29 (ноябрь)—„Рисовальная школа и библіотека въ слободѣ Мстерѣ“; о дѣйствіяхъ школы и библіотеки и отчеты о нихъ составлялись Голышевымъ и печатались во „Влад. Губерн. Вѣдом.“ (1862, № 49; 1863, № 22; 1864, №№ 21 и 27; 1865 г. № 18, и 1866, № 26). Школа просуществовала только 5 лѣтъ, такъ-какъ въ средѣ мѣстнаго населенія, благодаря множеству раскольниковъ, находившихся во враждебныхъ отношеніяхъ къ отцу Голышева, бывшему старшиной, она не встрѣтила ни матеріальной, ни нравственной поддержки.

Какъ уже сказано было выше, отецъ Голышева жилъ въ большихъ неладахъ съ обществомъ, гдѣ его всячески преслѣдовали. Эти враждебныя отношенія были очень непріятны Ивану Александровичу и завѣтной его мечтой сдѣлалось—какимъ бы путемъ выдти изъ общества. Въ началѣ 1863 г. онъ послалъ въ академію художествъ рисунокъ, ходатайствуя о признаніи его некласснымъ художникомъ. Лѣтомъ того же года во Владимірѣ онъ имѣлъ счастіе поднести Императору Александру II нѣкоторые виды своей работы и отчетъ по воскресной рисовальной школѣ. Государь милостиво принялъ альбомъ и Всемилостивѣйше пожаловалъ за поднесеніе золотые часы. Въ концѣ 1863 г. И. А. получилъ изъ академіи отказъ, такъ какъ рисунки были признаны неудовлетворительными. Потерявъ надежду добиться свободы этимъ путемъ, Иванъ Александровичъ рѣшился идти къ намѣченной цѣли хотя и медленнымъ, но за то

и болѣе вѣрнымъ. другимъ путемъ. Съ тѣхъ поръ, говоритъ Голышевъ, „я началъ усерднѣе и усиленнѣе писать для Владимірскаго статистическаго Комитета, исполнялъ его порученія, а къ его изданіямъ прилагалъ безплатно литографированные рисунки и виды. Также началъ обращать вниманіе на этнографію. предметы промышленности и археологію, учился разбирать старинные рукописи и акты; въ затрудненіяхъ не рѣдко оказывалъ мнѣ содѣйствіе и помогалъ мнѣ словомъ и дѣломъ К. Н. Тихоправовъ". За труды по статистическому Комитету въ 1865 г. была, по представленію губернатора, пожалована Голышеву серебряная медаль на шею на станиславской лентѣ. которая освобождала его, какъ крестьянина, отъ тѣлеснаго наказанія. Этотъ первый шагъ къ свободѣ еще болѣе укрѣпилъ Ивана Александровича въ намѣреніи — выдти изъ общества. тѣмъ болѣе, что и положеніе его въ семьѣ было самое незавидное. Когда въ 1864 г. отца его смѣстили съ должности старшины, И. А. принялъ всѣ мѣры, чтобы пріобрѣсти въ собственность участокъ земли. рядомъ со слободой Метерой, гдѣ вскорѣ и возникла „Голышевка". извѣстная теперь въ литературѣ. Это пріобрѣтеніе, совершенное на имя сына, не нравилось старику Голышеву; тогда И. А. для утѣшенія отца, бывши въ 1865 г. въ Петербургѣ, придумалъ открыть отъ имени Александра Голышева православное церковное братство въ сл. Метерѣ. составилъ уставъ и исходатайствовалъ его утвержденіе (какъ дѣлопроизводитель братства. И. А. составлялъ и печаталъ отчеты о немъ во „Владим. Губ. Вѣдом."

1864 г. №№ 44 и 45; 1865, № 13; 1866 г. №№ 12 и 47; 1867 г. №№ 15, 18, 23, 50; 1868 г. № 15; 1869, № 13, а также во „Владим. Епархіал. Вѣдом.“ 1865 г., № 3 и 23; 1866, № 3 и 1867 г. № 2). Это православное церковное братство при церкви Богоявленія Господня въ слободѣ Мстерѣ, при которомъ было открыто и женское училище, просуществовало не долго; за труды“ отецъ Голышева получилъ двѣ серебряныя медали. Онъ былъ очень недоволенъ, когда сынъ отказался отъ участія въ братствѣ. и послѣ того началъ преслѣдовать его снова: старика мучили успѣхи И. А. въ области науки. Оставался одинъ исходъ для послѣдняго – перечислиться въ городское сословіе, но отецъ на-отрѣзъ отказался дать на это согласіе и еще болѣе началъ тѣснить сына: торговлю по-немногу перевелъ онъ къ себѣ въ Мстеру, сталъ обирать арендныя деньги, а сыну не давалъ ни копѣйки... Избавленіе послѣдовало только въ 1871 г., когда И. А. Голышеву Всемилостивѣйше пожаловано было званіе личнаго почетнаго гражданина и когда, при участіи мѣстныхъ властей, онъ сталъ въ независимое положеніе отъ отца. Старикъ скончался въ 1876 году.

Такъ шла обыденная жизнь Ивана Александровича, когда онъ долженъ былъ, сообразно своимъ склонностямъ, учиться снова, когда всѣ его помыслы и стремленія такъ далеки были отъ этой печальной домашней обстановки. Кто знаетъ, можетъ — въ этихъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствахъ находится разгадка всей послѣдующей жизни и дѣятельности этого самоучки – археолога, который вѣчно что-то ис-

кал, чего-то добивался, хотя заслуги его были давно всѣми признаны и по достоинству оцѣнены. И какъ схожа судьба всѣхъ даровитыхъ самоучекъ на Руси: вглядываешься въ жизнь Ивана Александровича Голышева и видишь почти точную копію жизни А. В. Кольцова.

Научная дѣятельность И. А. Голышева шла по двумъ направленіямъ: онъ работалъ на общую пользу и перомъ, и карандашомъ. Правда, эти два пути часто сливались, другъ-друга пополняли, но—несомнѣнно—достоинство ихъ было не равное: онъ былъ художникъ-археологъ, которому въ нужныхъ случаяхъ и въ должной мѣрѣ помогалъ писатель.

Но въ литературномъ формулярѣ Ивана Александровича есть кое-что и другое, о чемъ нельзя пройти молчаніемъ. При жизни Голышева былъ составленъ списокъ его статей въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ; подсчетомъ этого списка пользовался и И. А. въ разныхъ своихъ статьяхъ; имѣя въ виду эти сотни статей его (до 500), можно бы сказать, что онъ написалъ „великое множество“. Нисколько не умаляя заслугъ Голышева, однако, слѣдуетъ по справедливости заявить, что это „множество“ не такъ велико: въ спискѣ часто одна и та же корреспонденція, касавшаяся 2—3 предметовъ, разбита на 2—3 номера. Отмѣчаемъ это здѣсь потому, чтобы сравнивающіе нашъ списокъ съ изданнымъ при жизни Голышева не заподозрили насъ въ пропускахъ.

Какъ уже отмѣчено было, первая статья И. А. Голышева во „Владим. Губерн. Вѣдомостяхъ“ была

напечатана въ 19 № 1862 года; послѣ того, какъ самъ говоритъ, онъ началъ писать усердно. О напечатанныхъ имъ отчетахъ о рисовальной школѣ и братствѣ мы уже упоминали. Большинство статей П. А. не имѣетъ никакихъ заглавій,—это простыя коротенькія корреспонденціи въ видѣ писемъ къ редактору (К. П. Тихонравову), который и печаталъ ихъ большею частію въ рубрикѣ „вѣсти изъ губерніи", подъ заглавіемъ: „Сл. Метера. (Изъ письма къ редактору)". Видимо, П. А. Голышевъ очень прилежно изучалъ мѣстную жизнь и о всякомъ мало-мальски выходящемъ изъ ряда обыденнаго случаѣ или наблюденіи сообщалъ редактору,—такъ, подъ приведеннымъ заглавіемъ въ корреспонденціяхъ сообщалось о рыбной ловлѣ и о торговлѣ сушеными пискарями (1863 г., № 3), о пожарѣ, о бурѣ, о празднествахъ, о пожертвованіи и о старшинѣ (1864, № 27). о пожертвованіи, о выборѣ писаря, о фабрикѣ и пр. (1866, № 12), о дороговизнѣ дровъ, о появленіи лосей и пр. (1867, № 15) и т. п. (см. еще 1867 г., № 18, 29, 33 (Вязники), 36; 1868 г., № 16, 25, 37. 42; 1870, № 6, 20, 32, 37 (Холуйская слобода), 41, 46; 1871, № 6, 8, 10, 16, 22, 24, 25; 1872 г., № 24, 27, 29, 35; 1873 г., № 16, 24, 37; 1874, № 3, 17, 31, 50 (Вязники); 1875 г., № 6, 20, 22, 24, 44, 46; 1876, № 3, 10, 21, 26, 33; 1877 г., № 14, 21, 23, 24, 37, 38, 46, 48: 1878 г., № 9, 21, 22, 32; 1879 г., № 11, 21, 48, 50; 1880 г., № 5, 8, 9, 17, 23, 28, 39, 45; 1881 г., № 14, 21, 42: 1882 г., № 4, 11, 17, 19, 21, 31, 53; 1883 г., № 20 и 23;

1884 г., № 6, 20, 52; 1885, № 27; 1887, № 48). Мы сочли болѣе удобнымъ указать только №№ вѣдомостей, гдѣ помѣщены корреспонденціи Голышева, такъ какъ содержаніе ихъ едвали можетъ представлять теперь интересъ; желающіе найдутъ подробное указаніе въ книжкѣ „Двадцати-пяти-лѣтняя дѣятельность И. А. Голышева“ (болѣе интересныя замѣтки будутъ отмѣчены нами ниже). Далѣе, И. А. изъ года въ годъ сообщалъ статистическія свѣдѣнія о дѣятельности Метерскаго почтоваго отдѣленія (1869, № 49; 1871, № 10, 39, 47; 1872, № 11; 1873, № 23, 30; 1874, № 17; 1875, № 11; 1876 г., № 11; 1877 г., № 16; 1878, № 28; 1879 г., № 17; 1880 г., № 28; 1881 г., № 38; 1882 г., № 49), о времени вскрытія рѣки Клязьмы и свои наблюденія надъ грозами (1871 г., № 18; 1873 г.. № 19; 1874 г., № 31; 1875 г., № 16, 17; 1876 г.. № 22; 1877 г., № 24; 1878 г., № 28; 1879 г., № 18; 1880 г., № 27; 1881 г., № 44, и 1885 г. № 45); наконецъ, Голышевъ сообщилъ (въ копіяхъ) много старинныхъ актовъ, прежде неизвѣстныхъ въ печати; большинство ихъ касается слободы Метеры и Вязниковскаго уѣзда (см. 1865 г., № 24; 1867 г., № 52; 1868 г., № 2, 3, 5, 7, 19, 26; 1869 г., № 45; 1870 г., №№ 6, 27, 32, 42, 47; 1871 г., №№ 17, 18, 27, 33, 39, 46, 51; 1872 г., №№ 41, 45; 1873 г., № 42—44; 1875 г., № 16, 17; 1876 г., № 2—5, 9, 10, 12, 13, 15, 16; 1878 г., № 2; 1880 г., № 28, 32; 1881 г., № 39; 1882 г., № 38, 42; 1884 г., № 50).

Помимо этого длиннаго списка, указывающаго на необыкновенное трудолюбіе Ивана Александровича, онъ

напечаталъ еще въ тѣхъ же вѣдомостяхъ не менѣе длинный рядъ статей,—а именно: „Съ Холуйской Введенской ярмарки“ (1863, №49 и 1864 г., № 50); „Мірской сходъ“(1864,№ 3);„Богоявленская сл. Мстера“ (№ 10); „Приглашеніе“(№ 14): „О книготорговлѣ“ (№ 41);„Выборы въ крестьянскомъ быту“(№ 51); „Широкая суббота въ сл. Холуѣ“(1865, № 10), „Нѣсколько словъ о Владимірскомъ женскомъ училищѣ“ (№ 24); „Иконописаніе въ сл. Мстерѣ“ (№№ 25—28), „Гор. Гороховецъ и его примѣчательности“ (№ 28); „Торговля досками для иконъ въ сл. Мстерѣ“ (1866, № 4), „Пѣсни слѣпцовъ: Плачъ Іосифа Прекраснаго, цѣломудреннаго и Плачъ Адама и Еввы“ (№ 23); „Замѣтка объ истребленіи древнихъ актовъ и старинныхъ рукописей“ (1868. № 19), „Открытіе для публики ризницы древняго Богоявленскаго храма“ (№ 25), „Игра въ бабки плитой въ с. Мстерѣ (№ 39), „Сусальное производство и промышленность съ с. Мстерѣ“ (№ 40), „Ворковская Николаевская пустынь“ (№№ 46, 48, 49, 50; тоже въ „Труд. Влад. Губ. Стат. Комит.“, вып. VII, 1867, стр. 104—138, съ рисунк., и отд.:....., во Владимірской губерніи, основанная по завѣщанію Д. М. Пожарскаго, сыномъ его Иваномъ Дмитріевичемъ. Историч. описаніе“. Владиміръ, въ губ. тип., 1869, 8°. 35 стр.. съ 1 рисункомъ); „Плетеніе лаптей и вещерковъ въ Вязниковскомъ уѣздѣ“ (1869, № 1), „Серапіонова пустынь“ (№№ 12, 13, 14, 16; тоже. отд.:„... Вязниковскаго уѣзда. Исторія ея, древности и современное значеніе“. Владиміръ, въ губ. тип., 1869, 8°, 29 стр.

+ 1 рисун.); „Производство кистей, употребляющихся для иконописанія въ с. Холуѣ“ (№ 17), „Производство котели вмѣсто золота для иконописанія (№ 17), „Производство мѣдныхъ иконъ въ с. Никологорахъ, Вязниковскаго уѣзда“ (№ 27), „Лубочныя старинныя народныя картинки“ (№№ 39, 41, 43, 46; тоже въ „Трудахъ“ —„ ....Происхожденіе. гравированіе и распространеніе ихъ“ — вып. VIII, 1869 г., стр. 49 — 99, — съ 3 рисунк., и отд.: Владиміръ, въ губ. тип., 1870, 8°, 48 стр. и стр. 97—99, съ 3 листами снимковъ), „Объ истребленіи памятниковъ старины“ (№ 50); „Подручники и лѣстовка“ (1870, № 7), „Пѣсни дѣтей. (Пѣсни при разныхъ случаяхъ) (№№ 30, 36), „Вышеный моресъ и его приготовленіе въ г. Вязникахъ“ (№ 38); „Производство плащаницъ с. Холуя и значеніе ихъ въ народѣ“ (1871, № 11), „Обогащеніе ризницы Богоявленскаго храма с. Мстеры“ (№ 16). „Качанье на качеляхъ во время Пасхи въ с. Мстерѣ“ (№ 16), „Иконы съ надписями Вязниковскаго и Гороховецкаго уѣздовъ“ (№ 20), „Миническія изображенія 12 лихорадокъ“ (№ 23; тоже въ „Трудахъ“ — вып. IX, 1872, стр. 36—40, съ 2 рисунками, и отд.: Владиміръ, въ тип губ. правл., 1871, 8°, 5 стр. + 2 рисунка). „Производство фольговыхъ иконъ въ с. Мстерѣ“ (№ 47), „Изображеніе иконъ св. Флора, Лавра, Модеста и Власія и значеніе этихъ образовъ въ народѣ“ (№ 41, и отд.: Владиміръ. тип. губ. прав., 1871 г., 8°).

Перечисленные выше труды, а также напечатанное въ „Трудахъ“ изслѣдованіе — „Богоявленская слобода Мстера, Владимірской губ. Вязниковскаго уѣзда. Исто-

рія ея. древности, статистика и этнографія" (вып. IV. 1865, стр. 1—139. съ рисункомъ), вышедшее потомъ и въ отдѣльномъ изданіи (Владиміръ, тип. губерн. правл., 1865. 8°, 143 стр.+3 рисунка и родословная князей Ромодановскихъ), равно какъ и другіе отдѣльно изданные труды—уставъ бывшаго Мстерскаго братства. ежегодные отчеты съ запиской по этому учрежденію, празднованія по разнымъ случаямъ, отчеты о состояніи при братствѣ женскаго училища, коихъ выпущено 15 книжекъ и брошюръ; 5 особыхъ брошюръ —отчетовъ о воскресной рисовальной школѣ и библіотекѣ для чтенія, а также—„Отголосокъ русскихъ— патріотическія празднества въ сл. Мстерѣ" (Владиміръ. тип. губерн. правл., 1863, 8°); „Серапіонова пустынь въ Вязниковскомъ уѣздѣ" (очеркъ), тамъ же, 8°, 1867 года; „Древности Богоявленской церкви въ сл. Мстерѣ", историческое описаніе,—тамъ же, 1870. 8°. 1 неп.+60 стр.. и особенно благосклонно принятый печатью и учеными обществами альбомъ „Древности Богоявленской церкви въ сл. Мстерѣ" (Сл. Мстера, 1870. 2°, въ лит. Голышева. 20 листовъ рисунковъ),—все это по справедливости было оцѣнено и Ивану Александровичу,—въ 1869 году Всемилостивѣйше награжденному серебряною медалью на Аннинской лентѣ, въ 1866 г., 26 апрѣля, избранному членомъ-корреспондентомъ Московскаго Археологическаго Общества, а въ 1870 г., 28 октября, дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія,—въ 1871 году, какъ было уже сказано, „за особые труды и полезную дѣятельность по

Владимірскому губернскому статистическому комитету въ теченіе 10 лѣтъ" было пожаловано званіе личнаго почетнаго гражданина.

Съ этого времени для П. А. Голышева наступила новая жизнь: онъ освободился отъ домашняго гнета, ему даны были гражданскія права, и онъ началъ работать еще усерднѣе.

Получа возможность вполнѣ отдаться любимымъ занятіямъ, П. А. Голышевъ съ 1872 года сдѣлался еще болѣе усернымъ сотрудникомъ „Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостей", гдѣ имъ, кромѣ упомянутыхъ корреспонденцій и замѣтокъ, было помѣщено: „Судьбы Боровской пустыни въ историческомъ отношеніи" (1872 г., № 29), „Холуйскія Тихвинская и Флоровская ярмарки въ 1872 г." (№ 35). „Неудовлетворительность офенскихъ торговыхъ операцій по случаю бездорожья и дурной погоды" (№ 51). „Мѣдноотливные образа и иконы въ производствѣ" (№ 52); „О рисовальныхъ школахъ въ иконописныхъ мѣстностяхъ" (1873 г., № 21), „Игра шаромъ въ сл. Мстерѣ" (№ 22), „Иконописцы XVIII столѣтія въ сл. Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда" (№ 22), „Евангеліе 1663 г. съ надписями въ с. Рылѣ, Вязниковскаго уѣзда" (№ 26), „Замѣтка объ уничтоженіи старинныхъ рукописей и актовъ и употребленіе ихъ на рисунки для иконъ" (№ 43), „Офени—торгаши Владимірской губерніи и ихъ искусственный языкъ" (№№ 45—48); „Повѣрье на почь Богоявленія брать полночную воду" (1874 г. № 3), „О фольговыхъ иконахъ" (№ 3), „Прощальное воскресенье на сыр-

ной недѣлѣ“ (№ 5), „Значеніе изданій губернскаго статистическаго комитета по отечественной археологіи и археологическій отдѣлъ музея комитета“ (№ 16,—то же въ „Труд. Влад. губ. стат. комитет.“. вып. X, 1874 г., стр. 18—24), „Обычай и повѣрье ставить кресты на перекресткахъ дорогъ“ (№ 17), „Заговоръ отъ лихорадки“ (№ 17), „Часовня во имя св. Николая Чудотворца у погоста Нередичь Никольскаго, Ковровскаго уѣзда“ (№ 23;—то же въ „Трудахъ Влад. губ. стат. ком.“. вып. X, 1874, стр. 209—217, съ рисункомъ и отд.: Влад., тип. губ. пр., 1874, 8°), „Пряничныя произведенія и ихъ значеніе въ старину“ (№ 26), „Значительные пожары въ сл. Мстерѣ въ 1734, 1832 1833 и 1874 годахъ“ (№ 31), „Словарь офенскаго искусственнаго языка.—Счетъ, названіе денегъ, мѣры на этомъ языкѣ“ (№№ 33 и 34 и „Живоп. Обозр.“ 1874 г. № 6. стр. 93—96; № 13, стр. 203—207 и № 15, стр. 232—235.—Эта и выше-упомянутая статья объ офеняхъ перепечатаны и въ „Труд. Влад. губ. стат. ком.“, вып. X, 1874 г., стр. 79—108 и 1—30); „Кончина И. А. Протасьева. (Некрологъ)“ (1875, № 4). „Золотошвейная промышленность въ с. Мстерѣ“ (№ 5), „Пасхальныя яйца работы Мстерскихъ старинщиковъ—иконописцевъ“ (№№ 16 и 17), „Суздальская иконопись. Начало и переходъ ея въ народную промышленность во Владимірскомъ краѣ“ (№№ 43, 45—49 и 52; тоже въ „Ежегодникѣ Влад. губ. стат. ком.“, т. 1, вып 1, 1875 г., стр. 205—237); „О старинныхъ актахъ, относящихся къ вотчиннымъ и другимъ дѣламъ с. Мстеры“ (1876, № 2),

„Замѣтка о хранившихся документахъ въ Богоявленскомъ храмѣ“ (№ 2), „Масляничные базары въ Вязниковскомъ краѣ“ (№ 8), „Женскій трудъ въ сл. Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда“ (№ 17), „Село Акишино—Богородское въ Вязниковскомъ уѣздѣ“ (№ 34), „О рисовальныхъ классахъ при народныхъ училищахъ, гдѣ существуетъ промышленность иконописанія во Владимірской губерніи“ (№ 41,—то же въ „Ежегодникѣ“, т. I, вып. II, 1876, стр. 64—68), „Кончина попечителя братства и ктитора А. К. Голышева. (Некрологъ)“ (№ 50); „Древняя пауза или амулетъ съ изображеніемъ Крещенія Господня“ (1877, № 4; то же въ „Ежегодникѣ“, т. I, вып. II, 1876 г., стр. 126—129, съ рисункомъ, и отдѣльно: Владиміръ, тип. губерн. правл., 1876 г., 8^0, съ 2 рисунками), „О Холуйскихъ ярмаркахъ въ 1877 г.“ (№ 37), „Капустникъ въ сл. Мстерѣ“ (№ 38), „Замѣтка о сохраненіи отечественныхъ древностей“ (№ 38). „Живописное и иконописное заведеніе въ слоб. Мстерѣ“ (№ 48); „Изображеніе храма—лубочная старинная гравюра“ (1878 г., № 2), „Старинные рѣзные деревянные кресты“ (№ 3), „Памятники деревянныхъ церковныхъ сооруженій во Владимірской губерніи“ (№ 31), „Историческія свѣдѣнія о сл. Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда“ (№ 43), „Промышленныя заведенія въ сл. Мстерѣ“ (№№ 45 и 46); „Проводы офеней въ дорогу и ихъ разговоръ на офенскомъ языкѣ“ (1879, № 9; то же—въ „Ежегодникѣ“, т. III, 1880, стр. 227—232), „Проектъ стѣнописанія въ Богоявленскомъ храмѣ“ (№ 15), „Развитіе иконописи въ

окрестностяхъ сл. Мстеры" (№ 18). „Оттиски съ двухъ старинныхъ гравированныхъ досокъ съ изображеніемъ: „Распятія Христова" и „Іисусъ Христосъ, сидящій на гробѣ въ багряницѣ" (№ 24; то же отдѣльно: Владиміръ, тип. губ. прав., 1879 г., 8°, 7 стр., съ 2 листами оттисковъ съ упомянутыхъ досокъ), „Устройство училища и богадѣльни" (№ 26), „Надгробная надпись на могилѣ князя Б. А. Голицына въ Флорищевой пустыни 1713 г." (№ 37), „Иконописаніе и книжная торговля въ сл. Мстерѣ" (№ 51); „Никольскій теплый соборъ въ гор. Вязникахъ" (1880 г., № 28), „Вновь открытое фолежное заведеніе въ сл. Мстерѣ" (№ 31), „Зодчество храмовъ с. Станковъ" (№ 32), „Новыя кустарныя промышленныя заведенія" (№ 40), „Ярмарки и разные пункты офеней" (№ 40); „Рисовальныя школы для улучшенія иконописанія" (1881, № 8), „Отправка офеней въ дорогу—обычаи и повѣрія въ этомъ случаѣ" (№ 26; то же въ „Ежегод.". т. IV, 1883, стр. 10—14) „Роспись стѣнъ Богоявленскаго храма" (№ 47), „Раскраска рисунковъ на Общество древней письменности" (1882 г., № 7), „Существованіе литографическаго заведенія съ 1858 г." (№ 7), „Василій Ѳедоровичъ Демидовъ, фабрикантъ. (Некрологъ)" (№ 11), „Всероссійская промышленная выставка и экспоненты на ней" (№ 28), „Иконы съ надписями въ Вязниковскомъ уѣздѣ" (№ 38), „Древность с. Татарова по старинным актамъ" (№ 42), „Иванъ Матвѣевичъ Лядовъ (некрологъ)" (№ 50), „Замѣтка о старинной иконописи въ сл. Мстерѣ" (№ 50); „Памятники рус-

ской старины" (1883. №№ 9—11; то же въ „Ежег.". т. IV. 1883. стр. 60—78), „Древній холщевый антиминсъ 1625 г. въ единовѣрческой церкви" (№ 14), „Замѣтка по археологіи о граверѣ Матвѣевѣ" (№ 23), „Старинныя кафельныя печи въ г. Вязникахъ (№ 24), „Древній памятникъ въ Боголюбовѣ" (№ 35), „Археологическая находка у с. Холуя" (1884, № 3; тоже въ „Ежегод.", т. V. 1885, стр. 101—104), „Археологическая замѣтка о сломкѣ Никольскаго собора въ г. Вязникахъ" (№ 4). „Надгробныя плиты въ Никольскомъ соборѣ, 1725 г." (№ 4), „Двѣ старинныя кафельныя печи" (№ 7). „Старинные фамильные фаянсовые кувшины, съ лѣтописью" (№ 30), „Старинная лубочная картинка: „Душа чистая" (№ 49), „Куполъ Владимірскаго Успенскаго собора" (1885 г., № 1). „Открытіе памятника князю Д. М. Пожарскому въ Суздалѣ" и „Изданіе книжки съ рисунками къ этому открытію" (№ 23), „Новыя археологическія находки близъ с. Холуя" (№ 29). „О селѣ Мисайловѣ, Ковровскаго уѣзда" (по поводу корреспонденціи въ „Моск Листкѣ") (1888 г. № 7), „Памятники русской старины. Могила князя Д. М. Пожарскаго.—Рукописные памятники.—Курганныя вещи, найденныя при раскопкахъ въ Вязниковскомъ, Шуйскомъ и Меленковскомъ уѣздахъ.—Печатные памятники съ деревянныхъ досокъ.— Печатные памятники съ мѣдныхъ досокъ. Памятники печатныхъ пряниковъ" (1889 г., №№ 45—48). „Объ археологическомъ съѣздѣ въ г. Владимірѣ" (1893 г., № 44). „Адресъ Императорскому Московскому Археологическому

Обществу, по случаю 25-ти—лѣтней его дѣятельности, отъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета“ (1895 г., № 8) и „Женщина по старинным сказаніямъ. Рукописное сочиненіе: „Разговоръ отца съ сыномъ о женитьбѣ XVIII вѣка“ (1895 г., № 12; эта статья не была кончена, хотя рукопись и была доставлена въ редакцію въ законченномъ видѣ).

Вотъ перечень его статей во „Владимір. губ. вѣдом.“, не потерявших значеніе до сего времени; списокъ этотъ нѣсколько длиненъ, но приведенъ нами полностію потому, что самое изданіе, гдѣ эти статьи помѣщены, особенно за прежніе годы, сдѣлалось библіографическою рѣдкостью.

Нѣкоторыя статьи П. А. Голышева помѣщены только въ „Ежегодникѣ“,—таковы: „Сельская литографія“ (т. 1, вып. 1, 1875, стр. 60—68), „Рѣзьба по дереву и рѣзныя украшенія въ храмахъ, дворцахъ и въ крестьянскомъ домашнемъ быту“ (тамъ-же, стр. 243—250, съ рисункомъ), „Лубочная старинная картинка: „Мыши кота погребаютъ“ и нѣкоторыя прежнія народныя гравюры“ (т. II, 1878, стр. 150—174, съ рисункомъ, и отд.: Владим., тип. губ. правл., 1878, 8°, 31 стр.+1 рисунокъ), „Новыя пріобрѣтенія старинныхъ образцовъ рѣзьбы на деревѣ“ (тамъ же, стр. 190—194, съ 3 рисунками, и отдѣльно: Владиміръ, тип. губ. правл., 1878, 8°, 7 стр.+3 рисунка), и въ томъ же томѣ перепечатано было изъ „вѣдомостей“ за 1870 г.—„Дѣтскія пѣсни въ слободѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда“ (стр. 89—97), а въ IV выпускѣ „Трудовъ“ (1865 г.) помѣщены

Голышевымъ 19 старинныхъ актовъ, какъ приложеніе къ описанію сл. Мстеры. Далѣе, нужно отмѣтить, что И. А. былъ сотрудникомъ и „Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, гдѣ имъ помѣщено: „Двадцатипяти-лѣтній юбилей законоучителя О. Вишневецкаго“ (1871, № 24; тоже и отд. оттискомъ: Владиміръ, печ. Александровскаго, 1871. 8°), „О. О Сеньковъ. (Некрологъ)“ (1872. № 22, и отдѣльно: „Мануфактуръ совѣтникъ О. О. Сеньковъ (некрологъ)“. Владиміръ, печ. Александровскаго. 1872 г. 8°). „Счастливая судьба фресокъ Владимірскаго собора“ (1884 г., № 16, и отдѣльно: Счастл. суд. фр. Влад. Успенскаго собора XII вѣка“. Владиміръ, тип. Новгородскаго. 1884. 8°) и „Мѣсто земнаго упокоенія князя Д. М. Пожарскаго“ (1885 г., №№ 8. 9, 10 и 11; тоже и отд.: „Мѣсто зем. упок. и надгробный памятникъ боярину и воеводѣ князю Д. М. Пожарскому въ г. Суздалѣ“. Губ. гор. Владиміръ, тип. Новгородскаго, 1885. 4°. 1 нен.+27 стр.+5 листовъ рисунковъ (лит. Голышева, въ Голышевкѣ). Наконецъ, въ изданной въ 1895 году „Памятной книжкѣ Владимірской губерніи“ (тип. губерн. правл., 8°) напечатано нѣсколько древнихъ актовъ, сообщенныхъ И. А. Голышевымъ (см. стр. 113. 115. 122—124 и 126).

Исчисленнымъ на предыдущихъ страницахъ исчерпывается, по нашимъ свѣдѣніямъ, литературная дѣятельность И. А. Голышева во Владимірскихъ изданіяхъ, гдѣ онъ иногда подписывался псевдонимами: „Крестьянинъ“, „Очевидецъ“, „Православный“, „Проѣзжающій“, „Корреспондентъ“, „Зритель“, „Мстерякъ“, или совсѣмъ

оставлялъ статьи безъ подписи. Нѣкоторыя изъ указанныхъ статей,—объ офеняхъ, объ иконописаніи и мн. др.,—не смотря на ихъ незначительный объемъ, въ общемъ исполнены глубокаго интереса и долго будутъ имѣть значеніе, какъ первоисточникъ, какъ живое и правдивое свидѣтельство о тѣхъ сторонахъ быта и склада сельскаго населенія, которыя подъ воздѣйствіемъ различныхъ обстоятельствъ мало по малу теряютъ свою первобытную физіономію и скоро сами сдѣлаются памятниками русской старины.

Литературная дѣятельность Ивана Александровича, какъ уже отмѣчено было нами, тѣсно переплетается съ его художественною дѣятельностью,—такъ, работая перомъ, онъ въ то же время для того же Владимірскаго статистическаго комитета, для его изданій изготовилъ (нарисовалъ и отпечаталъ въ своей литографіи) множество рисунковъ, отпечатанныхъ имъ въ тысячахъ экземпляровъ. Перечень этихъ рисунковъ занялъ бы слишкомъ много мѣста и потому мы его не приводимъ.

Эти рисунки для своихъ и чужихъ статей являются переходной ступенью къ той въ высшей степени почтенной дѣятельности И. А. Голышева, къ очерку которой мы сейчасъ и переходимъ. Это—изданіе имъ своими трудами и на свои средства различныхъ альбомовъ. Объ одномъ, самомъ первомъ изъ нихъ—„Древности Богоявленской церкви",—мы уже упоминали. Вторымъ альбомомъ явился „Атласъ рисунковъ съ старинныхъ пряничныхъ досокъ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи". Слобода Мстера, нѣч. въ

литогр. П. Голышева. 1874 2°. Текста 3 нен. стр. (Владимiръ, въ тип губерн. правленiя) и 20 листовъ рисунковъ (отпечатано въ числѣ 50 экземпляровъ). Слѣдующіе альбомы или въ такомъ порядкѣ: „Памятники старинной русской рѣзьбы по дереву во Владимiрской губернiи". Сл. Мстера. 1876. 2°. 4 стр текста (Влад.. тип. губерн. правл.) и 20 листовъ рисунковъ (литогр Голышева); „Памятники деревянныхъ церковныхъ сооруженiй. Старинные деревянные храмы во Владимiрской губернiи". Голышевка, близъ сл. Мстеры. 1879. 2°. 5 стр. текста (въ тип. губерн. правл.)+1 нен. стр. (оглавленiе) и 21 листъ рисунковъ; „Альбомъ русскихъ древностей Владимiрской губернiи". Голышевка... 1881 г. 2°. 1 стр (предисловiе)+7 стр. текста+1 стр. (оглавленiе) (тип. губерн. правл) и 40 листовъ рисунковъ; „Памятники русской старины Владимiрской губернiи". Голышевка... 1882 г. 2°. 6 стр. текста+20 листовъ рисунковъ+1 нен. стр. (оглавленiе рисунковъ) (тип. губерн. правл.); „Альбомъ рисунковъ рукописныхъ синодиковъ 1651, 1679 и 1686 годовъ", Голышевка... 1886 г. 2°. 4 стр. текста („Синодики Вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря")+1 (оглавленiе) стр. (тип. П. Новгородскаго, во Владимiрѣ) и 29 листовъ рисунковъ; „Альбомъ рукописнаго синодика 1746 года". Голышевка .. 1891 г. 2°. 2 стр. текста („Рукописный синодикъ Богородице-рождественской церкви села Климовскаго, Вологодской губернiи. Вельскаго уѣзда")+4 стр. (содержанiе)+1 (оглавленiе) стр. (тип. губерн. правл.) и 34 листа рисунковъ, и „Сборникъ русской

старины Владимірской губерніи". Голышевка.. 1891 г. 2°. 4 стр. текста + 1 стр. (оглавленіе) и 15 листовъ рисунковъ. Всего при жизни своей Иванъ Александровичъ издалъ 9 альбомовъ и приготовилъ (обложка и рисунки уже отпечатаны) десятый — „Рукописная повѣсть о видѣніи Космы игумена", окончаніе котораго (свѣрка текста по различнымъ рукописямъ), по желанію П. А. Голышева, принялъ на себя В. Т. Георгіевскій Этотъ посмертный трудъ Ивана Александровича, вѣроятно, выйдетъ въ свѣтъ въ 1897 году и желательно приложить къ нему портретъ и очеркъ жизни Голышева.

Десять альбомовъ, рисованныхъ и изданныхъ (въ небольшомъ числѣ экземпляровъ) П. А. Голышевымъ, заключающіе въ себѣ около 300 листовъ съ рисунками церковныхъ древностей и памятниковъ русской старины: синодиковъ, пряничныхъ досокъ, лубочныхъ картинокъ, рѣзьбы по дереву и т. п., по словамъ Е. Ф. Шмурло, , составили пользующемуся давнимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ Голышеву почетную извѣстность неутомимаго и безкорыстнаго труженика въ сферѣ изученія народнаго быта и народнаго творчества въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Иванъ Александровичъ, упорнымъ трудомъ и настойчивою энергіею пробившій себѣ дорогу и не уклонившійся отъ разъ намѣченной цѣли, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, можетъ быть названъ истиннымъ сыномъ родного ему Суздальско-Московскаго края, въ теченіе многихъ вѣковъ дававшаго намъ славныхъ личностей, типичной чертой которыхъ всегда была

неуклонная воля, выдержка характера, благородное упрямство, выносливость, сметка, ясный и трезвый умъ".

Руководимый сначала К. Н. Тихоправовымъ, И. А. Голышевъ прежде всего старался изучить въ очень разнообразныхъ отношеніяхъ свой край; какъ любитель археологіи, онъ, при тонкомъ пониманіи археологическаго значенія остатковъ старины, не могъ не замѣтить, что предметы прежняго русскаго быта, съ оригинальными, своеобразными ихъ формами, благодаря равнодушію, невѣжественному съ ними обращенію, быстро исчезаютъ. Это уничтоженіе разнообразныхъ предметовъ прежней русской жизни, естественно, вызвало въ немъ стремленіе собирать и покупать всѣ сколько нибудь интересные старинные предметы, а потомъ — на свои средства издавать такіе памятники старины, которые оставались досель еще малоизвѣстными и, сверхъ того, могли погибнуть для науки скорѣе, чѣмъ многіе другіе. Такъ создались замѣчательные альбомы, изданные Иваномъ Александровичемъ, свидѣтельствующіе о природной энергіи и привычкѣ къ труду ихъ издателя, который, хорошо понимая, что не величина или цѣнность памятника даютъ ему значеніе болѣе или менѣе важнаго источника для археологической науки, сталъ выбирать для своихъ изданій тѣ памятники старины, съ заключающимися въ нихъ весьма любопытными чертами своеобразнаго русскаго стиля, на которые до него мало обращаемо было вниманія и которые до извѣстной степени возстановляютъ культуру мѣстнаго населенія.

Достоинство изданныхъ Голышевымъ альбомовъ, обык-

новенно рисованныхъ самимъ же издателемъ, при чемъ въ воспроизведеніи рисунковъ онъ старался достигнуть вѣрности (что—къ слову сказать—въ началѣ не совсѣмъ удавалось),—было признано и учеными обществами, и отечественной литературой. По общему отзыву, труды его надолго останутся цѣннымъ вкладомъ въ русскую науку, тѣмъ болѣе, что, по словамъ общепризнаннаго археолога, графа А. С. Уварова, И. А. Голышевъ всегда вполнѣ добросовѣстно относился къ издаваемымъ имъ памятникамъ, упоминая при каждомъ изъ нихъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя существуютъ объ этомъ памятникѣ Съ внѣшней стороны изданные И. А. альбомы представляются весьма изящными; объ одномъ изъ нихъ Императорское Русское Археологическое Общество отозвалось такъ: „онъ можетъ по истинѣ стать въ одинъ рядъ съ произведеніями лучшихъ литографическихъ заведеній и дѣлаетъ величайшую честь сельскому заведенію, основанному крестьяниномъ-самоучкой“.

Собирая различные предметы древности, И. А. Голышевъ щедро дѣлился находками какъ путемъ опубликованія о нихъ чрезъ статьи и альбомы (все заслуживающее вниманія онъ иллюстрировалъ), такъ и жертвуя множество предметовъ (найденные при раскопкахъ памятники древняго быта, старинныя рукописи, гравюры, лубочныя картины, иконы, кресты, панаѳіи и пр. и пр.) въ столичные и губернскіе музеи, въ Академію Наукъ, Академію Художествъ, Императорскую Публичную Библіотеку, въ Императорскія: Русское Географическое Общество, Московское

Археологическое Общество, Русское Археологическое Общество, Археографическую Коммиссію, въ Комитетъ Грамотности при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, въ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ Историческій Музей, въ Московское Общество любителей духовнаго просвѣщенія, въ Московскій Главный Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и др. Нѣтъ возможности перечислить всѣ пожертвованныя Голышевымъ вещи; любопытствующихъ отсылаемъ къ брошюрѣ – „Двадцати-пяти-лѣтняя дѣятельность И. А. Голышева".

Разнообразная почтенная дѣятельность И. А. Голышева, оцѣненная по достоинству русскою литературою въ многочисленныхъ отзывахъ и рецензіяхъ, постоянно обращала на себя вниманіе различныхъ обществъ и учрежденій. Этотъ самородокъ, силою воли, терпѣніемъ и неослабнымъ трудолюбіемъ преодолѣвшій препятствія, преграждавшія ему путь къ самообразованію, умный, одаренный способностями простолюдинъ, Иванъ Александровичъ Голышевъ былъ членомъ многихъ обществъ. Владимірскій Статистическій Комитетъ въ 1886 г. удостоилъ его званія почетнаго члена „во вниманіе къ долголѣтней полезной дѣятельности и въ засвидѣтельствованіе особаго уваженія къ трудамъ по изслѣдованію родной старины, этнографіи и статистики"; Владимірское Братство Св. Благовѣрнаго В. К. Александра Невскаго избрало его въ 1893 г. также почетнымъ пожизненнымъ членомъ „за просвѣщенное сочувствіе дѣятельности Братства и за неоднократныя пожертвованія"; Нижегородскимъ Статистическимъ Ко-

митетомъ И. А. былъ избранъ въ 1886 году тоже почетнымъ членомъ, а Императорская Публичная библіотека въ томъ же году избрала его своимъ почетнымъ корреспондентомъ „за неусыпные труды въ области археологіи, исторіи, этнографіи и статистики Владимірскаго края". Дѣйствительнымъ членомъ И. А. Голышевъ былъ: Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (съ 7 декабря 1883 г.). Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ (съ 8 марта 1883 г.— членомъ соревнователемъ, съ 18 марта 1886 г.—дѣйствительнымъ), Кіевскаго Историческаго Общества Лѣтописца Нестора (съ 25 мая 1886 года); членомъ—сотрудникомъ—Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (съ 27 мая 1877 года), Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности (съ 16 мая 1886 г.), Археологическаго Института (съ 24 сентября 1883 г.), Ростовскаго Музея церковныхъ древностей (съ 1886 г.) и Рязанской ученой Архивной Коммиссіи (съ 1890 г.); членомъ-соревнователемъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея—(съ 1890 г.). Объ избраніяхъ до 1871 года сообщено нами выше. Кромѣ всего, во вниманіе къ заслугамъ по изслѣдованію климата Россіи, Конференція Императорской Академіи Наукъ въ 1890 г. утвердила Голышева корреспондентомъ Главной Физической Обсерваторіи.

Помимо избранія въ почетные и дѣйствительные члены, И. А. Голышевъ за поднесенные и представленные труды былъ осчастливленъ и удостоиваемъ различныхъ наградъ,—такъ, Августѣйшими Особами не

разъ удостоенъ былъ благодарностями, награжденъ десятью брилліантовыми перстнями, тремя таковыми же булавками, четырьмя золотыми часами, золотой табакеркой, серебрянымъ сервизомъ, двумя серебряными вызолоченными кубками съ подносомъ, серебрянымъ вызолоченымъ портсигаромъ, четырьмя фотографическими портретами съ собственными подписями, дорогими Великихъ Князей сочиненіями и изданіями и денежными наградами.

Учеными обществами и учрежденіями присуждены были Голышеву: Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ въ 1880 г.—большая серебряная медаль „за ученые труды по археологіи", имъ же — въ 1886 г. малая золотая медаль, „которая выдается лишь лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе успѣхамъ археологіи". Комитетомъ грамотности при Имп. Вольномъ Экономическомъ Обществѣ въ 1891 г.—серебряная медаль „за точное и тщательное воспроизведеніе народныхъ картинъ и за долголѣтнюю дѣятельность, посвященную изученію русской художественной старины". Кромѣ того, въ 1874 и 1878 гг. Голышевъ былъ награжденъ золотыми медалями для ношенія на шеѣ на Станиславской и Анненской лентахъ, въ 1883 году—орденомъ св. Станислава 3-й степени, въ 1884 г.—возведенъ въ званіе потомственнаго почетнаго гражданина, въ 1886 г.—награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени, въ 1891 году—орденомъ св. Анны 2-й степени. Наконецъ, онъ имѣлъ бронзовую медаль отъ Московскаго Археологическаго Общества „въ память перваго русскаго археологическаго съѣзда

въ Москвѣ 1869 г." и серебряный жетонъ въ память Священнаго Коронованія въ 1883 г.

Такова жизнь И. А. Голышева, не достаточно полно очерченная нами. Мы ничего не сказали о книжной торговлѣ его, которую онъ велъ добросовѣстно, по умѣреннымъ цѣнамъ и съ строгимъ выборомъ изданій, преимущественно нравственнаго и назидательнаго содержанія, полезнаго для обученія юношества; по словамъ академика В. П. Безобразова, это—одинъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей по народному образованію. Голышевъ, ярый поборникъ народнаго просвѣщенія, постепенно вытѣснялъ изъ обращенія грубыя изданія народной литературы,—вступалъ по этому поводу въ переписку съ учеными лицами, съ потомъ Н. А. Некрасовымъ, возбуждалъ ходатайства, какъ гласный уѣзднаго и губернскаго земствъ (1875—1878 г.), объ облегченіи правилъ для офеней, объ улучшеніи быта народныхъ учителей, объ увеличеніи смѣтъ на народное образованіе, жертвовалъ и доставлялъ книги для училищъ. За дѣятельность по народному образованію И. А. и былъ награжденъ въ 1874 г. золотою медалью (прочія медали за научные труды). Далѣе, нужно упомянуть, что Голышевъ принималъ личное участіе въ I, VII и VIII археологическихъ съѣздахъ, въ устраиваемыхъ выставкахъ: народныхъ картинъ (въ 1891 г.), на археологической (1890 г.), на Нижегородской (1896 г.). Наконецъ, по порученію различныхъ обществъ, коммиссій и т. п. онъ исполнялъ различныя работы, иногда довольно не легкія.

8 іюня 1886 г. былъ отпразднованъ въ Голы-

шевкѣ 25-лѣтній юбилей учено-литературной и художественной дѣятельности И. А. Голышева, а 7 декабря 1894 г. исполнилось 50 лѣтъ книжной дѣятельности Голышевыхъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ напечатанное И. А. Голышевымъ въ столичныхъ изданіяхъ. Статьи и рефераты его перепечатывались „Голосомъ", „Правительственнымъ Вѣстникомъ" и др. періодическими изданіями; кромѣ того, онъ помѣстилъ свои труды: „Воспоминаніе объ Александрѣ Ивановичѣ Артемьевѣ" („Древн. и Нов. Россія", 1875 г., № 9, стр. 82—85), „Воспоминанія бывшаго крестьянина археолога И. А Голышева. 1838—1878" („Рус. Старина" 1879, стр. 753—772, и № 6, стр. 353—366), „Константинъ Никитичъ Тихонравовъ". („Рус. Стар 1879 года, № 12, стр. 718—722), „Картинное и книжное народное производство и торговля Разсказъ И. А. Голышева, основателя и владѣльца литографіи въ слободѣ Мстерѣ, 1858—1886" („Рус. Стар." 1886, № 3, стр 679—726), „Константинъ Никитичъ Тихонравовъ" („Чтенія въ Император. Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ при Москов. Универс." 1886 г, кн. 3, стр. 1—40. и тоже отд.: М., въ Универ. тип., — оттискъ, къ которому во Владимірѣ, въ тип. губерн. правл., 1887 г., былъ припечатанъ выходной листъ и приложенъ портретъ Тихонравова, рисов. Кноифомъ и литогр. въ Голышевкѣ) и „Стихъ о злой травѣ ишихъ", съ предисловіемъ Голышева. („Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос.", 1894 г., стр. 1—12, и тоже отд.: М., въ

Унив. тип.); въ различныхъ изданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества напечатаны: „Заявленіе на 1-мъ археологическомъ съѣздѣ“ („Труды“ 1-го съѣзда, т. I, стр. 105—107), „Благословенная грамота Аѳанасія, епископа суздальскаго на церковь Покрова Богородицы въ с. Старомъ Татаровѣ, 1737 г.“ („Труды“ общества, IX, Пр. 30), „Объ археологической находкѣ близъ сл. Холуя“ („Труды“ общ., т. X, Пр. 66) и сообщенія: „Объ изображеніяхъ мученика Христофора на иконахъ“, „Замѣтки о русскомъ иконописаніи“, „Списокъ извѣстныхъ памятниковъ древности Вязниковскаго уѣзда“, „О древней печатной доскѣ“, „Описаніе рукописнаго синодика Сергіевской пустыни“, „Иконописцы XVII ст. въ сл. Мстерѣ“ и др. Въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ за 1893 г., въ статьѣ А. С. Пругавина „Книгоноши и офени“ сообщено много данныхъ, добытыхъ отъ И. А. Голышева. Участіе его въ другихъ періодическихъ изданіяхъ намъ неизвѣстно.

Жизнь И. А. Голышева въ послѣдніе годы шла довольно однообразно,—онъ большею частью проживалъ безвыѣздно въ своей Голышевкѣ, посвящая досуги на изготовленіе альбомовъ. Лѣтомъ 1896 г. во время купанья съ нимъ случился ударъ и онъ едва добрался до дома; слѣдствія удара (паралличное состояніе) стали по немногу проходить, онъ могъ писать письма, и была надежда, что скоро здоровье вполнѣ возстановится. Въ началѣ декабря ударъ повторился (въ четвертый разъ) и 9 декабря 1896 г. Ивана Александровича Голышева не стало. Похороненъ онъ въ сл. Мстерѣ.

Къ нему вполнѣ приложимо сказанное извѣстнымъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ о другомъ археологѣ: „Не мало почтенныхъ ученыхъ посвящало у насъ свою дѣятельность русской археологіи. Иные изъ нихъ пріобрѣли себѣ видную извѣстность своими трудами; другимъ, по ихъ способностямъ и общественнымъ условіямъ досталась на долю болѣе скромная участь, но съ правомъ на увѣренность, что ихъ труды не пропали безслѣдно для науки. Въ числѣ такихъ скромныхъ, но полезныхъ и потому почтенныхъ археологовъ, мы укажемъ на одну личность, которая никогда не играла видной роли..." По нашему мнѣнію такимъ былъ и Голышевъ.

О Голышевѣ см. „Двадцати-пяти-лѣтняя дѣятельность П. А. Голышева. 1861—1886 гг." (Владиміръ. тип. губерн. Правл., 1886, 8^0, 75 стр.).—„Двадцати-пяти-лѣтній юбилей учено-литературной и художественной дѣятельности П. А. Голышева.... 8 іюня 1886 г. Описаніе.... П. С. Стромилова" (Владиміръ. Типогр. Губерн. Правл., 1887, 4^0, 1 портретъ + 65 стр. + 14 (перепечатка статьи изъ „Истор. Вѣстн." В. Зотова) стр.—„Рус. Стар." 1877 г., № 4, стр. 723—726, въ статьѣ В. Стасова)—„Воспоминанія" Голышева (тамъ же, 1879 г., №№ 4 и 6);—„Картинное и книжное производство" (тамъ же, 1886, № 3);—„Къ портрету Голышева" (тамъ же, 1893, № 9, портретъ и стр. 610).—„Историч. Вѣсти." 1886 г., № 5 (ст., В. З., т. е. Вл. Р. Зотова.—„Крестьянинъ—археологъ", и отд. оттискъ).—„Нижегород. Губерн. Вѣдом." 1886 г., № 22 („Мстерскій юби-

ляръ“). — Владимір Епархіал. Вѣдом.“ 1886. № 9 („Къ предстоящему юбилею“); 1893 г., № 23. — „Владимір. Губ. Вѣдом“ 1886 г., № 23 („25-лѣтній юбилей“); 1896 г., № 50 (некрологъ). — „Библіографъ“ 1891 г. № 5—6. стр. 73—85 и отд.: Спб., 1891 г., 8°, 15 стр. (Е. Ф. Шмурло — „И. А. Голышевъ. Къ 30-лѣтію его научной дѣятельности“). — „Энциклопедич. Словарь“, изд. Брокгауза и Эфрона Спб. 8°. 1893 г. (т. 9, полут. 17. стр. 126—127). — „Новое Время“. 1882 г., № 2174 („Археологъ изъ крестьянъ“); 1896 г., № въ декабрѣ (некрологъ). — „Отеч. Зап.“, 1883, № 9 („Крѣпостная интеллигенція“). — „Москов Вѣдом.“ 1894 г., № 354 („50-лѣтіе дѣятельности Голышева“); 1896 г., № 344 (В. Т. Георгіевскій). — „Правител Вѣсти.“ 1894 г., № 283, и 1896 г., № 274. — „Памяти книжка Владим. губ.“ Владиміръ, 1895 г., стр. 79—102, и отд.: тамъ же и тогда же, 8°, 1 портретъ + 24 стр. „Истор. Вѣсти.“ 1897 г., № 2, стр. 772—774. — „Русское Обозрѣніе“ 1897 г., № 1, стр. 378—383 (В. Иларіоновъ, т. е. В. Т. Георгіевскій — „Памяти И. А. Голышева“). — „Археологич. извѣстія и замѣтки, издаваем. Имп. Москов Археологич. Обществомъ“, 1896 г., №№ 11—12, стр. 445—447. — „Сѣверн. Вѣсти.“ 1893 г., №№ 1—4 (А. Пругавинъ — „Книгоноши и офени“). — Еще см. статьи объ его трудахъ, указанныя въ брошюрѣ „Двадцати-пяти-лѣтняя дѣятельность...“ на стр. 30—31 и 33.

XXIV.

А. М. Воскресенскій.

Александръ Михайловичъ Воскресенскій, экстраординарный профессоръ Кіевской духовной академіи, протоіерей, родился въ погостѣ Васильевскомъ, Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи. 24 августа 1828 года. Отецъ его былъ священникомъ.

Погостъ Васильевскій, заселенный однимъ духовенствомъ, въ то время довольно многочисленнымъ (было три причта), клалъ особую печать на молодыхъ обитателей его: съ ранняго дѣтства они видѣли въ обыденной жизни только духовныхъ лицъ съ ихъ радостями и печалями, съ ихъ монотоннымъ настроеніемъ; это была скорѣе какая-то монастырская жизнь, куда постороннее, мірское врывается рѣдко, гдѣ почти нѣтъ мѣста для мірскихъ злобъ дня Все здѣсь у взрослыхъ шло по заведенному порядку, уклоняться отъ котораго и не было поводовъ, да и было бы рѣзкимъ диссонансомъ. Такъ направлялась жизнь и молодаго поколѣнія, сначала рабски подражавшаго, а потомъ уже по привычкѣ поддерживавшаго преданія и завѣты своихъ родителей. При подобныхъ условіяхъ шло дѣтство и А. М. Воскресенскаго: отецъ—

священникъ, какъ и другіе обитатели погоста, воспитывалъ дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ, что легко достигалось при постепенномъ сближеніи ихъ съ церковью. Родители, какъ служители церкви, и дѣтей своихъ располагали къ тому же служенію. Это было главной основой всего воспитанія. Дѣтскія воспоминанія Александра Михайловича были переполнены церковною жизнью, съ его неуклоннымъ посѣщеніемъ храма Божія, съ его постояннымъ участіемъ во время службъ въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ. Въ этой жизни и было положено начало тому религіозному настроенію, съ какимъ онъ остался до конца дней своихъ.

Будничная жизнь шла по разъ заведенному порядку. Отецъ самъ училъ его грамотѣ по часослову и псалтири, онъ же первый познакомилъ сына съ греческимъ и латинскимъ языками. А. М. былъ мальчикъ къ ученію очень способный, и оно шло быстро. Дѣтскія забавы были самыя обыкновенныя, причемъ А. М. Воскресенскій, какъ юркій, живой и предпріимчивый, былъ коноводомъ среди товарищей во всѣхъ играхъ и занятіяхъ. Любимымъ удовольствіемъ его была рыбная ловля, которая чуть не стоила ему въ дѣтствѣ жизни.

Въ 1839 г. Воскресенскій, хорошо подготовленный, поступилъ прямо въ третій классъ Муромскаго духовнаго училища, въ которомъ, однако, пришлось ему пробыть три года, а всего въ училищѣ 5 лѣтъ. Учился онъ очень хорошо и считался въ числѣ лучшихъ учениковъ. Въ 1844 г. А. М. былъ переведенъ во Владимірскую духовную семинарію, гдѣ съ нимъ произошло, по понятіямъ того времени, нѣчто

странное. Хорошій ученикъ въ училищѣ, здѣсь Воскресенскій сразу попалъ въ число заурядныхъ. Нужно вспомнить, что А. М. было уже 16 лѣтъ, что онъ хотя въ дѣтствѣ и былъ послушнымъ сыномъ, воспитаннымъ при извѣстномъ режимѣ, но и тамъ, въ родномъ погостѣ, ему было уже душно,—онъ рвался при всякомъ удобномъ случаѣ на волю, подальше отъ этой размѣренной жизни: лѣтомъ онъ уходилъ въ лѣсъ, на берегъ рѣки и тамъ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый, проводилъ почти все время. Ученье дома и въ училищѣ по старой методѣ, когда отъ мальчика ничего больше не требовалось, какъ отчетливаго знанія „къ зубу", еще могло идти своимъ чередомъ, такъ какъ Воскресенскій не въ силахъ былъ хоть сколько нибудь реагировать противъ такого порядка; но въ семинаріи, гдѣ отъ воспитанника требуются разсужденія, размышленія на заданныя темы, гдѣ дается работа не одной памяти, тамъ Александръ Михайловичъ, видимо, запротестовалъ противъ безотчетнаго заучиванія,—противъ воли и желанія ему хотѣлось идти дальше буквальнаго повторенія учебниковъ; но это-то не только тогда, но и гораздо позже, было не въ правилахъ педагогики, и Воскресенскій, лучшій ученикъ въ училищѣ, въ семинаріи, какъ выражались тогда, слетѣлъ съ первыхъ мѣстъ, и только въ „философіи" ему удалось занять прежнее мѣсто. Въ этомъ классѣ главными предметами считались тогда логика, психологія и патрологія. При Воскресенскомъ эти предметы преподавалъ только-что назначенный наставникъ, М. В. Тихонравовъ (ум. въ 1850 г., авторъ соч.

„О христіанскомъ мученичествѣ"), умный, внимательный къ ученикамъ. Онъ былъ чуждъ прежнихъ педагогическихъ пріемовъ и его заинтересовали отвѣты и сочиненія на заданныя темы Воскресенскаго: Тихонравовъ взялъ Александра Михайловича подъ свое особое наблюденіе, и съ тѣхъ поръ юноша до выхода изъ семинаріи былъ въ числѣ первыхъ, при чемъ занимался одинаково усердно всѣми предметами, даже, по мнѣнію начальства, такими вредными, какъ естественная исторія и сельское хозяйство, введенные въ кругъ семинарскихъ предметовъ въ 40-хъ годахъ.

Въ семинаріи А. М. Воскресенскій пробылъ только пять лѣтъ, такъ какъ въ 1849 г., когда онъ просидѣлъ одинъ годъ въ „богословіи", духовно-учебное начальство вызвало изъ Владимірской семинаріи 4-хъ воспитанниковъ въ академіи, и семинарское правленіе въ число ихъ назначило и Воскресенскаго, который въ тотъ же 1849 году и поступилъ въ Кіевскую академію. Тамъ онъ, какъ и въ семинаріи, усердно посѣщалъ лекціи по всѣмъ предметамъ, даже по физико-математическимъ, которыя обыкновенно не долюбливали другіе студенты. Кончилъ онъ курсъ академіи въ 1853 г. магистромъ, подъ № 3, при чемъ магистерское сочиненіе писалъ „о высшихъ родахъ христіанскаго подвижничества".

„Въ періодъ студенческой жизни Воскресенскій былъ человѣкъ въ высшей степени живой и веселый, и любилъ немного щеголять. По отношенію къ товарищамъ былъ онъ, говоритъ В. Ѳ. Пѣвницкій, очень общителенъ: онъ очень скоро сходился съ другими...

Въ его курсѣ едва ли у кого было столько близкихъ людей между студентами, сколько у него. И его очень любили товарищи,—любили за его доброту, за его прямоту и простоту и за его готовность раздѣлить съ другими и радость и горе".

Вскорѣ по окончаніи студенческаго курса началась и духовно-училищная служба Александра Михайловича, продолжавшаяся 30 л., до самой смерти. 31 октября 1853 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ церковной исторіи, археологіи и каноническаго права въ Волынскую семинарію, помѣщавшуюся въ уѣздномъ городѣ Кременцѣ; но такъ какъ каѳедра по этимъ предметамъ считалась второстепенною, то, согласно его желанію, 27 августа 1854 г. Воскресенскій былъ перемѣщенъ на каѳедру логики, психологіи, патрологіи и латинскаго языка, гдѣ онъ могъ имѣть больше вліянія на учениковъ. Въ 1855 г. А. М. женился на дочери священника изъ предмѣстья Кіева, Пріорка, и съ того времени начало его тянуть въ Кіевъ; въ 1856 г. желаніе его исполнилось,—27 декабря онъ былъ перемѣщенъ въ Кіевскую духовную семинарію на каѳедру физико-математическихъ наукъ

Здѣсь, въ кругу знакомыхъ, въ сосѣдствѣ съ воспитавшею его академіею, А. М. уже не могъ затеряться: 13 октября 1859 г. онъ былъ назначенъ бакалавромъ въ Кіевскую академію по той же каѳедрѣ физико-математическихъ наукъ, причемъ на его долю выпало преподаваніе геометріи, тригонометріи и аналитической геометріи, а съ 1862 г.—къ нему перешли и другіе отдѣлы, т. е. алгебра и физика. На

этой каѳедрѣ, 26 марта 1864 г., онъ возведенъ былъ и въ званіе экстраординарнаго профессора, каковымъ оставался до смерти. Воскресенскій, внимательно слѣдившій за движеніемъ своей науки, умѣлъ заинтересовать своимъ предметомъ слушателей—студентовъ и они охотно посѣщали его лекціи, особенно по физикѣ.

Съ переходомъ на службу въ Кіевъ началась и литературная дѣятельность Воскресенскаго; особенно много онъ поработалъ для „Воскреснаго чтенія", гдѣ одно время раздѣлялъ труды и по редакціи этого изданія. Потомъ статьи его помѣщались въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей", въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ" и въ др. изданіяхъ; но перечислить все имъ написанное, къ сожалѣнію, нѣтъ возможности, такъ какъ многое печаталось безъ его подписи. Первою его статьею было—„О хожденіи на св. Пасху съ иконами" („Руковод. для сел. паст.", 1860, № 7). Въ „Воскресномъ Чтеніи" 1862 г. онъ продолжалъ работу архимандрита Меѳодія—объясненіе смысла евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, положенныхъ уставомъ на недѣльные дни, начиная отъ 26-й недѣли (см. № 34, стр. 911; № 35, стр. 931; № 36, стр. 959, и т. д., кончая № 44, стр. 1119, подъ заглавіями: „Недѣля 26-я по пятидесятницѣ", „Недѣля мытаря и фарисея" и т. д.). Въ № 49 того же журнала за 1864 г. онъ помѣстилъ замѣчательную статью—„Библейское ученіе о твореніи міра и современное естествознаніе"; тамъ-же напечатано (1864 г. №№ 21, 22, 24, 27, 30, 32, 37, 38, 39, 42, 49 и 50) „Объясненіе праздниковъ право-

славной церкви ученикамъ сельскихъ школъ", начиная съ Рождества Пресвятыя Богородицы и кончая Усѣкновеніемъ главы св. Іоанна Предтечи. Въ 1868—69 годахъ напечатаны, все въ томъ же журналѣ, интересныя статьи Воскресенскаго по космографіи, гдѣ онъ, съ религіозной точки зрѣнія, освѣщалъ такія явленія въ природѣ, какъ солнце (№ 14), луна (№№ 36 и 37), солнечныя и лунныя затмѣнія (№ 55). Въ „Воскресномъ Чтеніи", за подписью А. В., помѣщена и часть магистерской диссертаціи Воскресенскаго: „Святые юродивые. (Историческій очеркъ)"—1862 г., № 26, стр. 650—660, и „Святые столпники" (1863, № 23, стр. 548—555), и, если не ошибаемся, ему-же принадлежатъ статьи „Составъ гимназическихъ библіотекъ по предмету Закона Божія и объ ученическихъ библіотекахъ при гимназіяхъ" („Журн. Мин. Народ. Просв." 1862, № 11, отд. IV, стр. 150—158), „По поводу открытія библіотекъ учебныхъ заведеній для публики и соединенія ихъ съ публичными" (тамъ-же, 1863, № 12, отд. VI, стр. 153—160)", „Нѣсколько замѣчаній о составѣ и устройствѣ библіотекъ въ гимназіяхъ" (1863г., № 2, отд. VI, стр. 80—89), „Нѣсколько словъ объ ученическихъ библіотекахъ при духовныхъ семинаріяхъ" („Православ. Обозрѣніе", 1863, № 2, отд. II, стр. 70—72). „О мѣрахъ папистовъ къ введенію уніи въ юго-западной Россіи. (Очеркъ)" въ „Вѣстн. Юго-западн. и Западн. Россіи", (1863 г., т. III, кн. IX, мартъ, отд. II, стр. 143—152; т. IV, кн. X, апрѣль, отд. II, стр. 1—13, и кн. XII, іюнь, отд. II, стр. 101—113),

и „О церковно-приходскихъ училищахъ кіевской епархіи“ (тамъ-же, т. III, кн. VII, январь, отд. III, стр. 20—49). Александръ Михайловичъ написалъ и нѣсколько біографическихъ очерковъ: „Каѳедральный Кіево-Софійскаго собора протоіерей Иванъ Михайловичъ Скворцовъ. (Біографическій очеркъ)“ („Руковод. для сельск. пастыр.“ 1863 г., №№ 44 и 47; 1864 г., №№ 4 и 5), „Некрологъ. Протоіерей Григорій Никифоровичъ Крамаревъ“ (тамъ-же, 1868, № 33, стр. 517—527). Вотъ извѣстное намъ изъ литературныхъ трудовъ Воскресенскаго за 60-е годы.

За это время, до преобразованія академій, А. М. по обычаю того времени несъ въ академіи и другія обязанности, не соединенныя съ профессурой,—такъ, въ началѣ 1861 г. онъ былъ опредѣленъ помощникомъ библіотекаря, а въ концѣ того-же года перемѣнилъ эту должность на помощника секретаря академіи; въ 1863 г., 27 марта онъ былъ сдѣланъ секретаремъ, но въ іюнѣ слѣдующаго года эту должность оставилъ и былъ назначенъ библіотекаремъ академіи, и эту обязанность несъ до введенія новаго устава. Здѣсь ему пришлось очень много поработать, и начальство за труды и усердіе выдало Воскресенскому годовой окладъ бакалаврскаго жалованья. Кромѣ того, въ теченіе 1866—67 академическаго года онъ преподавалъ студентамъ библейскую археологію и еврейскій языкъ, за половинный бакалаврскій окладъ. Эти добавочные предметы одинаково добросовѣстно и содержательно излагалъ А. М., какъ и предметы своей каѳедры. Въ 1866 году онъ былъ назначенъ

секретаремъ академической конференціи (до 16 января 1868 года). Наконецъ, съ этого же года началъ онъ преподавать, сначала космографію, а потомъ—физику и геометрію, въ женскомъ епархіальномъ училищѣ. Преподаваніе въ женскомъ заведеніи требовало особаго дара для изложенія такихъ предметовъ, какъ указанные; но и здѣсь Александръ Михайловичъ съумѣлъ такъ ясно излагать уроки, такъ приспособить ихъ къ пониманію своихъ ученицъ, что онѣ очень легко усвоили ихъ и, по общему отзыву, оказывали весьма хорошіе успѣхи. Въ училищѣ Воскресенскій преподавалъ до 7 января 1879 года.

Въ 1869 г. былъ введенъ новый уставъ въ академіяхъ, по которому каѳедры физико-математическихъ наукъ уже не полагалось. Вслѣдствіе этого А. М. Воскресенскій былъ избранъ преподавателемъ исторіи и обличенія русскаго раскола, и эту каѳедру занималъ до конца своей жизни. Этотъ новый предметъ, избранный Александромъ Михайловичемъ, потребовалъ отъ него особыхъ занятій, подготовки къ лекціямъ, и, какъ всегда, Воскресенскій явился предъ слушателями во всеоружіи знанія; студенты отзывались объ его лекціяхъ съ чувствомъ признательности. Когда исполнилось 30 лѣтъ духовно-училищной службы Воскресенскаго, студенты поднесли ему адресъ, въ которомъ благодарили за ясное, одушевленное и просвѣтительное слово.

Кромѣ академической службы, въ послѣдніе годы А. М. Воскресенскій исполнялъ и другія обязанности по духовному вѣдомству. 5 декабря 1871 г. онъ

былъ рукоположенъ во священника къ Царе-Константиновской церкви, и это прибавило ему не мало хлопотъ,—приходъ былъ большой и многолюдный. Но А. М. этимъ нисколько не тяготился,—напротивъ, онъ преданъ былъ духовной службѣ до самоотверженія. При церкви онъ устроилъ образцовую церковно-приходскую школу, много заботился объ украшеніи храма. Для прихожанъ онъ былъ истиннымъ пастыремъ духовнымъ: часто проповѣдывалъ въ церкви, и его простое, здравое, приспособленное къ нуждамъ и пониманію своихъ прихожанъ слово чрезвычайно имъ нравилось; для всѣхъ онъ былъ доступенъ, со всѣми ласковъ, привѣтливъ. Въ изъявленіе любви и уваженія къ нему прихожане, главнымъ образомъ мелкіе торговцы и мѣщане, въ 1883 г. поднесли о. Александру наперстный крестъ. И духовное начальство всегда цѣнило его службу: 20 марта 1874 г. онъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея; съ 11 февраля 1875 г. до смерти онъ былъ цензоромъ журналовъ и книгъ духовнаго содержанія; съ 17 декабря 1878 г. былъ благочиннымъ Кіево-Подольскихъ церквей, но отъ этой должности онъ въ 1880 г., когда былъ избранъ членомъ консисторіи, отказался. Кромѣ того, неоднократно исполнялъ онъ другія мелкія порученія начальства.

Въ 1878 г. исполнилось 25-лѣтіе духовно-училищной службы А. М. Воскресенскаго, а въ 1883 г.—30-лѣтіе. Совѣтъ Академіи каждый разъ свидѣтельствовалъ, закрытой баллотировкою, о полезной преподавательской дѣятельности Воскресенскаго и каждый разъ переизбиралъ его на новое пятилѣтіе.

Литературные труды Александра Михайловича за послѣдніе годы намъ менѣе извѣстны,—и, очень можетъ быть, ихъ было не такъ много. Въ „Воскресномъ Чтеніи“ за 1879 г. помѣщено нѣсколько его поученій на недѣли постной тріоди, начиная отъ недѣли мытаря и фарисея и кончая недѣлею сыропустною, и поученіе на день св. Пасхи. Въ 1880 г. въ томъ же журналѣ напечатанъ рядъ его статей подъ заглавіемъ — „Современный соціализмъ и собственность“ (№№ 30, 31, 32, 35, 50 и 52), которыя потомъ вышли и отдѣльной брошюрой; въ 1881 г. тамъ же онъ напечаталъ (№№ 47—52) семь поученій о приготовленіи къ празднику Рождества Христова и на самый день праздника. Въ „Кіевск. Епархіал. Вѣдомостяхъ“ имъ помѣщены: (1876, № 13, стр. 435—443, и № 15, стр. 470—484) „Некрологъ. Священникъ І Ф. Томашевскій“ и (1873, № 1, стр. 14—22, за подписью В.)—„Некрологъ настоятеля Кіево-Подольской Ильинской церкви, протоіерея Мина Трофимовича Жолткевича“. Въ „Руковод. для сельскихъ пастырей“ (1872 г., № 50, стр. 569—575; № 51, стр. 608—618 и № 52, стр. 664—674) помѣщена имъ статья—„Типы духовныхъ лицъ въ свѣтской литературѣ“ (по поводу „Соборянъ“ Лѣскова). Наконецъ, намъ извѣстно нѣсколько его рецензій на сочиненія и статьи по расколу (см., напр., „Кіев. Епарх. вѣдом.“ 1875 г. №№ 19 и 20).

Товарищъ съ дѣтства и кончая службой въ Академіи, В. Ѳ Пѣвницкій такъ характеризуетъ А. М. Воскресенскаго: „Въ товарищескомъ кругу онъ, какъ

человѣкъ мягкій, простой, открытый, незлобивый, чуждый всякаго лукавства, пользовался общимъ сочувствіемъ и расположеніемъ. Вездѣ, куда ни поставляла его судьба, у него находились пріятели и близкіе люди; но враговъ у него не было, да и трудно было кому либо питать враждебное чувство къ этой добрѣйшей душѣ. Его любили сослуживцы по академіи; уважали и любили его и студенты, его слушатели. Съ чувствомъ почтенія и полнаго благорасположенія относилось къ нему духовенство города Кіева, членомъ котораго онъ былъ въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ своей жизни, и низшіе члены причтовъ церковныхъ не могли нахвалиться имъ, когда онъ стоялъ къ нимъ въ начальственномъ отношеніи по званію благочиннаго: всѣмъ нравилась его доступность, нравилось его гуманное, простое обращеніе, чуждое всякой тѣни заносчивости или гордости". Искренно любили его и многочисленные прихожане... Къ этому нужно добавить, что А. М. Воскресенскій былъ для студентовъ отцомъ роднымъ: благодаря своему авторитету, своей близости къ начальству академіи, отъ котораго всегда пользовался особымъ расположеніемъ, онъ, близко принимая къ сердцу жизнь студентовъ, со всѣми ея радостями и невзгодами, горячо отстаивалъ интересы молодыхъ товарищей, и, по словамъ бывшихъ студентовъ академіи, не было случая, чтобы взятый Александромъ Михайловичемъ подъ защиту студентъ не былъ успокоенъ.

А. М. Воскресенскій скончался въ Кіевѣ 26 декабря 1883 г., въ четвертомъ часу утра. Смерть

его поразила всѣхъ своею неожиданностію, хотя здоровье А. М. давно было расшатано. Умеръ онъ отъ чахотки. Наканунѣ смерти, въ день Рождества Христова онъ служилъ, послѣ чего дѣлалъ визиты въ Академію; оттуда пріѣхалъ уже обезсиленный, а къ утру его не стало. Погребенъ онъ 28 декабря, послѣ отпѣванія въ его приходской церкви, при архіерейскомъ служеніи вмѣстѣ съ многочисленнымъ духовенствомъ, въ предмѣстьи города Кіева,—Пріоркѣ, подлѣ церкви, гдѣ долгое время служилъ его тесть.

О Воскресенскомъ см. „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовн. Академіи". Кіевъ, 1869 г., 8°. стр. 397 и 430.—„Владим. Епар. Вѣдом." 1883 г. № 2, стр. 43-46.—„Москов. Вѣд." 1883 г., № 361.—„Труды Кіевск. Духовн. Академіи", 1884 г. № 2, и отд.: Кіевъ. Типогр. Корчакъ-Новицкаго. 1884. 8°. 39 стр. (В. Ѳ. Пѣвницкаго).—„Владим. Епарх. Вѣдом." 1884, № 2, стр. 38—42 („Памяти проф. Кіев. духов. акад. А. М. Воскр.").—„Истор. Вѣстн." 1886 г., № 12, въ приложеніи, и отд.: „Обзоръ жизни и трудовъ покойн. рус писателей" Д. Д. Языкова. Вып. III. Спб., 1886. Тип. А. Суворина. 8°, стр. 20.—

XXV.

З. А. Буринскій.

Захаръ Алексѣевичъ Буринскій по происхожденію, рожденію и первоначальному воспитанію, несомнѣнно, принадлежитъ къ владимірцамъ, какъ то утверждаютъ и всѣ его біографы, но установить точно время рожденія, не смотря на всѣ произведенные нами розыски, не удалось. Въ архивѣ Московскаго Университета эти свѣдѣнія должны сохраниться, такъ какъ онъ тамъ получилъ высшее образованіе и тамъ же началась его служба.

З. А. Буринскій родился въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, въ первой половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія; кто были его родители — неизвѣстно. Въ 1787 г. было открыто въ Переславлѣ городское училище, и, очень можетъ быть, въ немъ Захаръ Алексѣевичъ впервые познакомился съ грамотой. Гимназій до начала 1800-хъ годовъ, какъ извѣстно, по губернскимъ городамъ (кромѣ Казани) нигдѣ не было, и потому Буринскій для полученія образованія отправленъ былъ въ Москву, гдѣ тогда были двѣ гимназіи, одна для дворянъ, другая для разночинцевъ; въ одну изъ нихъ и поступилъ Буринскій. Въ 1801 году изъ учениковъ гимназіи онъ былъ произведенъ въ студенты университета по философскому факультету. Здѣсь руководителемъ и другомъ его былъ А. Ѳ. Мерзляковъ, а ближайшими

товарищами – М. В. Милоновъ, Р. Ѳ. Тимковскій и Н. Ѳ. Кошанскій. Въ тѣ времена при Московскомъ университетѣ было учреждено нѣсколько обществъ, въ томъ числѣ и литературныхъ, издававшихъ свои труды въ видѣ сборниковъ, журналовъ, въ которыхъ не рѣдко сотрудничали и студенты. Образовавшійся около Мерзлякова небольшой кружокъ также устраивалъ литературныя бесѣды, на которыхъ, между прочимъ, занимались чтеніемъ греческихъ и римскихъ классиковъ. Буринскій кончилъ курсъ кандидатомъ.

Будучи еще студентомъ, Захаръ Алексѣевичъ началъ свою литературную дѣятельность. Въ 1802 г. было напечатано – „Поэзія", стихи, произнесенные въ торжественномъ собраніи Университета. (М., въ Унив. тип., 1802. 8°); въ 1803 г. появилась „Похвала сельской жизни", перев. изъ 2-й книги Виргиліевыхъ „Георгикъ" (Спб., 1803. 4°), а въ журналѣ, издававшемся при Московскомъ университетѣ, – „Новости русской литературы", стихотвореніе – „Пѣснь Давыдова. – Переводъ псалма 68" („Нов. рус. лит." 1803, ч. 8, стр. 347—352); къ 1804 году относится стихотвореніе въ томъ же журналѣ – „Весна" (1804, ч. 10, стр. 223—224); вѣроятнѣе всего, ему же принадлежитъ въ этомъ журналѣ, за подписью Б---к-й, и переводъ съ франц. „Агарь въ пустынѣ" (1803, ч. 7, стр. 373—389).

Захаръ Алексѣевичъ кончилъ курсъ въ университетѣ, когда попечителемъ его уже былъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (1803—1807), принимавшій самое горячее участіе въ судьбахъ университета. Ему, между прочимъ, принадлежитъ иниціатива въ систе-

матическомъ замѣщеніи освобождавшихся каѳедръ въ университетѣ своими учеными, а не иностранцами. Но, чтобы осуществить это, Муравьевъ, „съ заботливостью начальника, обратился ко всему молодому поколѣнію ученыхъ, которое жило въ Москвѣ или странствовало за границею, вошелъ съ ними въ близкія и живыя сношенія, приблизивъ ихъ къ себѣ, подалъ имъ надежды, умножилъ средства, задалъ работы"; въ числѣ намѣченныхъ попечителемъ лицъ былъ и Буринскій, котораго онъ предназначалъ на каѳедру исторіи. Чтобы „молодые магистры и кандидаты заблаговременно пріучились къ сочиненію нужныхъ для ученія книгъ и чтобы упражненіемъ достигли они до нѣкоторой силы въ искусствѣ писанія", онъ поручалъ имъ производство различныхъ работъ,— такъ, Буринскому назначенъ былъ переводъ съ англійскаго сочиненія Гиббона — „Краткое начертаніе исторіи Свѣта" (напеч. въ 1805 г.—М., Универ. тип., 4°) и съ греческаго—Исторія, соч. Геродіана (отрывокъ изъ этого перевода, въ стихахъ, напечатанъ Р. Ѳ. Тимковскимъ въ 1806 году при изданіи басенъ Федра); кромѣ того, Захару Алексѣевичу поручено было написать „Разсужденіе о томъ, какую пользу принесла Россіи война съ турками въ 1736 году"; за это разсужденіе Буринскій былъ утвержденъ магистромъ словесныхъ наукъ и попечитель предполагалъ отправить его заграницу для приготовленія къ университетской каѳедрѣ. Но все вышло по другому.

28 іюля 1807 г. скончался попечитель Муравьевъ, а въ 1808 году умеръ и З. А. Буринскій, едвали

достигувъ и 25-лѣтняго возраста (Гречъ показываетъ, что онъ умеръ 20 лѣтъ, но это невѣроятно: неужели въ университетъ Буринскій поступилъ на 13-мъ году?).

Изъ другихъ литературныхъ трудовъ З. А. намъ извѣстны не многіе (въ журналахъ того времени не мало стихотвореній съ подписью Б., но кому они принадлежатъ—сказать трудно. тѣмъ болѣе, что собранія стихотвореній Буринскаго не было сдѣлано). 30 іюня 1805 года Московскій университетъ торжественно праздновалъ пятидесятилѣтіе своего существованія. По программѣ—торжественный актъ юбилея открылся „Хоромъ благодарныхъ Московскихъ Музъ къ Августѣйшимъ своимъ Питателямъ и Покровителямъ", котораго музыку сочинилъ Кашинъ, а слова Буринскій. Надо полагать въ 1807 году изданы были сочиненные Буринскимъ „Стихи на кончину Петра Ѳедоровича Глѣбова-Стрѣшнева, генералъ-маіора и кавалера, воспослѣдовавшую 23 октября 1807 г." (4°, безъ мѣста и года печати); въ „Дневникѣ студента" С. П. Жихарева (стр. 81) приведены стихи Буринскаго на смерть Давыдовой, которые въ свое время были положены и на музыку; по указанію Н. И. Греча, въ „Учебной Книгѣ Россійск. Словесн." (ч. IV, стр. 110 и ч. III, стр. 199) напечатано одно его „Посланіе"; наконецъ, уже послѣ смерти Захара Алексѣевича былъ изданъ его переводъ съ франц.—„Три слѣпца Толедскіе. Опера въ 1 дѣйствіи". (М., въ Унив. тип., 1811, 12°).

Въ Москвѣ З. А. занималъ должность суббиліотекаря при университетѣ.

Современники очень цѣнили поэтическій талантъ и остроуміе такъ рано умершаго Буринскаго. Товарищъ его, С. П. Жихаревъ такъ отзывается о немъ: „Не забуду и тебя, милый, безпечный мой Буринскій, будущее свѣтило нашей литературы, поэтъ чувствомъ, поэтъ взглядомъ на предметы, поэтъ оборотомъ мыслей и выраженій и образомъ жизни, словомъ, поэтъ по призванію!“

Въ память Буринскаго Мерзляковъ написалъ надгробную пѣснь...

О Буринскомъ см. „Москов. Вѣдом.“ 1801. № 72 (прибавленіе). — „Вѣсти. Европы“ 1808, ч. 40, № 13 („Пѣснь“ М., т.-е. Мерзлякова). — „Опытъ краткой исторіи рус. литературы“, Н. И. Греча. Спб.. 1822. 8^0, стр. 330. — „Энциклопед. Лексиконъ“ (Плюшара). Т. VII. Спб., 1836. 8^0. стр. 404. — Біографич. Словарь, изд. Снегирева. М.. 1838. 8^0. — „Исторія Импер. Москов. Университета“, С. П. Шевырева. М.. 1855. 8^0, стр. 345, 348, 359 и 381. — „Записки Современника. I. Дневникъ студента“, С. П. Жихарева. стр. 239. — „Москов. Университет. Благород. Пансіонъ“ Н. В. Сушкова. М., 1858. 4^0, стр. 10. — „Стихотворенія А. Ѳ. Мерзлякова“, изд. Общ. любит. рос. словесности, подъ редакц. М. П. Полуденскаго. М., 1867. 8^0, стр. 660 (біографич. свѣдѣнія). — „Справочн. Словарь о рус. писат. и ученыхъ...“ Г. Н. Геннади. Т. I. Берлинъ. 1876. 4^0, стр. 116—117. — „Сочиненія К. Н. Батюшкова“. Т. II. Спб., 1885. 8^0, стр. 525—526. —

XXVI.

Ѳ. Г. Ушаковъ.

Ѳедоръ Герасимовичъ Ушаковъ, даровитый врачъ, происходилъ отъ дворовыхъ людей княгини Голицыной и родился въ Юрьевскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, въ 1792 году, въ сельцѣ Иваньковѣ.

Дѣтство Ѳ. Г. прошло среди дворовыхъ людей, вся забота которыхъ состояла въ точномъ и неукоснительномъ исполненіи помѣщичьей воли, вся жизнь которыхъ была точно размѣрена и распредѣлена. Суровыя условія дѣтства пріучили ребенка къ труду, къ низведенію своихъ желаній до минимума; эти же условія „закалили“ Ушакова, дали ему возможность переносить всякія невзгоды легко, безъ ропота.

Съ грамотой Ѳедоръ Герасимовичъ познакомился въ вотчинномъ училищѣ; тамъ онъ скоро обнаружилъ большую способность и его, по приказанію помѣщицы, отправили, когда ему исполнилось 13 лѣтъ, на выучку фельдшерскимъ ученикомъ въ Москву, къ штабъ-лекарю Васюхнову, служившему при Павловской больницѣ. Въ „выучкѣ“ Ушаковъ находился около пяти лѣтъ и настолько изощрился въ фельдшерскомъ искусствѣ, что признано было возможнымъ дать Ѳедору Герасимовичу средства къ дальнѣйшему образованію

и къ усовершенствованію въ медицинскомъ искусствѣ. Съ этой цѣлью его опредѣлили въ 1808 г. пансіонеромъ къ прозектору Московскаго университета, А. И. Даниловскому (1770—1815), а такъ какъ Ушаковъ въ сущности не получилъ никакого общаго образованія, то, занимаясь у Даниловскаго, онъ въ то же время посѣщалъ и академическую гимназію,—именно ту, которая была для разночинцевъ. Жизнь у прозектора, послѣ—профессора, а также посѣщеніе гимназіи дали право и на слушаніе лекцій медицинскаго факультета, въ качествѣ вольнослушателя; но не долго пришлось ему пользоваться этимъ,—только въ 1810—11 и 1811—12 академическихъ годахъ. Наступилъ памятный 1812-й годъ; съ осени чтеніе лекцій въ университетѣ было прекращено; профессора медицинскаго факультета приняли участіе въ подачѣ помощи на полѣ сраженій. Ушаковъ и этимъ воспользовался: только что, не задолго передъ тѣмъ, произведенный въ ординарные профессора, П. Е. Грузиновъ былъ приглашенъ Московскимъ ополченіемъ въ качествѣ корпуснаго доктора; Ѳедоръ Герасимовичъ пристроился къ Грузинову и частнымъ образомъ работалъ съ нимъ, до смерти послѣдняго (въ февралѣ 1813 г.).

Возвратясь изъ кампаніи, Ѳ. Г. Ушаковъ засѣлъ за книги и, пользуясь указаніями и руководительствомъ врачей, настолько приготовился, что въ 1815 г. сдалъ экзаменъ на лекаря II отдѣленія.

Добившись съ такимъ трудомъ желаемаго званія, Ушаковъ долженъ былъ отправиться на службу къ

своей помѣщицѣ. Ему на первыхъ порахъ пришлось служить врачемъ при больницѣ кн. Голицыной въ Гжатскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи. Ѳедоръ Герасимовичъ съ самаго начала своей медицинской дѣятельности обратилъ вниманіе на хирургію и въ теченіе всей своей дѣятельности преимущественно изучалъ ее. Въ 1821 г. онъ изъ Гжатскаго уѣзда послалъ свои наблюденія въ Медико-хирургическую Академію и за это получилъ званіе медика-хирурга. Въ 1833 г. Ушаковъ перешелъ на службу въ Москву, гдѣ былъ опредѣленъ врачемъ Екатерининской богадѣльни и Сиротскаго института; въ 1834 г. онъ былъ переведенъ младшимъ ординаторомъ, а потомъ сдѣланъ старшимъ—Павловской въ Москвѣ больницы.

Пріобрѣтя большую опытность въ производствѣ операцій, Ѳ. Г. съ 1843 г. началъ дѣлиться своими наблюденіями и путемъ печати. Такъ, въ „Запискахъ по части врачебныхъ наукъ", изд. въ Спб. подъ редакц. Дубовицкаго, въ 1843 г. (№ 3, отд. 1, стр. 113) было сообщено имъ „Изсѣченіе части верхней челюсти", а въ 1849 г. (№ 3, отд. 1, стр. 118)—„Замѣчательный хирургическій случай" (то же перепечатано было въ „Medicinische Zeitung Russlands", изд. въ Спб. 1850 г., стр. 126). Другая часть работъ Ушакова была помѣщена въ „Московскомъ Врачебномъ Журналѣ", органѣ мѣстнаго Физико-медицинскаго Общества, членомъ котораго былъ и Ѳедоръ Герасимовичъ. Такъ, тамъ были напечатаны „Замѣчательное поврежденіе дѣторадныхъ частей" (1847 г., стр. 306); „Замѣчательный случай пу-

почной грыжи" (1849, стр. 267); „Проломъ черепа, вдавленіе костей, выздоровленіе" (1852, отд. 1, стр. 1); „Воспаленіе опухшихъ шейныхъ железъ, принятое за аневризму" (1853, отд. 1, стр. 78) и „Селитрокислое серебро въ падучей болѣзни" (1855, отд. 1, стр. 226).

Служа при Павловской больницѣ, Ѳ. Г. вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1843 г. былъ консультантомъ-хирургомъ Московской Голицинской больницы. За время своей медицинской практики Ушаковъ произвелъ болѣе 600 большихъ операцій, изъ коихъ болѣе половины приходится на камнесѣченія.

Въ 1856 г. медицинская дѣятельность Ушакова должна была прекратиться: на обоихъ глазахъ у него развились катаракты, и этотъ, почти слѣпой, хирургъ былъ уволенъ въ отставку съ пенсіономъ по 175 р. въ годъ въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Дальнѣйшая судьба Ѳ. Г. Ушакова неизвѣстна; судя по медицинскимъ спискамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, онъ дожилъ до глубокой старости.

Выйдя изъ податного сословія, Ѳедоръ Герасимовичъ, благодаря особымъ дарованіямъ, преодолѣвъ массу всяческихъ затрудненій, добился до независимаго положенія, что, какъ извѣстно, почти сто лѣтъ тому назадъ, было величайшею рѣдкостью. Получа возможность приносить пользу страждущему человѣчеству, именно въ той области медицинской науки, гдѣ до 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія не было почти никакого прогресса, Ушаковъ мало по малу сталъ завоевывать общее вниманіе и его знаніемъ

спѣшили воспользоваться многіе. Масса произведенныхъ имъ большихъ операцій свидѣтельствуетъ намъ объ его опытности, объ его энергіи. Достоинъ благодарной памяти такой дѣятель, какъ пробившій самъ себѣ дорогу къ свѣту знанія и охотно дѣлившійся этимъ со всѣми, кто обращался къ нему за помощью.

Объ Ушаковѣ см. „Медицин. Вѣстникъ" 1865. № 3 (статья Москвича).—„Москов. Медицин. Газета" 1865 г., № 11, стр. 107;—1865 г., № 28 (статья Оранскаго).—„Русскіе врачи—писатели" Л. Ѳ. Змѣева. Тетрадь 2-я. Спб., 1886 г. 8°, стр. 136—137.

XXVII.

В. А. Рязанцовъ.

Василій Алексѣевичъ Рязанцовъ, рано погибшій писатель изъ народа, былъ сынъ управляющаго въ с. Ивановѣ (нынѣ городѣ—Иваново-Вознесенскѣ) Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Отецъ его былъ дворовый человѣкъ графа Шереметева, снискавшій довѣріе своего помѣщика и потому съ молодыхъ лѣтъ приставленный къ управленію въ обширныхъ имѣніяхъ графа. Сначала онъ былъ на службѣ въ Останкинскомъ имѣніи, близъ Москвы, а потомъ переведенъ въ Иваново. Василій Алексѣевичъ, надо полагать,

родился въ Останкинѣ, но вся его жизнь, начиная съ ранняго дѣтства, прошла во Владимірской губерніи. Родился онъ въ 1829 г.—Отецъ Рязанцова былъ умный и смѣтливый человѣкъ; вращаясь около господъ, онъ все болѣе и болѣе „шлифовался“ и потому явился въ село Иваново настоящимъ „барином“—управляющимъ, имѣвшимъ огромную власть надъ крестьянами. Величію его вполнѣ соотвѣтствовала и вся обстановка. Понятно, что и молодой Рязанцовъ росъ въ благопріятныхъ условіяхъ; но отсутствіе надлежащаго правильнаго воспитанія въ дѣтствѣ скоро сказалось на развитіи ребенка: несомнѣнно даровитый, Василій Алексѣевичъ очень скоро направилъ способности не туда, куда слѣдуетъ, и—къ сожалѣнію—некому было удержать его отъ ложнаго пути.

Вполнѣ признавая значеніе образованія, отецъ отправилъ сына, послѣ подготовки въ мѣстномъ училищѣ, въ Москву и тамъ В. А. Рязанцовъ поступилъ въ 1-ю гимназію. Но—видимо—наука была не главнымъ занятіемъ его, а потомъ и совсѣмъ была брошена.... В. А. курса въ гимназіи не кончилъ и вернулся въ Иваново. Здѣсь чтеніе „запоемъ“ книгъ въ началѣ—смѣнилось потомъ болѣе житейскими развлеченіями. Чтобы отвлечь сына отъ праздности, отецъ записалъ Василья Алексѣевича въ купцы третьей гильдіи, въ какомъ званіи мы и видимъ его въ октябрѣ 1850 года женившимся, въ возрастѣ 21 года, на вольноотпущенной отъ графа Шереметева крестьянской дѣвицѣ. Записавъ сына въ купцы, отецъ далъ ему средства открыть небольшую фабрику. Но

эта первая попытка выдти на самостоятельную дорогу скоро и кончилась: Василій Алексѣевичъ не обладалъ коммерческими способностями, не зналъ торговой „сметки" и... вскорѣ раззорился.

Дальнѣйшая жизнь была полна всевозможныхъ приключеній. Когда В. А. пересталъ быть купцомъ, а числился Шуйскимъ мѣщаниномъ, въ это время отецъ его уже умеръ, а съ нимъ вмѣстѣ умерла для молодого Рязанцова и всякая надежда на помощь. Жизнь складывалась тяжелая, суровая.... Онъ сначала принялся было за сапожное мастерство, но такъ какъ оно было малодоходно, то В. А. почему-то облюбовалъ столярное. Но и на этомъ ремеслѣ, оказалось, для него трудно было жить: пришлось бороться съ самою тяжелою нуждою, даже голодомъ.... Не пріученный съ дѣтства къ тяжелому труду, незнавшій тогда почти ни въ чемъ отказа,—даже, напротивъ, до нѣкоторой степени избалованный, В. А. Рязанцовъ началъ въ тяжелыя минуты прибѣгать къ страшному средству забыть свое горе и.... 7 ноября 1866 года шуйскій мѣщанинъ В. А. Рязанцовъ, 37 лѣтъ отъ роду, скончался „скоропостижно".

Какъ уже было сказано, В. А. въ дѣтствѣ обнаруживалъ необыкновенныя способности. Курса въ гимназіи, правда, онъ не кончилъ, но единственно по лѣности, которой помогали сложившіяся обстоятельства. Жизнь „безъ дѣла" въ домѣ отца, со всѣми ея развлеченіями, не погасила, однако, теплившейся въ немъ искры любознательности. В. А. много читалъ и думалъ. Когда обстоятельства измѣнились, когда нужно

было заботиться о кускѣ хлѣба, Рязанцовъ сдѣлалъ пробу: написалъ разсказъ „Хорошій человѣкъ. (Типъ изъ прошлаго времени)“ и послалъ его въ редакцію „Сына Отечества“. Редакторъ А. В. Старчевскій, исправивъ орѳографію, напечаталъ разсказъ (1861, № XII, стр. 273—279, въ воскресномъ номерѣ, которые выходили in 4°). Просматривая этотъ разсказъ теперь, видимъ, что у автора было много наблюдательности и умѣнья пользоваться накопившимся матеріаломъ. Самый разсказъ, въ обличительномъ тонѣ, написанъ вяло. Но какъ-бы то ни было, проба оказалась удачной (хотя авторъ за разсказъ и ничего не получилъ, не смотря на то, что Рязанцовъ писалъ редактору нѣсколько писемъ, оставленныхъ безъ отвѣта) и В. А. сталъ писать усерднѣе, и не только очерки съ разсказами, но и корреспонденціи, различные проекты. Изъ написаннаго имъ многое было напечатано въ „Развлеченіи“, начиная съ 1863—64 года, а также (корреспонденціи изъ села Иванова) въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (редакціи Корша); проекты остались въ рукописи, какъ и многое другое. Разсказы въ „Развлеченіи“ являются уже болѣе отдѣланными и полны интереса, какъ правдивая картинка тогдашней провинціальной жизни. Изъ нихъ можно отмѣтить—„Добрый человѣкъ“, „Божьи люди“ (т. е. нищіе) и посмертный очеркъ „Знахарь“.

Если принять во вниманіе, что В. А. Рязанцовъ началъ печатать уже въ возрастѣ за 30 лѣтъ и въ такую пору, когда, въ сущности, было не до литературы и когда для „забвенія“ пришлось прибѣгать къ

средству, погубившему уже столько дарованій на Руси, то нельзя не признать, что, сложись у Василія Алексѣевича житейскія обстоятельства по иному, изъ него могъ бы выйти полезный народный писатель, такъ какъ въ знаніи жизни своихъ собратовъ отказать ему ужъ никакъ нельзя было.

О Рязанцовѣ см. „Развлеченіе“ 1866 г. № 45 (Ф. Д. Нефедовъ).—„Иллюстрирован. Газета“ 1866 г., № 49, стр. 383.

XXVIII.

И. П. Александровъ.

Иванъ Петровичъ Александровъ, академикъ живописи, происходилъ изъ той среды, которая дала на пользу Россіи не мало даровитыхъ, талантливыхъ людей, не смотря на всю тяжесть того исключительнаго положенія, въ которомъ находились крестьяне до знаменитаго 19-го февраля 1861 года. Казалось, для закрѣпощеннаго человѣка были отрѣзаны всѣ пути не только къ перемѣнѣ общественнаго положенія, но даже, особенно лѣтъ сто тому назадъ, къ какому либо развитію умственному,—„крѣпостной“ волею судебъ обрекался, со всѣми прошлыми и будущими поколѣніями, на безъисходное подчиненіе волѣ помѣщика, который одинъ, безконтрольно, по своему усмотрѣнію устраивалъ судьбу своихъ людей. Къ этому если добавить, что и вообще-то въ концѣ прошлаго столѣтія (о томъ вре-

мени и говоримъ мы) были еще очень слабые запросы на просвѣщеніе не только въ крестьянской средѣ, но и въ другихъ слояхъ общества, такъ какъ умственное развитіе, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, вообще было не высоко, то вполнѣ понятно будетъ „царство тьмы“, какъ естественное явленіе среди крестьянскаго населенія. И все же были „лучи въ темномъ царствѣ“, не единичные, свѣтлые, яркіе, образцомъ которыхъ можетъ служить М. В. Ломоносовъ, а въ болѣе близкое къ намъ время Т. Г. Шевченко. Они, и многіе имъ подобные, съ большими усиліями пробившіе дорогу къ „свѣту“, явно и ясно доказали, что наука и умственные интересы также не чужды и людямъ изъ „народа“ и не должны быть особой привиллегіей только извѣстныхъ классовъ...

Такимъ же выходцемъ изъ народа былъ и П. П. Александровъ. Онъ былъ сынъ крестьянина, крѣпостнаго графа П. Б. Шереметева, и родился 4 августа 1779 г. въ с. Ивановѣ, Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Какъ прошло дѣтство П. П., мы не знаемъ, но едвали будетъ ошибка, если предположимъ, что ничѣмъ особеннымъ оно не выдѣлилось изъ обычнаго теченія тогдашней крестьянской жизни. Учился Александровъ въ вотчинномъ училищѣ; тамъ ли, въ средѣ ли окружающей помѣщика „интеллигентной“ дворни (музыканты, актеры и т. п.), или другимъ какимъ путемъ П. П. обнаружилъ способность къ рисованію, что было замѣчено помѣщикомъ, и онъ распорядился отправить Александрова въ С.-Петербургъ, гдѣ 20-ти лѣтній молодецъ и былъ принятъ 30 мая

1800 года пенсіонеромъ въ Академію Художествъ, основанную въ 1758 году. Въ Академіи въ то время служилъ профессоромъ знаменитый Григорій Ивановичъ Угрюмовъ, составившій своею дѣятельностію эпоху въ исторіи русскаго искусства. Наибольшая заслуга Угрюмова состояла въ образованіи талантовъ многихъ превосходныхъ учениковъ, каковы, напр., знаменитый А. Е. Егоровъ (1776—1851), В. К. Шебуевъ (1777—1855) и др. Ученикомъ Угрюмова сдѣлался, по поступленіи въ Академію, и И. П. Александровъ.

Иванъ Петровичъ очень скоро обнаружилъ свои способности къ живописи,—28-го августа 1801 года онъ уже получилъ серебряную медаль 2-го достоинства за рисунокъ съ натуры, а 1 сентября 1803 года—золотую за исполненіе программы „Два ученые, разсматривающіе эстампы и рисунки“. Онъ оказалъ особенные успѣхи въ портретной живописи. Въ 1803 г. Александровъ былъ отпущенъ своимъ помѣщикомъ изъ крѣпостнаго состоянія на волю, послѣ чего онъ получилъ званіе класснаго художника и въ 1805 году, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, Т. А. Васильевымъ, былъ отправленъ, въ качествѣ пенсіонера, въ Китай, въ свитѣ русскаго посланника графа Ю. А. Головкина. Это посольство, какъ извѣстно, попутно производило ревизію въ проѣзжаемыхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и во Владимірской, въ бытность губернаторомъ у насъ князя П. М. Долгорукого.

Путешествуя по Монголіи въ 1806 г., Александровъ составилъ альбомъ рисунковъ, который и былъ представленъ имъ въ 1807 г. по возвращеніи въ Россію.

Бывшему тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ графу Будбергу изъ этого альбома показался особенно замѣчательнымъ портретъ зятя китайскаго императора, вице-короля монгольскаго, Амбан-Вана и онъ поднесъ его императору Александру Первому; Государь передалъ этотъ рисунокъ въ Эрмитажъ, откуда послѣ, вмѣстѣ съ другими шестью рисунками изъ того же альбома, портретъ Вана поступилъ въ англійскій дворецъ въ Петергофѣ. Тогда же И. П. Александровъ этотъ портретъ, но уже во весь ростъ, повторилъ масляными красками и за эту работу 1 сентября 1807 г. былъ произведенъ въ академики.

Бывши въ Китаѣ, Иванъ Петровичъ писалъ портреты съ Богдыхана и съ другихъ знатныхъ лицъ Небесной Имперіи, а по возвращеніи въ Россію исполнилъ портретъ Рафаэля Менгса, копію съ портрета, писаннаго самимъ Менгсомъ, для Академіи, и еще портретъ Императора Александра I, въ ростъ, для орловской гимназіи; этотъ портретъ Императора послѣ былъ уступленъ гр. С. М. Каменскому. Эти и другія работы Александрова въ портретной живописи дали имя художнику, какъ очень талантливому портретному живописцу. Въ его работахъ видна нѣжность кисти, тонкій деликатный рисунокъ, правильность формъ и всегда выраженіе мысли копируемаго имъ лица.

Не смотря на успѣхъ его работъ, въ то, отдаленное отъ насъ время, поддержка художниковъ со стороны матеріальной была еще очень слаба,—являлось еще такъ мало охотниковъ писать съ себя портреты, и только меценаты изъ богатыхъ помѣщиковъ могли

доставлять порядочный заработокъ. Въ силу всего этого и Ивану Петровичу Александрову пришлось искать какого-нибудь служебнаго мѣста. Написанный имъ портретъ для орловской гимназіи сблизилъ его съ начальствомъ этого учебнаго заведенія и Александровъ поступилъ въ эту гимназію учителемъ рисованія; эту должность онъ занималъ съ 30 марта 1808 г. по 6 іюня 1813 года. Выйдя изъ гимназіи, И. П. не долго служилъ въ главномъ управленіи путями сообщенія,—именно въ 1813—1814 гг. онъ былъ секретаремъ IV округа. Но эта служба, очевидно, не была „по сердцу" Александрову и онъ поспѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ графа С. М. Каменскаго, въ домѣ котораго въ орловской губерніи И. П. и работалъ нѣкоторое время. Тамъ онъ написалъ десять портретовъ членовъ графской семьи и девять историческихъ и аллегорическихъ картинъ изъ жизни графа.

Въ Петербургъ И. П. Александровъ вернулся около 1818 года, гдѣ и умеръ въ 1822 году.

Объ Александровѣ см. „Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ" А. Н. Андреева. Спб., 1857. 8°, стр. 494.—„Энциклопедич. Словарь, составл. русскими учеными и литераторами". Т. III. Спб., 1861. 8°, стр. 101—102 (П. П., т.-е. П. Н. Петровъ). „Картинная галлерея Импер. Акад. Художествъ". I. Каталогъ оригин. произвед. рус. живописи. Спб., 1872. 8°, стр. 172.—„Сборн. матеріаловъ для исторіи Импер. Акад. Художествъ", т. I и „Указатель" къ нему, состав. А. Е. Юндоловымъ.—„Настол. энциклопедич. словарь", изд.

А. Гарбель и К°. Вып. 2-й (т. I-й). М., 1890. 8°, стр. 86.—Словарь (на нѣмецк. яз.) Юл. Мейера. Лейпцигъ. 1872, т. I, стр. 286.—„Русскій біографич. словарь", изд. Император. Рус. Историч. Обществомъ. Т. I. Спб. 1896. 8°, стр. 123 (Н. С.,— составлено по архивн. документамъ Импер. Акад. Художествъ).—

Ф 1964 с. 34-35

XXIX.

И. В. Романовскій.

Иванъ Васильевичъ Романовскій, статскій совѣтникъ, докторъ медицины, бывшій въ продолженіи 14 лѣтъ Владимірскимъ врачебнымъ инспекторомъ, былъ уроженецъ гор. Владиміра. Отецъ его состоялъ въ 30-хъ годахъ наставникомъ Владимірской духовной семинаріи и дослужился до чина, дававшаго въ тѣ времена права дворянства. Иванъ Васильевичъ родился 2 августа 1834 года.

Основательно подготовленный дома, И. В. Романовскій окончилъ курсъ средняго учебнаго заведенія въ числѣ лучшихъ учениковъ и въ 1850 г. поступилъ казеннымъ студентомъ въ Императорскій Московскій Университетъ по медицинскому факультету; въ 1855 г. онъ окончилъ курсъ со степенью лекаря.

Какъ воспитывавшійся на казенный счетъ, Иванъ Васильевичъ обязанъ былъ отслужить извѣстное число лѣтъ по назначенію. Бывшая въ годъ окончанія имъ

курса Крымская кампанія была причиной, что молодого врача Романовскаго опредѣлили 8 мая 1855 г. лекаремъ въ Бѣлозерскій пѣхотный полкъ. Какъ извѣстно, медицинскою частью въ Крымскую войну завѣдывалъ знаменитый хирургъ Н. И. Пироговъ, соединявшій въ себѣ съ опытностью по спеціальности гуманное отношеніе къ несчастнымъ нижнимъ чинамъ и, что было особенно дорого въ то время, безъукоризненную честность. Этотъ высокій примѣръ — въ лицѣ Н. И. Пирогова — былъ на всю жизнь путеводной звѣздой для многихъ работавшихъ тогда въ военныхъ госпиталяхъ врачей, а въ томъ числѣ и для И. В. Романовскаго. Тамъ же, на военномъ полѣ, окрѣпла и склонность Ивана Васильевича къ спеціальности по хирургіи.

За защиту Севастополя И. В. былъ награжденъ серебряной медалью, а по окончаніи Крымской кампаніи получилъ бронзовую медаль на Андреевской лентѣ „въ память войны 1853—1856 гг.“

24 августа 1861 г. Романовскій былъ перемѣщенъ на должность младшаго ординатора въ Замосцкій военный госпиталь. Въ составѣ Замосцкаго гарнизона онъ находился въ походѣ во время польскаго мятежа. 17 мая 1863 г. И. В. былъ переведенъ въ Ивангородскій крѣпостной полкъ, гдѣ получилъ медаль за усмиреніе польскаго мятежа и 8 іюня 1865 г. былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени.

Недюжинныя способности молодого врача и ревностное прохожденіе имъ службы обратили на себя вниманіе начальства и 22 сентября 1867 г. И. В.

Иванъ Васильевичъ Романовскій.

Романовскій былъ прикомандированъ къ Московскому университету съ научной цѣлью. Тамъ, въ стѣнахъ дорогого университета, Иванъ Васильевичъ, уже обогащенный опытомъ по службѣ въ военныхъ госпиталяхъ, имѣлъ возможность придать своимъ знаніямъ стройность и пополнить ихъ въ уровень съ тогдашними открытіями и усовершенствованіями въ области медицины.

3 іюня 1868 г. И. В. Романовскій по прошенію былъ уволенъ изъ военной службы, а съ 1870 г. онъ въ первый разъ является на службѣ въ родномъ городѣ: 13 января этого года онъ былъ опредѣленъ на должность старшаго врача Владимірской губернской земской больницы. Это было переходное время отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія къ насажденію земской медицины. Тогда земство еще придерживалось порядковъ Приказа и потому медицинская часть была въ жалкомъ видѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ такое-то время И. В. и принялъ въ свое завѣдываніе губернскую больницу. Появленіе молодого, энергичнаго, обогащеннаго познаніями врача должно было произвести фуроръ, такъ какъ въ городѣ медицина „хромала“,—и, дѣйствительно, въ тѣ времена И. В. Романовскій переживалъ лучшіе годы въ своей жизни. Чуждый всякаго тщеславія, искренно преданный дѣлу, онъ весь ушелъ въ свои занятія по больницѣ и по практикѣ въ городѣ. Съ 10 апрѣля 1872 г. въ его завѣдываніе поступила медицинская часть и въ земской женской гимназіи.

Во Владимірѣ въ первый разъ И. В. прослужилъ съ небольшимъ четыре года. 1 марта 1874 г. онъ

по прошенію былъ перемѣщенъ сверхштатнымъ врачемъ при грудныхъ отдѣленіяхъ Московскаго Воспитательнаго Дома, а 1 мая того же года былъ назначенъ уже исправляющимъ должность старшаго врача въ тѣхъ же отдѣленіяхъ. Переходъ въ Москву для Романовскаго обусловливался главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ готовился къ экзамену на степень доктора медицины, который къ началу 1875 г. онъ и сдалъ, а 24 мая того же года защитилъ диссертацію на эту степень, подъ заглавіемъ—„О подтараннomъ вылущеніи и его значеніи сравнительно съ другими способами отнятія стопы“ (М., 1875 г. 8°. 95 стр.). Эта работа обратила на себя вниманіе и печати (см. „Медицин. Обозрѣніе“ 1875, IV, стр. 339; „Москов. Медицин. Газета“, 1875 года, №№ 17—20). и начальства, и ученыхъ. 26 іюня того же 1875 г. И. В. былъ утвержденъ въ должности старшаго врача при Воспитательномъ Домѣ, съ зачисленіемъ службы съ 1 мая 1874 г., а 11 мая 1877 г Романовскій былъ перемѣщенъ на должность старшаго ординатора (по хирургическому отдѣленію) Императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ. Послѣднее назначеніе—въ госпитальную клинику Московскаго Университета—было, конечно, высшимъ повышеніемъ для научно-образованнаго врача,—здѣсь пытливый умъ могъ найти полное себѣ удовлетвореніе.

Необходимо отмѣтить, что до перехода на службу въ Екатерининскую больницу Иванъ Васильевичъ по собственному желанію, увлеченный тогда общимъ потокомъ, съ сентября 1876 года на три мѣсяца ѣз-

дилъ на войну въ Сербію и, послѣ Русско-Турецкой войны 1877—1878 г., получилъ знакъ Краснаго Креста.

Въ маѣ 1879 г. И. В. Романовскій воспользовался отпускомъ для посѣщенія родины, гдѣ случайно узналъ объ освободившемся во Владимірѣ мѣстѣ врачебнаго инспектора. На эту должность Иванъ Васильевичъ и былъ назначенъ 11 іюля 1879 г., уже имѣя чинъ статскаго совѣтника (съ 13 марта 1879 г.). Это было послѣднее мѣсто служенія Романовскаго, которое онъ съ честью занималъ 14 лѣтъ (вышелъ въ отставку 7 іюня 1893 г.).

Кромѣ отмѣченной нами диссертаціи, И. В. помѣстилъ въ медицинскихъ журналахъ нѣсколько наблюденій изъ своей многолѣтней практики,—такъ, напр., въ „Протокол. Рус. врачей въ Москвѣ“ 1875 года напечатано имъ „О кровотеченіи послѣ ампутаціи“ (тоже—въ „Москов. Медицин. Газетѣ“ 1876 года, № 2); въ газетѣ „Врачъ“ (1885 г., №№ 23 и 24)—„Противухолерныя народно-лекарственныя средства“ и др.

Романовскій среди владимірцевъ пользовался вполнѣ заслуженною извѣстностью и какъ врачъ, и въ особенности—какъ человѣкъ. Популярность свою Иванъ Васильевичъ пріобрѣлъ за безкорыстное служеніе человѣчеству, за примѣрныя отношенія свои къ товарищамъ—врачамъ, какъ у постели больного, такъ равно и при столкновеніи на служебномъ поприщѣ. Онъ, прекрасный товарищъ, отзывчивый на все доброе, одинаково ласковый и радушный со всѣми, не различая положеній, а видя въ каждомъ прежде всего

человѣка, горячо принималъ къ сердцу интересы людей, съ которыми сталкивала его судьба, своимъ искреннимъ участіемъ ободрялъ сомнѣвающихся, такъ что едвали кто уходилъ отъ него не успокоеннымъ надеждою на лучшее, на справедливое. Онъ за свою доброту, привѣтливость и отзывчивость оставилъ по себѣ прекрасную память въ своихъ сослуживцахъ, подчиненныхъ и товарищахъ.

И. В. Романовскій, пробывшій на службѣ 36 лѣтъ, естественно, не могъ сберечь свое здоровье; въ послѣдніе годы службы онъ сталъ часто прихварывать. Въ 1892 г. онъ вынужденъ былъ съѣздить въ Крымъ, и тамъ нѣсколько окрѣпъ; но возвратившись во Владиміръ уже въ холодное время, И. В. снова заболѣлъ и 17 іюля 1893 г., въ 2 часа дня, его не стало.

Смерть Ивана Васильевича глубоко поразила знакомыхъ и друзей его и они посильнымъ образомъ поспѣшили выразить скорбь свою. На гробъ его было возложено нѣсколько вѣнковъ; послѣ отпѣванія 19 числа въ церкви Вознесенія Господня, земскій врачъ В. И. Дуброво сказалъ прочувствованную рѣчь, изъ которой мы приведемъ слѣдующія слова, вѣрно характеризующія Романовскаго: „Сколько сокровищъ сердца ты уносишь съ собою! Но ты не скупился ими, не берегъ ихъ про себя; твое сердце всегда было открыто для всѣхъ и каждый желающій черпалъ оттуда, сколько могъ. Поставленный во главѣ медицинскаго сословія Владимірской губерніи, ты одинаково для всѣхъ былъ только добрымъ братомъ, сердечнымъ другомъ, усерднымъ помощникомъ. Сколько

слабыхъ тобою поддержано, неопытныхъ ободрено, обездоленныхъ утѣшено. Съ поразительной чуткостью ты относился всегда ко всѣмъ проявленіямъ жизни врачебнаго сословія, живо радовался его радостями и глубоко скорбѣлъ его скорбями. Каждая твоя мысль, всякій поступокъ были проникнуты одной любовью, стремились только къ истинѣ." Черезъ годъ послѣ смерти И. В. врачи губерніи поставили на могилѣ его приличный памятникъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни И. В. Романовскій былъ предсѣдателемъ Комитета Вспомогательной медицинской кассы во Владимірѣ и по его же иниціативѣ въ 1891 году было открыто мѣстное медицинское общество, котораго предсѣдателемъ И. В. былъ до самой смерти. Вообще, И. В. Романовскій принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ всегда пріятно помянуть добрымъ словомъ—„людямъ старымъ въ воспоминанье, а молодымъ—въ назиданье".

О Романовскомъ см. „Словарь врачей получившихъ степень доктора медицины (и хир.) въ Импер. Моск. Университетѣ" Л. Ѳ. Змѣева. Спб., 1885. 8°, стр. 50.—„Русскіе врачи писатели", Л. Ѳ. Змѣева. Тетрадь 5-я. Спб., 1889 г. 8°, стр. 99.—„Владимір. Губерн. Вѣдом." 1893 г., № 30 (А. В. Смирновъ).—Газета „Врачъ", за 1893 и 1894 годы (см. по указателямъ за 2-ю половину).

XXX.

М. И. Алякринскій.

Митрофанъ Ивановичъ Алякринскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ медицины, бывшій болѣе 35 лѣтъ Владимірскимъ врачебнымъ инспекторомъ, оставилъ по себѣ во Владимірской губерніи неизгладимую память какъ своею врачебною дѣятельностію, такъ— и особенно—своими щедрыми пожертвованіями на различныя благотворительныя дѣла. Этотъ выдающійся мѣстный филантропъ родился 28 мая 1794 г. въ селѣ Вышеславскомъ, Суздальскаго уѣзда, Владимірской губерніи, гдѣ отецъ его, Иванъ Васильевичъ, былъ священникомъ.

Дѣтство Митрофана Ивановича прошло при скудной сельской обстановкѣ; здѣсь онъ видѣлъ бѣдность и только бѣдность. Подготовленный дома, онъ въ 1804 г. поступилъ въ Суздальское духовное училище, откуда въ 1810 г. перешелъ во Владимірскую духовную семинарію, гдѣ и окончилъ курсъ средняго образованія въ 1816 г. студентомъ. Учился Алякринскій отлично: въ выданномъ ему аттестатѣ изъ семинарскаго правленія значится, что способности у него весьма хорошія, прилежаніе примѣрное, поведенія онъ достохвальнаго; въ семинаріи обучался разнымъ наукамъ съ очень

Митрофанъ Ивановичъ Алякринскій.

одобреннымъ успѣхомъ. По воспоминаніямъ однокурсниковъ, это—былъ мальчикъ веселый, добрый, ласковый, учтивый; М. И. любилъ слушать веселые разсказы товарищей и вмѣстѣ съ тѣмъ строго поддерживалъ въ себѣ и, своимъ вліяніемъ, въ другихъ ученикахъ дружбу, воздержность, честность и повиновеніе начальству.

То время, когда М. И. Алякринскій обучался въ семинаріи, было какое-то особое: читаешь о немъ въ „Исторіи Владимірской семинаріи“ К. Ѳ. Надеждина и всему дивишься,—такъ все это было тогда просто, душевно, откровенно и здорово во всѣхъ отношеніяхъ. Между прочимъ, въ то время издавался въ семинаріи рукописный журналъ „Семинарскій Вѣстникъ“, въ которомъ помѣщались произведенія учениковъ. К. Ѳ. Надеждинъ на страницахъ „Исторіи“ приводитъ, въ числѣ другихъ, одно стихотвореніе, сочиненное и М. И. Алякринскимъ (см. стр. 180).

Алякринскій настолько хорошо окончилъ курсъ въ семинаріи, что немедленно былъ опредѣленъ учителемъ и инспекторомъ въ Суздальское духовное училище. По всей вѣроятности, М. И. составилъ бы себѣ карьеру въ духовно-училищной службѣ, если бы не одно знакомство въ Суздалѣ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ городѣ тогда проживалъ магъ и волшебникъ, докторъ медицины и хирургіи Моренковъ, про котораго въ то время разсказывали чуть не чудеса. Онъ приготовлялъ по своимъ рецептамъ оподельдокъ, крѣпкую летучую мазь и мятныя капли. Съ Моренковымъ познакомился Митрофанъ Ивановичъ и, какъ человѣкъ довольно разви-

той, заинтересовалъ доктора. Тотъ сразу увидѣлъ, что для Алякринскаго избранная дѣятельность узка, что ему мѣсто не здѣсь, а въ болѣе обширномъ кругу общественной дѣятельности. Полюбивъ молодого педагога, докторъ сталъ уговаривать его продолжать образованіе; но М. И., при всемъ желаніи, не могъ исполнить этого, за неимѣніемъ средствъ. Моренковъ, человѣкъ богатый, устранилъ это препятствіе, давъ средства Алякринскому, который, уволившись отъ училищной службы, въ 1818 году и поступилъ въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ. Курсъ онъ кончилъ, со званіемъ лекаря I отдѣленія, въ 1821 году.

Въ университетѣ Алякринскій обнаружилъ выдающіяся способности; очень благосклонно смотрѣло на него и университетское начальство: онъ былъ оставленъ при университетѣ; тамъ онъ въ 1825 г 22 декабря получилъ за диссертацію — „De asphicticis resuscitandis“ (M., 1825. 8°) — степень доктора медицины, былъ назначенъ субъинспекторомъ (помощникомъ директора) медицинскаго института, а черезъ годъ послѣ этого опредѣленъ ординаторомъ при университетской больницѣ. Такъ счастливо начатая карьера, вѣроятно, вывела бы впослѣдствіи Митрофана Ивановича на болѣе видную общественную дѣятельность, если бы не произошло слѣдующее Докторъ Моренковъ въ Суздалѣ уже кончалъ дни своей жизни; силы его слабѣли, а между тѣмъ спросъ на приготовляемыя имъ средства все усиливался, и потому онъ началъ звать къ себѣ въ сотрудники Алякрин-

скаго; М. И. счелъ себя обязаннымъ отозваться на призывъ своего благодѣтеля и въ 1828 г. переселился въ Суздаль, гдѣ и пробылъ до 1830 г., когда умеръ Моренковъ. (Коллежскій асессоръ, Дмитрій Павловичъ Моренковъ скончался 3 октября 1830 г., 70 лѣтъ отъ роду).

Въ 1830 г. М. И. Алякринскій, послѣ экзамена, былъ удостоенъ Московскимъ университетомъ званія Инспектора Врачебной Управы, и въ томъ же году, по представленію Владимірскаго Губернатора И. Э. Куруты, былъ опредѣленъ на должность Инспектора во Владимірѣ

Служба во Владимірѣ началась для Митрофана Ивановича при неблагопріятныхъ условіяхъ: въ 1832 г. въ первый разъ появилась въ городѣ и во всей губерніи холера. Если ровно черезъ 60 лѣтъ населеніе, какъ извѣстно, съ появленіемъ этой страшной и губительной болѣзни сплело различные вздорные толки, обнаружило безпримѣрное невѣжество и жестоко отплатило за заботу объ его здоровьи, то въ 30-хъ годахъ холерные бунты были еще болѣе жестоки, такъ какъ населеніе, пораженное не бывавшею болѣзнью, совершенно неразвитое, не пріученное къ пользованію раціональною медицинскою помощью, даже мѣстами совершенно незнакомое съ нею, находило единственное объясненіе переживаемаго несчастія въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя принимали врачи для облегченія страданій. Психика народной массы вообще сложна, малоустойчива, а во время народныхъ бѣдствій прямо-таки хаотична, и нужно руководителю обще-

ственнымъ дѣломъ обладать геніальными способностями, чтобы эту безпорядочную массу, съ разыгравшимися страстями, хоть сколько-нибудь удержать въ предѣлахъ разумности и заставить подчиняться тѣмъ или другимъ требованіямъ. Алякринскій, съ дѣтства жившій съ народомъ, ставъ лицомъ къ лицу съ послѣднимъ въ борьбѣ съ холерой, сразу съумѣлъ установить такія отношенія между собой и народомъ, что только не многіе отказывались подчиниться его распоряженіямъ и предписаніямъ. Къ сожалѣнію, и медицинскій персоналъ, крайне при томъ малочисленный, не всегда стоялъ тогда на высотѣ своего призванія: по разсказамъ современниковъ, нѣкоторые врачи сами боялись холеры, навѣщая больныхъ, не входили въ ту комнату, гдѣ лежалъ больной. Алякринскій, узнавши о заболѣвшемъ, немедленно навѣщалъ его на квартирѣ, садился подлѣ него, разспрашивалъ съ сердечнымъ участіемъ, прописывалъ лекарство и, если видѣлъ подозрѣніе въ окружающихъ (тогда, какъ и въ наше время, молва утверждала, что „лекаря морятъ“) и боязнь въ больномъ, дожидался лекарства изъ аптеки, а когда приносили, отвѣдывалъ его самъ, чтобы показать, что въ лекарствѣ нѣтъ отравы. Если изъ страха никто не хотѣлъ подойти къ больному и дотронуться до холернаго, что не рѣдко бывало съ одинокими больными, то Митрофанъ Ивановичъ своими руками натиралъ больного и оставлялъ его только тогда, когда болѣзнь уступала, или исчезала всякая надежда на выздоровленіе. За это самопожертвованіе народъ и любилъ его. Кстати сказать, что эта

борьба съ холерой какъ-то само собой выработала для Алякринскаго методъ оказанія помощи больнымъ, оставшійся для него единственнымъ и на всю послѣдующую жизнь.

Какъ инспекторъ врачебнаго отдѣленія, М. И. объѣхалъ всѣ мѣста губерніи, гдѣ появлялась холера, и вездѣ онъ старался помогать заболѣвшимъ, принималъ мѣры, чтобы разсѣять страхъ и подозрѣніе въ народѣ. Съ того времени онъ сталъ популярнымъ и по губерніи. За труды по борьбѣ съ холерой по Высочайшему повелѣнію изъявлена была признательность Алякринскому. Это была первая награда, полученная Митрофаномъ Ивановичемъ.

Какъ интеллигентный человѣкъ, которыми тогда гор. Владиміръ не изобиловалъ, М. И. не замкнулся въ тѣсномъ кругу своей спеціальности,—онъ принималъ самое горячее участіе во многихъ общественныхъ дѣлахъ, причемъ Алякринскаго всегда болѣе тянуло туда, гдѣ онъ могъ быть полезнымъ для обездоленныхъ, несчастныхъ. Такъ, онъ былъ Высочайше утвержденъ въ 1833 году членомъ Владимірскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, а въ 1851 г.—въ званіи директора Владимірскаго Губернскаго Тюремнаго Комитета, въ каковомъ и оставался до самой смерти. За полезные труды по Комитету въ 1839 и 1856 г.г. ему, вмѣстѣ съ прочими, было объявлено Высочайшее благоволеніе.—Въ 1844 г., по Высочайшему Ея Императорскаго Величества утвержденію, онъ былъ назначенъ директоромъ Владимірскаго Александринскаго дѣтскаго Пріюта; эту должность онъ

несъ также до самой смерти, въ теченіе почти 30 л., и за это время два раза, въ 1847 и 1849 г.г., ему, вмѣстѣ съ прочими, объявлено было Государыней Императрицей совершенное (во второй разъ—особенное) благоволеніе за полезные труды, а въ 1852 г., въ награду отлично-усердной службы и особыхъ трудовъ по званію директора, Всемилостивѣйше пожалованъ онъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-й степени.

Особенно много потрудился Алякринскій для того сословія, въ которомъ родился, и для того учебнаго заведенія, въ которомъ получилъ среднее образованіе. Въ 1831 году онъ принялъ предложенную ему должность врача въ больницѣ при Владимірской семинаріи, а въ 1845 г. высшимъ духовнымъ начальствомъ онъ опредѣленъ былъ преподавателемъ медицины въ той же семинаріи Въ 1840 году, за усердную и полезную службу, по должности врача семинарской больницы, ему изъявлена была благодарность отъ Московскаго Академическаго Правленія; въ 1859 году объявлено ему отъ Святѣйшаго Синода благословеніе за усердную и благоразумную дѣятельность по должности преподавателя медицины во Владимірской семинаріи и врача семинарской больницы; въ 1860 г. отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, за усердную заботливость о здоровьи воспитанниковъ, объявлена Алякринскому искренняя признательность; въ 1863 г., за опытность въ преподаваніи медицины и внимательность къ состоянію больныхъ, при свыше 30-лѣтней постоянно ревностной при семинаріи службѣ, преподано ему благословеніе Святѣйшаго Синода.

Въ 1868 году М. И. Алякринскій по прошенію былъ уволенъ отъ должности врача при Владимірской семинарской больницѣ и за долговременную и усердно-полезную службу ему еще разъ было преподано благословеніе Святѣйшаго Синода. Приведенныя аттестаціи начальства ясно говорятъ о дѣятельности Алякринскаго. Онъ шелъ на службу въ семинарію не изъ жалованья, которое было тогда такъ ничтожно, —его тянула туда родная среда, въ которой онъ выросъ и окрѣпъ. Правда, намъ приходилось слышать не мало курьезовъ изъ преподавательской дѣятельности Митрофана Ивановича по медицинѣ, но все это легко объясняется тѣми условіями, при которыхъ приходилось дѣйствовать преподавателю: предметъ былъ не изъ главныхъ, слушатели совсѣмъ не были подготовлены къ уразумѣнію латинской кухни, и преподаватель, при своемъ добродушіи, смотрѣлъ сквозь пальцы на манкировки воспитанниковъ. Какъ бы то ни было, многіе и теперь вспоминаютъ Митрофана Ивановича съ любовью и благодарностью.

Отмѣченная нами выше частная дѣятельность нисколько не мѣшала Алякринскому исполнять свои прямыя обязанности, по должности врачебнаго инспектора. Произведенный въ 1834 году въ надворные совѣтники, М. И. въ 1836 г. былъ Всемилостивѣйше пожалованъ за отлично усердную службу брилліантовымъ перстнемъ съ изумрудомъ. Въ 1838 г. по Высочайшему повелѣнію онъ командированъ былъ въ секретную коммиссію для освидѣтельствованія въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ заклю-

ченныхъ тамъ лицъ, съ давняго времени, за разныя преступленія, и въ этомъ же году, въ воздаяніе отличныхъ трудовъ и за усердіе по службѣ, Всемилостивѣйше произведенъ въ коллежскіе совѣтники, а въ 1841 году пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника. Въ 1844 г. Алякринскій получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ, въ 1845 г. объявлена ему особенная благодарность министра внутреннихъ дѣлъ „за споспѣшествованіе усердіемъ и дѣятельностію къ приведенію ввѣренной ему части въ весьма удовлетворительное положеніе“, и въ томъ же году объявлено ему Высочайшее совершенное благоволеніе за своевременное окончаніе пятаго очереднаго набора рекрутъ, произведеннаго, не смотря на короткій срокъ пріема, еще съ большею исправностію, чѣмъ въ предшествовавшіе наборы. Въ 1846 году, въ награду безпорочнаго и съ постояннымъ одобреніемъ начальства прослуженія болѣе 12 лѣтъ въ должности инспектора врачебной управы, Всемилостивѣйше пожалованъ былъ М. И. кавалеромъ ордена св. Анны 3-й степени; въ 1848 г., за безпорочную выслугу 20-лѣтняго срока въ медицинскихъ должностяхъ, была назначена Алякринскому пенсія, сверхъ получаемаго имъ на службѣ жалованья, по 228 р. 75 к. въ годъ. Въ 1852 г. онъ пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, а въ 1857 г. получилъ темнобронзовую медаль на Владимірской лентѣ, для ношенія на груди, въ память войны 1853—1856 годовъ; въ 1858 г. Митрофанъ Ивановичъ былъ пожалованъ знакомъ отличія безпо-

рочной службы за XXX лѣтъ, назначена была, сверхъ жалованья, пенсія по 448 р. 35 к. ежегодно и, кромѣ того, въ воздаяніе усердной службы и особенныхъ трудовъ, Всемилостивѣйше былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 2 степени, украшеннымъ Императорскою короною. Въ 1864 г. Алякринскій Высочайшимъ приказомъ произведенъ былъ за отличіе въ дѣйствительные статскіе совѣтники и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Въ 1868 г. М. И. Алякринскій по прошенію былъ уволенъ отъ службы инспектора врачебной управы.

Таковъ формуляръ, въ который еще нужно занести, что Митрофанъ Ивановичъ съ 1835 года до конца жизни былъ членомъ мѣстнаго губернскаго статистическаго Комитета. Какъ врачъ, Алякринскій особенно памятенъ для несостоятельныхъ больныхъ,—онъ платной практикой за визиты по домамъ не занимался и являлся только на консиліумы и въ дома бѣдняковъ; на дому у себя онъ принималъ всѣхъ, при чемъ многимъ больнымъ доставлялъ лекарства даромъ, самъ платя за нихъ въ аптеку. Въ послѣдній холерный годъ при его жизни, М. И., уже находясь въ отставкѣ, навѣщалъ по приглашенію всѣхъ заболѣвшихъ, во всякое время дня и ночи.

Домашнюю жизнь М. И. велъ очень скромную: женатъ онъ не былъ, свободное время проводилъ большею частію дома либо за книгой, либо въ саду, заниматься въ которомъ для него было истиннымъ наслажденіемъ. Когда Алякринскій жилъ уже въ отставкѣ, день его начинался молитвою въ церкви

(онъ былъ очень религіозный человѣкъ), проходилъ либо въ посѣщеніи бѣдныхъ больныхъ, либо за работой въ саду, за чтеніемъ книгъ.

Этотъ докторъ безсребренникъ, много расходовавшій на помощь бѣднымъ, нажилъ довольно порядочное состояніе не остатками отъ жалованья, не практикой, а единственно фабрикуемыми послѣ Моренкова средствами, которыя расходились въ огромномъ количествѣ по всей Россіи; достаточно отмѣтить, что ежегодно отправлялось ихъ только на одну Нижегородскую ярмарку тысячъ на тридцать. „Описаніе операціи доктора г. Моренкова, составленное преемникомъ его, докторомъ Алякринскимъ", напечатано въ „Другѣ Здравія" 1834 г., № 5.

Отмѣтимъ здѣсь кстати, что за всю свою жизнь М. И. напечаталъ еще только слѣдующее: „О пособіи утопшимъ, замерзшимъ, угорѣвшимъ, задохшимся въ неспособномъ для дыханія воздухѣ и лишившимся чувствъ отъ ушиба" (Владиміръ. Тип. Губернская. 1861. 8°. 8 стр.; прежде напечатано было во „Владиміръ Губерск Вѣдом." 1861 г.), и послѣ смерти было издано „Описаніе эссенціи перечной мяты г. Моренкова" (М., 1876 г., тип. П. Куренкова. 8°. 2 стр.).

Доживъ до старости, М. И Алякринскій погибъ отъ случайно полученной болѣзни, благодаря желанію оказать помощь бѣднымъ во всякое время. 20 августа 1872 г. вечеромъ онъ ходилъ изъ-за Лыбеди въ городъ къ одному бѣдному: возвращаясь домой онъ вспотѣлъ, но у воротъ его дожидался ночной сторожъ, который позвалъ старика къ своей больной женѣ;

Митрофанъ Ивановичъ, не заходя домой, опять отправился въ городъ и, видимо, простудился,—на другой день слегъ въ постель, съ которой уже и не вставалъ: онъ скончался съ 29 на 30 августа 1872 года. Послѣ торжественнаго погребенія двумя архіереями, въ сослуженіи ректора семинаріи (нынѣ епископъ пензенскій) и многочисленнаго духовенства, М. И. Алякринскій похороненъ во Владимірскомъ женскомъ монастырѣ, возлѣ церкви, съ восточной стороны холоднаго храма. Надъ могилой поставленъ памятникъ.

Еще при жизни М. И. началъ распредѣлять свой капиталъ на различныя дѣла благотворенія, при чемъ онъ держался правила—направлять пожертвованія туда, гдѣ они принесутъ пользу многимъ, дѣйствительно нуждающимся въ помощи и достойнымъ ея болѣе другихъ. При жизни онъ пожертвовалъ 7 тысячъ на устройство во Владимірѣ училища для дѣвицъ духовнаго званія, въ которомъ на казенный счетъ воспитываются сироты; въ Козминѣ монастырѣ, въ которомъ святитель Воронежскій Митрофанъ былъ игуменомъ, М. И. принялъ участіе въ устройствѣ придѣльной церкви; 1000 р. завѣщалъ онъ Владимірскому попечительству дѣтскихъ пріютовъ, 3 тысячи во Владимірскую семинарію, чтобы проценты съ этого капитала ежегодно выдавались троимъ воспитанникамъ семинаріи, при поступленіи на священническія мѣста, 3 тыс. во Владимірскій дѣвичій монастырь, чтобы проценты къ Рождеству и Пасхѣ выдавались самобѣднѣйшимъ въ томъ монастырѣ. Самое крупное пожертвованіе, въ 24 тысячи, сдѣлано имъ во Влади-

мірское Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, при чемъ въ завѣщаніи довольно подробно указано расходованіе процентовъ. Благодаря его же пожертвованію учрежденъ во Владимірѣ комитетъ о бѣдныхъ. Кромѣ отмѣченнаго, Алякринскій не мало завѣщалъ въ различныя церкви на поминъ его и его родственниковъ. Наконецъ, нужно отмѣтить, что при жизни многіе получали отъ него ежемѣсячное пособіе, многимъ помогалъ онъ въ тяжелыхъ случаяхъ. Родственникамъ своимъ по завѣщанію онъ ничего не отказалъ.

Какъ бѣдность едва ли когда исчезнетъ, такъ вѣчно будетъ жить память о Митрофанѣ Ивановичѣ Алякринскомъ во Владимірѣ и среди духовныхъ въ губерніи,—своими пожертвованіями онъ на-вѣки обезпечилъ сносное существованіе массы обездоленныхъ, несчастныхъ.

Объ Алякринскомъ см. „Владимір. Епарх. Вѣдом.“ 1872, № 18, стр. 475—476 (некрологъ,—И. С., т. е. Ив. Григ. Соколова).—Владим. Губ. Вѣдом.“ 1872 г., № 36 (К. Н. Тихонравовъ).—„Влад. Епарх. Вѣдом.“ 1873 г., № 8, стр. 208—230 („Воспоминаніе о Митр. Ив. Алякринскомъ“ Ив. Гр. Соколова; то же, съ незначительными измѣненіями, перепечатано во „Влад. Губ. Вѣдом.“ 1873 г., № 12; изъ „Вл. Еп. Вѣд.“ былъ отд. оттискъ: г. г. Владиміръ. Печатня А. Александровскаго. 1873. 8°. 23 стр.).—„Исторія Владимір. Дух. Семинаріи. Съ 1750 г. по 1840 г.,“ К. Ѳ. Надеждина. Владиміръ. 1875 г. 8°.—„Словарь врачей получившихъ степень доктора медицины (и хир.) въ Импер. Москов. Универ.“ Л. Ѳ.

Змѣева. Спб., 1885. 8°, стр. 2.—„Русскіе врачи писатели“, Л. Ѳ. Змѣева. Вып. 1. Спб., 1886. 8°, стр. 5.—„Критико-біограф. словарь рус. пис. и учен.,“ С. А. Венгерова. Вып. 11 (Т. 1-й). Спб. 1888. 8°, стр. 474.—„Русскія книги. Съ біографич. данными объ авторахъ и переводчикахъ“. Редакція С. А. Венгерова. Вып. V (Т. 1-й). Спб., 1896. 8°, стр. 234.—

XXXI.

Н. П. Соколовъ.

Никита Петровичъ Соколовъ, дѣятельный членъ Академіи Наукъ и Россійской Академіи, родился въ 1748 году въ селѣ Крутцѣ, владимірскаго (нынѣ—покровскаго) уѣзда, владимірской губерніи, гдѣ отецъ его, былъ пономаремъ. Когда мальчикъ подросъ, его отдали учиться въ Троицкую Лаврскую семинарію, хотя въ то время существовала уже и Владимірская семинарія. Надо думать, и до митрополита Платона Троицкая семинарія, среди другихъ, процвѣтала. Про нее, при Платонѣ, писалъ въ прошеніи одинъ изъ владимірцевъ: „Троицкая семинарія красно цвѣтетъ и обильные плоды приноситъ. Цвѣтетъ она славою наукъ съ немалымъ преимуществомъ отъ прочихъ и знатнѣйшихъ училищъ, а плоды приноситъ пользою трудовъ не только

церкви святой, но и отечеству въ сладость. Сіе не требуетъ доказательствъ; ближніе и дальніе, уже многія страны вѣдаютъ, и видятъ, и чувствовать стали, и для того всѣ окрестные духовнаго чина стремятся съ охотою, яко къ доброму пристанищу, или добродѣтелей питомству, сей св. лавры семинаріи дѣтей своихъ ввѣрить". Эта нарождавшаяся въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія слава Троицкой семинаріи побудила и родственниковъ Соколова отвезти туда мальчика Въ семинарію онъ поступилъ 17 апрѣля 1759 года, т. е. 10 лѣтъ.

Учился Соколовъ очень хорошо, проходя безъ задержки всѣ многочисленныя школы (тогда были: аналогія или фара, инфима или низшій классъ, грамматическій классъ, синтаксима, пінтика, реторика, философія и богословіе). Въ 1767 г. И. П. былъ уже студентомъ философіи, причемъ въ вѣдомости былъ рекомендованъ такъ: „обучается весьма благонадежно, по еврейски похвально, по нѣмецки презрядно, по французски очень благоуспѣшно". Въ этомъ году Соколовъ перешелъ въ богословскій классъ, а въ ноябрѣ 1767 г. директоръ Академіи Наукъ, гр. В. Г. Орловъ обратился въ Св. Синодъ съ доношеніемъ, что „Академіи настоитъ нужда въ малолѣтнихъ людяхъ отъ 15 до 20 лѣтъ, а не болѣе, поведенія добраго и незазорнаго и разумѣющихъ латинскій языкъ", и просилъ, не угодно ли будетъ приказать дать Академіи таковыхъ качествъ учениковъ изъ семинаріи Троицкой Сергіевой лавры 10 человѣкъ. Начальникъ семинаріи архимандритъ Платонъ писалъ по этому случаю

къ ректору семинаріи, чтобы выборъ учениковъ былъ произведенъ изъ трехъ школъ: философіи, реторики и высшаго класса (синтаксіи) „и дабы оные ученики къ тому имѣли, въ сходство указа, самохотное желаніе, въ томъ ихъ стараться увѣрять, что они берутся въ знатное мѣсто и для такихъ же и другихъ полезныхъ наукъ, и чрезъ то могутъ имѣть лучшее благополучіе... при томъ не забыть того, чтобъ оные ученики были одѣты не худо, то-есть не были бъ въ лаптяхъ, или въ раздранной какой ветхой одеждѣ, дабы чрезъ то не навесть семинаріи какого нареканія". И. И. Соколовъ не могъ попасть въ число этихъ счастливцевъ, такъ какъ уже перешелъ въ богословскій классъ. Чтобы получить желаемое право, онъ вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ подалъ архим. Платону прошеніе, чтобъ и ихъ „высокимъ вашимъ (Платона) повелѣніемъ приказано было въ.. академію отправить, ибо мы ревностное имѣемъ желаніе совершеннѣйшіе въ наукахъ оказать успѣхи, и... всенижайше просимъ насъ онаго благополучія удостоить..." Ректоръ и игуменъ семинаріи также ходатайствовали о просителяхъ, такъ какъ они „добрыхъ нравовъ и поведеній и въ ученіи весьма благоуспѣшны, а притомъ въ богословіи промованы недавно". Архим. Платонъ разрѣшилъ и такимъ образомъ Никита Петровичъ поступилъ въ академическій университетъ.

Въ Петербургъ Соколовъ прибылъ въ началѣ 1768 г. и 10 января вступилъ въ службу Ея Императорскаго Величества при Академіи Наукъ; 20 марта того же года онъ былъ произведенъ при Академіи студентомъ

и пожалованъ шпагою. Никитѣ Петровичу невозможно было жить безвыѣздно въ Петербургѣ и посѣщать университетскія лекціи; для развитія его и обогащенія познаніями очень помогло снаряженное тогда по Высочайшему повелѣнію подъ начальствомъ знаменитаго натуралиста Палласа путешествіе съ научною цѣлью—изслѣдовать и описать Россію преимущественно въ естественно-историческомъ отношеніи. Въ эту экспедицію, выступившую 11 іюня 1768 г., Палласъ взялъ и студента Соколова.

Путешествіе профессора Палласа продолжалось болѣе шести лѣтъ; результаты его имѣютъ громадное значеніе въ наукѣ. Въ трудахъ этой экспедиціи принималъ дѣятельное участіе и Соколовъ: такъ, многія страницы въ описаніи путешествія Палласа принадлежатъ, по указаніямъ самого профессора, Соколову; онъ много разъ исполнялъ порученія,—дѣлалъ научное обозрѣніе различныхъ мѣстностей,—сопряженныя неоднократно съ опасностями и лишеніями, и изъ собственныхъ словъ Палласа видно, съ какимъ успѣхомъ Н. И. исполнялъ всѣ возлагаемыя на него ученыя порученія. Онъ вносилъ въ свои путевыя записки все, возбуждавшее его вниманіе и пытливость; сообщалъ свѣдѣнія о свойствахъ почвы, о рѣкахъ и озерахъ, о рѣдкихъ и замѣчательныхъ животныхъ и т. п. и собиралъ экземпляры послѣднихъ; по порученію Палласа, Соколовъ, между прочимъ, обстоятельно описалъ и рыбную ловлю въ Хвалынскомъ морѣ; по запискамъ студента Палласъ иногда исправлялъ невѣрности, вкравшіяся въ его собственное описаніе.

Въ своихъ сношеніяхъ съ Академіею Наукъ Палласъ постоянно отзывался съ большою похвалою о своемъ спутникѣ, студентѣ Соколовѣ; когда кончилась экспедиція, сочувственно отзывались о трудахъ Соколова и въ иностранныхъ органахъ ученой литературы. Академія Наукъ, съ своей стороны, не переставала поощрять молодого труженика: кромѣ объявленія похвалы, она съ 1772 г., не въ примѣръ другимъ студентамъ, увеличила его жалованье до 200 руб. въ годъ.

Экспедиція кончилась въ 1774 году и Соколовъ вернулся въ Петербургъ съ хорошимъ запасомъ теоретическихъ знаній по анатоміи и металлургіи, но съ значительно разстроеннымъ здоровьемъ. Въ виду этого онъ 20 августа, вскорѣ послѣ возвращенія, подалъ въ академическую коммиссію прошеніе, въ которомъ „по причинѣ слабаго здоровья, находя себя болѣе продолжать науки не въ состояніи", проситъ объ увольненіи въ другое, „гдѣ себѣ по способности найти могу", мѣсто. „А дабы при томъ какъ за долголѣтнее мое упражненіе въ разныхъ наукахъ, такъ и за особливые труды мои не лишенъ былъ милости Академіи и пристойнаго награжденія (еще въ семинаріи, не считая нижнихъ классовъ и поэзіи, чрезъ цѣлые шесть годовъ обучался высшимъ наукамъ; а именно россійскому и латинскому краснорѣчію три года, философіи и теоретической физикѣ два года, и годъ откровенной геологіи, и объ успѣхѣ показанномъ въ оныхъ получилъ особливую себѣ рекомендацію; будучи опредѣленъ въ экспедицію Палласа, находился въ безпрестанномъ безпокойствіи и разъѣздахъ, между тѣмъ положилъ знат-

ные труды въ снисканіи знанія по исторіи натуральной), того ради прошу, дабы при увольненіи меня отъ Академіи Наукъ благоволено было наградить рангомъ переводчика латинскаго и французскаго языковъ, изъ которыхъ въ первомъ я довольно искусился, а на второмъ также безъ дальняго затрудненія могу чинить переводы... Наконецъ прошу также покорнѣйше, дабы впредь для содержанія моего до пріисканія мѣста, по увольненіи, поелику не имѣю никого ни сродственниковъ, ни знакомыхъ, благоволено было выдать мнѣ хотя за треть жалованья".

Академія Наукъ, получивъ прошеніе Соколова, вѣроятно, была не мало удивлена рѣшеніемъ его, и потому просила профессора Палласа уговорить его къ продолженію ученія и службы при академіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ просила дать о немъ отзывъ. Профессоръ такъ отозвался 27 августа о своемъ замѣчательномъ ученикѣ: „Сколько ни способенъ и надеженъ онъ къ наукамъ, со всѣмъ тѣмъ не въ состояніи я былъ уговорить его къ продолженію ученія и службы при Академіи .. Я объ немъ сказать долженъ, что онъ въ словесныхъ наукахъ, наипаче въ латинскомъ языкѣ, также и въ россійскомъ штилѣ, первѣйшій изъ всѣхъ прочихъ въ экспедицію выбранныхъ элевовъ. Во французскомъ языкѣ имѣетъ онъ также хорошее основаніе, а во время путешествія въ препорученныхъ ему описаніяхъ особливыхъ странъ отмѣнно отличался, которымъ онъ точныя и ясныя описанія учинилъ со всевозможною способностью. И такъ чрезъ то, также и непорушимымъ исполненіемъ даванныхъ ему на раз-

ныхъ путешествіяхъ инструкцій, всегда себѣ заслуживалъ совершенное мое удовольствіе и ту похвалу, которую я ему часто при академіи отдавалъ". И другіе ученые отдавали полную справедливость успѣхамъ и дарованіямъ Соколова,—такъ, академикъ Гильденштедтъ неоднократно заявлялъ въ ученомъ собраніи объ успѣхахъ Соколова въ естественной исторіи, о его способностяхъ, трудолюбіи и стремленіи усовершенствовать себя въ естественныхъ наукахъ. Наконецъ, совѣты и убѣжденія Палласа оказали свое вліяніе и Н. П. изъявилъ готовность остаться при академіи и предпринять ученое путешествіе за границу. Ученое собраніе Академіи и академическая коммиссія, соглашаясь съ мнѣніемъ Палласа, что Соколовъ имѣетъ великую способность къ наукамъ и подаетъ надежду сдѣлаться современемъ „надлежаще ученымъ" человѣкомъ, если будетъ посланъ за границу для довершенія своего образованія, представила о томъ директору академіи графу Орлову, который, раздѣляя надежды академиковъ, приказалъ: студента Никиту Соколова „для продолженія начатаго въ натуральной исторіи ученія и для снисканія прочихъ къ тому потребныхъ наукъ" послать въ лейденскій университетъ, какъ такое мѣсто, которое весьма счастливо избрано академикомъ Палласомъ. На содержаніе и плату, „въ разсужденіи отличнаго его, Соколова, поведенія и большихъ предъ прочими своими товарищами въ наукѣ успѣховъ", вмѣсто обыкновенныхъ 315 р. было назначено по 350 р. въ годъ.

3 сентября 1774 г. состоялось постановленіе Академіи, а въ ноябрѣ Соколовъ прибылъ въ Лейденъ.

гдѣ въ университетѣ онъ и началъ посѣщать лекціи по химіи, по физикѣ, по всѣмъ частямъ естественной исторіи, по анатоміи и физіологіи. Но скоро сказались и всѣ неудобства пребыванія Соколова въ Лейденѣ: почти черезъ годъ онъ просилъ академію о дозволеніи продолжать образованіе въ другомъ какомъ-либо университетѣ, преимущественно въ страсбургскомъ, и причинами къ перемѣнѣ мѣста выставлялъ крайне неблагопріятныя мѣстныя условія, каковы—сырой, вредный для здоровья климатъ, гнилую, затопленную почву, не дающую средствъ заниматься какъ слѣдуетъ собираніемъ и изученіемъ естественныхъ произведеній, а главное затрудненіе видѣлъ онъ въ рѣшительной невозможности выучиться въ Лейденѣ нѣмецкому языку. Академическая коммиссія согласилась съ доводами Соколова и разрѣшила ему переселиться въ Страсбургъ.

Въ страсбургскомъ университетѣ Соколовъ избралъ на первый годъ химію, естественную исторію, анатомію и физіологію; въ слѣдующіе годы онъ посѣщалъ лекціи химіи и прослушалъ курсы, и при томъ по два года каждый, по тѣмъ предметамъ, которыми занимался онъ и въ Лейденѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посѣщалъ и лекціи по медицинѣ, сознавая какъ безотносительную важность этой науки, такъ и прямую связь ея съ химіей. Главнѣйшими предметами занятій были для него химія и минералогія; онъ составилъ себѣ небольшую химическую лабораторію для провѣрки опытами вычитаннаго изъ сочиненій извѣстнѣйшихъ ученыхъ, а также предпринималъ экскурсіи преимущественно въ мѣстности, изобилующія минералами и замѣ-

чательныя по отношенію къ горному дѣлу, сравнивалъ ихъ съ однородными предметами, видѣнными имъ во время путешествія по Сибири. Производя научныя розысканія, Соколовъ обозрѣвалъ рудники, стеклянные заводы, разныя фабрики и мануфактуры, не забывая также и памятниковъ древности. Въ 1780 году отъ страсбургскаго университета Н. П. произведенъ былъ медицины докторомъ „со всѣми къ сему титулу принадлежащими привиллегіями".

Въ сентябрѣ 1780 г. Соколовъ возвратился въ Петербургъ и представилъ, „въ доказательство учиненныхъ въ наукахъ успѣховъ знанія", диссертацію о перемѣнѣ металловъ въ огнѣ посредствомъ сѣры; эта диссертація вполнѣ и единодушно была одобрена членами ученой конференціи Академіи. На основаніи всего этого Н. П. Соколовъ вполнѣ могъ разсчитывать, что Академія зачислитъ его въ число своихъ членовъ; но тогда директоромъ былъ уже С. Г. Домашневъ (съ 1775 по 1783), памятный въ исторіи Академіи преслѣдованіями и недоброжелательствами. Онъ прежде всего заявилъ конференціи, что будучи личнымъ свидѣтелемъ непорядочнаго образа жизни Соколова, не считаетъ его достойнымъ избранія въ адъюнкты академіи: далѣе, когда въ апрѣлѣ 1781 г. Соколовъ подалъ въ государственную медицинскую коллегію челобитную, которою просилъ, „дабы благоволено было его, нижайшаго, допустить на докторскій экзаменъ, и по апробаціи знанія въ медицинѣ позволено было ему производить вольно-медическую практику", на что означенною коллегіею и обѣщано „пристойное по моему

челобитью сдѣлать удовольствіе",—директоръ Домашневъ отъ имени Академіи (безъ ея вѣдома) прислалъ въ коллегію письмо, которымъ просилъ, „дабы академическихъ элевовъ до медической практики никоимъ образомъ не допускать, полагая за причину, яко бы оная практика можетъ имъ въ должности ихъ препятствовать". Такіе поступки директора глубоко оскорбляли даровитаго студента-доктора и онъ рѣшился прибѣгнуть къ Императрицѣ съ просьбою, въ которой, изложивъ весь ходъ своихъ занятій и поступки въ отношеніи къ нему директора, который 8 мая 1781 г. приказалъ даже секретно экзекутору взять Соколова въ коммиссію академіи наукъ подъ арестъ, гдѣ и продержалъ шесть дней, потомъ велѣлъ убавить жалованья на половину.—Соколовъ просилъ Императрицу, чтобы повелѣно было—допустить его до экзамена на доктора медицины, директоръ или опредѣлилъ бы по знанію его къ надлежащей при академіи должности, или совсѣмъ уволилъ отъ службы академіи. Императрица Екатерина Великая приняла подъ свою защиту Соколова и повелѣла исполнить согласно его желанію. Но только докторскую степень ему пришлось скоро получить.—11 сентября онъ былъ экзаменованъ и удостоенъ докторскаго званія „производить медицинскую практику въ россійскомъ государствѣ". на что отъ коллегіи и открытый указъ получилъ; все прочее дано ему было, когда директоромъ академіи назначена была княгиня Е. Р. Дашкова. Она, съ полнымъ довѣріемъ относясь къ сужденіямъ и отзывамъ представителей науки, цѣнившихъ Соколо-

ва и желавшихъ имѣть его своимъ сочленомъ, назначила 10-го марта 1783 года Никиту Петровича „адъюнктомъ по химической наукѣ", на что и выданъ былъ ему дипломъ. Въ слѣдующемъ 1784 году, въ засѣданіи 24 февраля Россійской Академіи, по представленію предсѣдателя ея сіятельства княгини Е. Р. Дашковой, господъ Львова и Озерецковскаго, избраны были въ члены Россійской Академіи трое, въ числѣ ихъ извѣстный баснописецъ И. И. Хемницеръ и докторъ медицины и Академіи Наукъ адъюнктъ И. И. Соколовъ, а въ 1787 г., 27 сентября, по предложенію той же княгини Дашковой и по единогласному выбору членовъ ученой конференціи онъ былъ возведенъ въ полнаго члена, т. е ординарнаго академика и ординарнаго профессора химіи при Академіи Наукъ, на что и особый дипломъ получилъ.

Поступивъ на службу въ Академію Наукъ, Соколовъ завѣдывалъ химическою лабораторіею, а съ 1786 г. до отставки читалъ въ этой лабораторіи и публичныя химическія лекціи „съ особливою похвалою и славою". Публичные курсы при Академіи Наукъ были открыты въ 1785 г. и лекціи, читанныя академиками, имѣли безспорно немаловажное образовательное значеніе для тогдашняго общества и для учащихся поколѣній; особенно выдавались лекціи Соколова по химіи, сопровождаемыя опытами академической лабораторіи; лекціи были полны полезными свѣдѣніями и число посѣтителей, по словамъ современниковъ, было весьма значительно. Къ сожалѣнію, публичныя лекціи академиковъ не печатались и потому не сохранились

даже въ архивѣ Академіи: изъ лекцій Соколова только вступительная дошла до нашего времени и перепечатана въ 1876 г. М. П. Сухомлиновымъ въ его „Исторіи Россійской Академіи" (вып. 3 й, стр. 152—158) изъ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненій" (ч. IX, мартъ 1787 г., стр. 46—59), гдѣ помѣщена подъ заглавіемъ—„Рѣчь о пользѣ химіи, говореная при открытіи публичныхъ Химическихъ Лекцій 30 маія 1786 года".

Выше уже было отмѣчено, что П. П. Соколовъ принималъ участіе въ экспедиціи Палласа. Во время этого путешествія студентъ велъ путевыя записки, часть которыхъ и вошла въ книгу „P S Pallas Reise durch verschiedene provinzen des russischen reichs". 1771—1776 (именно въ ч. II, кн. 1, стр. 319—323, 327—363; во II ч., кн. 2, стр. 540—554, 567—571; въ ч. III, кн. 2, стр. 581—624). Эта книга была переведена и на русскій языкъ—„Петра Симона Палласа Путешествіе по разнымъ мѣстамъ россійскаго государства по повелѣнію санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ". Съ нѣмецкаго языка на россійскій перевелъ бунчуковскій товарищъ Ѳедоръ Тоганскій. Спб., тип. Импер. Акад. Наукъ. Ч. II, кн. 1 и кн. 2. 1786 г. 4°. Ч. III („Пут. по разн. провинціямъ..." Перевелъ Василій Зуевъ). Спб. 1788 г. 4°. Въ переводѣ принадлежащія Соколову мѣста находятся въ ч. II, кн. 1, стр. 415—419, 426—470; ч. II, кн. 2, стр. 251—272, 292—298; ч. III, кн. 2, стр. 188—250. Описанія Соколова всегда отличаются точностью и

подробностью.—Находясь въ экспедиціи, Н. И. присылалъ въ Петербургъ „Описаніе ловли красной рыбы при берегѣ Каспійскаго моря", которое и было напечатано въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства", ч. XVIII, 1771 г., стр. 11—47.

Находясь за границей, Н. И. Соколовъ присылалъ оттуда въ Академію Наукъ свои краткіе отчеты, которые напечатаны только въ наше время въ „Исторіи Россійской Академіи" М. И. Сухомлинова. вып. 3-й. Спб., 1876 г., стр. 348—356. извлеченные изъ дѣлъ архива академической канцеляріи. Въ этихъ донесеніяхъ довольно подробно излагается заграничная жизнь Соколова и ходъ его ученыхъ занятій. По возвращеніи изъ за границы онъ представилъ диссертацію на званіе адъюнкта Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ—„De tractatione metallorum cum sulphure", которая была напечатана въ 1786 г. въ „Acta academiae scientiarum imperialis petropolitanae", ч. I, стр. 193—208; въ этихъ же „Acta" напечатаны—мемуаръ, читаный Соколовымъ въ конференціи въ 1783 г.—„De natura arsenici" (ч. I, стр. 209—224) и мемуаръ, представленный имъ въ Академію Наукъ и читаный въ конференціи въ 1784 г.—„Optima methodus parandi amalgama cupri" (ч. I, стр. 247—252). Въ теченіе академической службы Никита Петровичъ не переставалъ представлять въ конференцію Академіи свои ученые труды, которые и были напечатаны тогда въ различныхъ изданіяхъ ея; такъ, въ сентябрѣ 1785 г. представилъ онъ

для помѣщенія въ „мѣсяцесловѣ“ — „О пользѣ и употребленіяхъ можжевельника“ (перепечатано въ „Собраніи сочиненій. выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ на разные годы.“ ч. X. 1793 г., стр. 257 267) и „О дѣлѣ молочнаго сахара и пользѣ онаго“ (перепечатано въ томъ же „Собраніи“, ч. X, 1793. стр. 281—287); въ ноябрѣ 1786 г. онъ представилъ „О дѣланіи Аглинскаго Фосфора“ (напечатано въ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“, ч. VIII. февраль 1787 г., стр 54—67); въ октябрѣ 1788 г. имъ представлено — „Observationes duae: De modo, quo lumbrici terrestres et varia insecta, hortis agrisque noxia, vel necari, vel repelli possunt — De revivificatione nonnullorum insectorum in spiritum vini mortuorum“ (напеч. въ 1789 г. въ „Nova acta“. т. V, стр. 243—246); наконецъ, въ сентябрѣ 1791 г. Н. П. доставилъ для „Географическаго Календаря“ на 1792 г. „Описаніе горы Чекоиды на китайской границѣ“, которое было напечатано, безъ имени автора, въ „Собраніи сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ“, ч. X, 1793 г., стр. 329—340.

Всѣ отмѣченные нами мемуары Соколова по химіи, зоологіи, минералогіи и технологіи, какъ плодъ ученыхъ занятій академика, отличаются — относительно тогдашняго времени — несомнѣнными достоинствами, не такъ часто встрѣчаемыми въ работахъ того времени; ученые труды Соколова свидѣтельствуютъ о научныхъ пріемахъ, объ удачномъ выборѣ новаго и существеннаго въ наукѣ, о точности въ производствѣ опытовъ и наблюденій и объ умѣньи автора оцѣнить какъ

безотносительную важность предмета изслѣдованія, такъ и его примѣненіе къ жизни, къ ея нуждамъ и потребностямъ.

Кромѣ оригинальныхъ работъ, Н. П. Соколовъ трудился и по переводной части. Такъ, въ то время русская литература нуждалась въ учебникахъ, руководствахъ, въ систематическомъ изложеніи науки. Никитѣ Петровичу, какъ спеціалисту по химіи, княгиня Е. Р. Дашкова поручила въ 1784 г. продолжить и окончить начатый адъюнктомъ Моисеенковымъ переводъ сочиненія Эркслебена—„Начальныя основанія Химіи. Іог. Христ. Полик. Еркслебена, доктора и профессора философіи при королевскомъ геттингенскомъ университетѣ. Съ нѣмецкаго на россійскій языкъ перевелъ Никита Соколовъ, медицины докторъ, химіи профессоръ, надворный совѣтникъ, императорской академіи наукъ и императорской россійской академіи членъ". (Спб., тип Имп. Акад. Наукъ. 1788. 8°. VIII+VII+XIV+418+13 стр.). Особенная трудность для переводчика здѣсь представилась въ томъ, что на русскомъ языкѣ до того не существовало научныхъ терминовъ и потому, какъ самъ Соколовъ говоритъ, онъ „всѣ почти термины долженъ былъ вновь выдумывать". Кромѣ того, Н. П. участвовалъ въ переводѣ на русскій языкъ сочиненія Бюффона—„Всеобщая и Частная естественная исторія графа де Бюффона", именно имъ, вмѣстѣ съ академиками Расильемъ Зуевымъ и Семеномъ Котельниковымъ, переведена III часть, содержащая въ себѣ исторію животныхъ (1-е изд. этой части составляетъ библіографическую рѣд-

кость; 2-е изд. Спб. 1794.; 3-е изд., исправленное и дополненное примѣчаніями академикомъ Захаровымъ. Спб. 1806 г.; 4-е изд., совершенно сходное съ 2-мъ Спб., 1827 г. IV+408 стр., съ 7 гравиров. рисунками. 4°). Наконецъ, нужно отмѣтить еще одно исполненное Соколовымъ порученіе Академіи Наукъ: ему, знакомому съ бытомъ и языкомъ живущихъ въ Россіи инородцевъ и обладающему, между прочимъ, достаточнымъ знаніемъ калмыцкаго языка и умѣньемъ разбирать калмыцкія рукописи, поручено было, по предложенію академика Гильденштедта, собрать точныя свѣдѣнія о калмыцкихъ рукописяхъ, находящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ и заключающихъ въ себѣ историческія свѣдѣнія о калмыкахъ.

Выборъ химика и доктора медицины въ члены Россійской Академіи (въ 1784 г.), гдѣ единственнымъ предметомъ было изслѣдованіе русскаго языка и словесности, объясняется тѣмъ, что эта новая Академія призывала въ свою среду русскихъ ученыхъ, трудившихся для обогащенія русской литературы и для просвѣщенія русскаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для развитія русскаго языка, а Н. П. Соколовъ, еще будучи студентомъ, считался однимъ изъ лучшихъ стилистовъ — „первѣйшимъ въ россійскомъ штилѣ". И дѣйствительно, выборомъ его Россійская Академія не ошиблась: немедленно по вступленіи въ Академію, Соколовъ принялъ участіе въ трудѣ, для котораго требовалась научная подготовка и основательныя знанія, — въ объясненіи словъ техническихъ, употребляемыхъ въ различныхъ отрасляхъ наукъ: Н. П. взялъ на

себя объясненіе словъ, употребляемыхъ въ химіи и фармаціи (см. объясненія имъ слова во 2-й части академическаго словаря, вышедшаго въ 1790 г.—на стр. 207 (возгонка), въ 3 части (1792 г.) стр. 282—283 (известь), 540—541 (кислота) и т. д.); по отзыву академика И. И. Ленехина, Соколовъ, „почти всегда въ собраніяхъ участвуя, много вспомоществовалъ своими примѣчаніями къ облегченію общаго труда". Кромѣ объясненія словъ техническихъ, Никита Петровичъ принималъ дѣятельное участіе въ общемъ и главнѣйшемъ трудѣ Россійской Академіи, въ составленіи обширнаго слово-производнаго академическаго словаря. Въ архивѣ Россійской Академіи сохранились представленные Соколовымъ два письменные отзыва, по случаю продолжительныхъ и горячихъ споровъ о происхожденіи слова „Память". Эти отзывы напечатаны Сухомлиновымъ въ 3-мъ вып. „Истор. Рос. Академіи", на стр. 161—168.

И. И. Соколовъ не долго пробылъ въ академической средѣ: и ранѣе не богатый здоровьемъ, онъ, вслѣдствіе упадка силъ „по причинѣ тяжкихъ и продолжительныхъ болѣзней его въ груди", въ сентябрѣ 1792 г. подалъ въ Академію Наукъ прошеніе, сначала о снятіи отъ него химической лабораторіи, а потомъ объ увольненіи отъ должности химика и отъ дѣйствительной службы при Академіи Наукъ. 30 сентября канцелярія Академіи опредѣлила его, согласно прошенію, уволить и выдать ему аттестатъ, а конференція въ собраніи 4 октября 1792 г. постановила: считать Соколова выбывшимъ изъ числа дѣй-

ствительныхъ членовъ Академіи и включить его въ списокъ академиковъ—экстерновъ или почетныхъ членовъ Академіи.

Уволившись отъ службы, Соколовъ переѣхалъ на жительство сначала въ Калугу, а потомъ въ Москву, гдѣ онъ и скончался Въ Калугѣ Н. П., не смотря на мучительную болѣзнь, не переставалъ трудиться для науки: оттуда онъ въ ноябрѣ 1793 г. прислалъ въ Академію Наукъ составленное имъ „Описаніе пріисковъ земляного угля въ калужскомъ намѣстничествѣ, въ 1793 году“ и при этомъ приложилъ образцы каменнаго угля. По распоряженію кн. Дашковой „Описаніе“ было напечатано въ „Мѣсяцесловѣ историческомъ и географическомъ на 1794 г.“ (стр. 1—17, съ приложеніемъ гравированной на мѣди карты). Изъ Калуги же присланы имъ въ началѣ 1794 г. академику Ф. И. Кругу, занимавшемуся статистическими исчисленіями, списки умершихъ въ Калугѣ въ теченіе пяти лѣтъ. Наконецъ, отмѣтимъ, что Соколовъ принесъ въ даръ Академіи коллекцію минераловъ.

Въ Москвѣ Н. П. Соколовъ жилъ не долго.—7 апрѣля 1795 г. онъ скончался тамъ въ чинѣ надворнаго совѣтника (съ 6 сентяб. 1784 г.), въ страшной бѣдности: нечѣмъ было его похоронить, а оставшейся женѣ нечего было ѣсть.

Закончимъ словами М. И. Сухомлинова, трудомъ котораго мы въ этомъ очеркѣ пользовались въ широкихъ размѣрахъ: „Тяжкія лишенія, которымъ подвергался Соколовъ въ теченіе всей своей жизни и въ особенности во время ученыхъ путешествій, преждевременно свели

его въ могилу. Забытый, но тѣмъ не менѣе замѣчательный труженикъ науки. Соколовъ заслуживаетъ благодарнаго воспоминанія, какъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ ученыхъ 18-го столѣтія, которые своимъ многотруднымъ путешествіемъ по Россіи пріобрѣли право на сочувствіе и уваженіе, и положили прочное начало для всесторонняго и добросовѣстнаго изученія своего отечества".

О Соколовѣ см. „Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae". Т. XIII, стр. 6.—„Словарь рус. свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи", митрополит. Евгенія. Изд Москвитянина. Т. II. М., 1845 г. 8^0, стр. 173—174.—„Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи", С. К. Смирнова. М., 1867. 8^0. стр. 536. 550—551.—„Исторія Россійской Академіи", М. И. Сухомлинова. Вып. 3-й. Спб., 1876. 8^0, стр. 123—168 и 341—364 —„Исторія первыхъ медицин. школъ въ Россіи", Я. Чистовича. Спб., 1883. 8^0, стр. VI (въ приложеніи).—„Русскіе врачи писатели", Л. Ѳ. Змѣева. Тетр. 2-я. Спб., 1886. 8^0, стр. 112—113, и тетр. 3-я. Спб., 1887. 8^0, стр. 65.—

XXXII.

Я. Д. Никольскій.

Яковъ Дмитріевичъ Никольскій, протоіерей Московскаго большого Успенскаго собора, родился въ 1766 году въ Благовѣщенскомъ погостѣ, что нынѣ въ Александровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. Отецъ его былъ тамъ священникомъ. Мальчикъ рано осиротѣлъ, лишившись отца Учиться онъ отданъ былъ въ сентябрѣ 1776 г. въ ближайшую Троицкую семинарію. Когда Никольскому исполнилось 15 лѣтъ и онъ обучался еще въ низшихъ классахъ, за нимъ было оставлено, для поддержанія семейства, дьячковское мѣсто въ родномъ погостѣ; доходы на долю будущаго дьячка получала мать вдова. Но мѣстомъ этимъ Якову Дмитріевичу воспользоваться не было надобности,—онъ учился въ семинаріи очень хорошо, въ 1787 г. окончилъ курсъ и для подготовки къ учительской должности былъ посланъ въ московскій греческій монастырь для изученія греческаго языка практически.

Въ сентябрѣ 1788 года Я. Д. былъ опредѣленъ въ Троицкую семинарію учителемъ греческаго языка. Начальникъ семинаріи, Платонъ, впослѣдствіи митрополитъ, особенно заботился, чтобы изученіе греческаго

языка въ семинаріи шло, сколько возможно, успѣшнѣе. Никольскій, какъ отлично знающій этотъ предметъ, вполнѣ отвѣчалъ желанію Платона, и послѣдній не рѣдко пользовался знаніемъ учителя для своихъ личныхъ надобностей,—такъ, Яковъ Дмитріевичъ, по порученію Платона, писалъ письма къ греческимъ патріархамъ и архіереямъ, вступавшимъ въ сношеніе съ Платономъ. Въ январѣ 1792 г. Никольскій былъ переведенъ на каѳедру реторики, поэзіи и еврейскаго языка. Послѣдній предметъ хотя и не былъ обязательнымъ, но Платонъ настаивалъ, чтобы и еврейскій языкъ изучали не хуже другихъ языковъ; для достиженія этой цѣли онъ иногда назначалъ въ учителя природныхъ евреевъ,—такъ, при Я. Д. Никольскомъ помощникомъ его былъ опредѣленъ еврей Яковъ Матвѣевъ, не знавшій грамматики еврейскаго языка и потому ограничивавшійся въ преподаваніи только ученіемъ читать, писать и переводить.

Казалось, жизнь Никольскаго шла гладко, счастливо,—на дѣлѣ было, однако, не такъ. При всѣхъ своихъ достоинствахъ Платонъ, какъ человѣкъ, обладалъ и недостатками. Однимъ изъ такихъ была особенная привязанность его къ монашествующимъ наставникамъ. Онъ глубоко вѣрилъ, что занятія науками должны быть сильнѣе у монашествующихъ, такъ какъ имъ нѣтъ надобности заниматься посторонними предметами. Въ виду этого онъ всячески склонялъ къ монашеству наставниковъ, поощрялъ ихъ, и при немъ, дѣйствительно, большая часть преподавателей была изъ монаховъ. Но, конечно, не всѣ соглашались на это,

хотя Платонъ по этому предмету иногда высказывался очень рѣшительно, предполагая, что труженикъ науки, увлекаемый, можетъ быть, суетою міра, не можетъ вполнѣ уразумѣть и съ сочувствіемъ принять его задушевныхъ убѣжденій. Къ числу такихъ ослушниковъ принадлежалъ и Никольскій, которому, во время учительства, пришлось много вынести непріятностей отъ своего начальства за нежеланіе принять монашество, къ которому оно его принуждало Яковъ Дмитріевичъ остался, однако, непреклоненъ, и за это упорство долго сидѣлъ на бѣдномъ учительскомъ окладѣ. Когда въ 1795 г. наконецъ уволили его изъ семинаріи, то въ награду дали самый бѣдный приходъ въ Москвѣ: онъ былъ посвященъ во священника къ московской церкви Рождества Христова въ Кудринѣ.

Служба на незначительномъ приходѣ, когда о. Іаковъ низведенъ былъ въ число заурядныхъ священниковъ, шла мирно и тихо, но недолго,—его и здѣсь нашли своими немилостями. Поводомъ къ преслѣдованію о. Никольскаго послужило слѣдующее обстоятельство. „Святѣйшій Синодъ поручилъ преосвященному Августину (Виноградскому, 1766—1819 г.г.), управлявшему тогда, вмѣсто больного митрополита Платона, Московскою епархіею, выбрать кого-нибудь изъ столичнаго духовенства, хорошо знающаго греческій языкъ, для перевода съ этого языка на русскій книги „Добротолюбіе“; выбранъ былъ Данилова монастыря архимандритъ Амвросій, родной братъ преосвященнаго Августина; книга имъ была переведена

и, по разсмотрѣніи Святѣйшимъ Синодомъ, напечатана для повсемѣстнаго употребленія. Но этимъ переводомъ остался недоволенъ, хорошо знакомый съ греческимъ языкомъ, начальникъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Бантышъ-Каменскій и желалъ раздѣлить съ кѣмъ-нибудь трудъ новаго, лучшаго перевода означенной книги. По указанію знакомыхъ на о. Никольскаго, какъ человѣка знающаго греческій языкъ, онъ сблизился съ нимъ и просилъ его вновь перевесть „Добротолюбіе“, единственно для него. Вѣря добросовѣстному слову, Яковъ Дмитріевичъ сдѣлалъ новый переводъ книги; но Каменскій не сдержалъ своего слова. Оставшись вполнѣ удовлетворенъ переводомъ о. Никольскаго, онъ представилъ его, какъ самый лучшій и вѣрный съ подлинникомъ, въ Святѣйшій Синодъ, который, одобривъ вполнѣ трудъ переводчика, напечаталъ переводъ для всеобщаго пользованія, а прежній Амвросіевскій запретилъ. Вотъ тутъ-то, съ сего то времени, разразилась надъ вторымъ, ненамѣренно задѣвшимъ самолюбіе Августина, переводчикомъ, жестокая буря, которая довела его до горькаго, жалкаго положенія“. Таковъ разсказъ объ этомъ инцидентѣ о. протоіерея Алексѣя Лебедева, автора книги „Московскій Каѳедральный Архангельскій соборъ“ (М., 1880 г.). Но этотъ разсказъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ извѣстными фактами, правда, еще частію не подробно обслѣдованными. „Добротолюбіе“ переведено въ первый разъ и напечатано въ 1793—94 г., по словамъ прот. С. К. Смирнова—переведено Я. Д. Никольс-

скимъ, т. е. когда еще онъ былъ въ семинаріи учителемъ; по словамъ Сопикова (см. его „Опытъ“, ч. I, № 263) переведено съ греческаго въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, а по указанію архіеп. Черниговскаго Филарета книга эта переведена архим. Паисіемъ Величковскимъ (ум. въ 1794 г.). Undolьскій по экземплярамъ, имѣвшимся въ его собраніи, описалъ (см. „Очеркъ славяно-рус. библіографіи“) книгу „Добротолюбіе, или словеса и главизны священнаго трезвенія, собранныя отъ писаній святыхъ и богоугодныхъ Отецъ“ подъ № 3032, какъ напечатанную въ Москвѣ въ 1793—94 г., въ листъ, 11, 114, 1, 126, 1, 107, 3 и 229 л., а подъ № 3526—изданіе 2-е, напеч. въ Москвѣ, 1822 г., 4°, 4, 9, 99, 1, 111, 1, 93, 1 и 210 листовъ. Далѣе, извѣстно, что митрополитъ Платонъ особенно сталъ недомогать со второй половины 1790-хъ годовъ, когда ректоромъ семинаріи Троицкой былъ Августинъ (Виноградскій), рукоположенный во епископа 7 февраля 1804 г. и скончавшійся въ 1819 г. Братъ его Амвросій постригся въ 1797 г. и былъ архимандритомъ Данилова монастыря послѣ 1803 года. Изъ сопоставленія приведенныхъ данныхъ видно, что протоіерей Лебедевъ говоритъ объ изданіи „Добротолюбія“ въ переводѣ Никольскаго въ 1800-хъ годахъ, но такого изданія этой книги библіографамъ неизвѣстно, а изданіе 1822 г. не могло повредить Я. Д. Никольскому, потому что тогда уже не было въ живыхъ Августина. Если такого изданія (въ періодѣ съ 1804 по 1814 г.) не было, то остается одно, что

Августинъ, можетъ быть, припомнилъ старую исторію, или протоіерей Лебедевъ, не провѣривъ сообщенія современниковъ Никольскаго, вѣроятно все же бывшее съ послѣднимъ „несчастіе“ поставилъ въ связь съ „Добротолюбіемъ“, къ которому Амвросій Виноградскій, кажется, и отношенія никакого не имѣлъ.

Едва ли, однако, подлежитъ сомнѣнію, что Я. Д. Никольскій, можетъ быть—и изъ за литературной работы, былъ въ немилости у Августина: онъ очень долго не получалъ никакихъ наградъ. Протоіерей Лебедевъ говоритъ, что Каменскій, „сознавъ свой неправый поступокъ, не дремалъ, а поддерживалъ о. Никольскаго надеждою на лучшую будущность и много способствовалъ поступленію его въ Архангельскій, а далѣе и въ Успенскій соборъ“. Здѣсь встрѣчаемся опять съ невѣрностію сообщенія: по ходатайству Каменскаго Никольскій могъ еще быть переведенъ въ Архангельскій соборъ, но въ Успенскій (въ 1816 г.) нѣтъ, такъ какъ Ник. Ник. Бантышъ-Каменскій скончался 20 января 1814 года.—Въ Архангельскій соборъ о. Никольскій былъ перемѣщенъ въ 1813 году и за три года службы, до 1816 г., былъ награжденъ только набедренникомъ, такъ какъ безъ него не дается протоіерейство. Здѣсь только матеріальное положеніе Якова Дмитріевича улучшилось, а въ остальномъ, хотя и былъ протоіереемъ, онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ среды другихъ священниковъ: наравнѣ съ ними онъ исправлялъ очередное по недѣлѣ служеніе въ соборѣ и во всѣ праздники служилъ одинъ. Тяжкія испытанія для о. Никольскаго

кончились, когда онъ по указу Святѣйшаго Синода 13 марта 1816 года былъ переведенъ въ большой Успенскій соборъ, съ наименованіемъ протопресвитеромъ. Здѣсь онъ почти одновременно былъ награжденъ камилавкою и наперснымъ крестомъ, а преосвященный Августинъ, по словамъ Лебедева, какъ бы сознавши свою несправедливость къ нему, самъ, въ своей каретѣ, привезъ его въ соборъ, какъ настоятеля и протопресвитера Успенскаго собора.

Это было послѣднее мѣсто служенія о. Іакова,— здѣсь онъ „въ непрестанной дѣятельности, полезной для церкви“ провелъ болѣе 20 лѣтъ и не много не дотянулъ до 50-лѣтняго юбилея въ священническомъ санѣ: онъ умеръ 5 декабря 1839 года. Жизнь его въ молодыхъ годахъ не была полна радостями,—непріятности постепенно истощали его физическія силы; послѣдніе годы жизни прошли болѣе безмятежно, въ единственныхъ заботахъ о церкви и церковныхъ дѣлахъ, но силы уже замѣтно ослабѣвали; онъ и умеръ безъ всякой болѣзни, отъ истощенія силъ.

Послѣднею наградою для Я. Д. Никольскаго въ Успенскомъ соборѣ былъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, большого креста. Но высшей наградой для него была всеобщая любовь къ нему какъ начальства, такъ и гражданъ. Когда происходило отпѣваніе его тѣла въ бывшемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ при архіерейскомъ служеніи, стеченіе народа было громадное и въ народѣ шелъ говоръ, что хоронятъ бѣлаго архіерея. Погребенъ Яковъ Дмитріевичъ въ Донскомъ монастырѣ.

Изъ литературныхъ работъ Я. Д. Никольскаго извѣстенъ еще переводъ книги—„Толкованіе Воскресныхъ Апостоловъ, съ нравоучительными бесѣдами“, сочин. Преосвященнаго Никифора (Θеотоки), бывшаго Архіепископа Астраханскаго. (2 части. С.-П.-Б., въ тип. Святѣйшаго Синода. 1820. 8⁰ и М., въ Синод. тип., 1839 г. 8⁰); кромѣ того, онъ издалъ „Начальныя правила греческаго языка, въ пользу Россіянъ и Грековъ“. М., 1815 г., въ Универ. тип. 8⁰).

О Никольскомъ см. „Отеч. Записки“ 1840 г., т. 8, № 1, стр. 4—6 (статья С.—„Некрологія протопресвитера Іакова Никольскаго“).—„Слово при погребеніи Московскаго большаго Успенскаго собора протопресвитера Іакова Дмитріевича Никольскаго, произнесенная Архимандритомъ Митрофаномъ“. М., тип. Степанова, 1843. 8⁰.—„Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи“ С. К. Смирнова. М., 1867. 8⁰, стр. 344—345, 346, 376, 513 и 546.—„Московскій Каѳедральный Архангельскій соборъ“, сакелларія того же собора протоіерея Алексѣя Николаевича Лебедева. М., 1880 г. 8⁰, стр. 89—92.—„Энцикл. Словарь“, изд. Брокгауза и Ефрона. Т. 21 (полут. 41). Спб., 1897 г. 8⁰, стр. 134.

XXXIII.

П. О. Любопытный.

Павелъ Онуфріевичъ Любопытный, имя котораго мало извѣстно для обыкновенной читающей публики, заслуживаетъ вниманія какъ авторъ библіографическаго труда, знакомящаго насъ съ литературною дѣятельностію старообрядцевъ двухъ самыхъ значительныхъ сектъ—поморской и федосѣевской. Какъ старообрядецъ Любопытный для нашего очерка безразличенъ,—онъ, владимірскій уроженецъ, интересуетъ насъ какъ авторъ. Для біографіи его мы пользуемся единственнымъ трудомъ, составленнымъ Н. И. Поповымъ.

Павелъ Онуфріевичъ Любопытный родился въ городѣ Юрьевѣ-Польскомъ, Владимірской губерніи, въ 1772 году. Родители его числились астраханскими мѣщанами. П. О. былъ единственный сынъ у матери, которая очень рано овдовѣла, оставшись безъ всякихъ средствъ къ жизни, съ малолѣтнимъ сыномъ. Она, перебиваясь кое-какъ и живя Богъ знаетъ на какія средства, обучила сына грамотѣ—чтенію букваря, псалтири и другихъ учебниковъ того времени. Въ Юрьевѣ ей, съ подроставшимъ сыномъ, нечего было дѣлать, и она отправилась съ нимъ въ Москву, надѣясь пристроить его по торговой части и тѣмъ

избавиться отъ лишней обузы. Въ Москвѣ у матери Любопытнаго были кое-какіе знакомые, но всѣ они не нуждались въ мальчикахъ, и только послѣ долгихъ хлопотъ Павелъ былъ взятъ однимъ изъ незначительныхъ мучныхъ торговцевъ. Жизнь у торговца очень не нравилась Любопытному: лишенный материнской ласки, онъ очутился среди чужихъ людей, которые, въ видѣ выучки, всячески донекали мальчика, надо полагать, разсѣяннаго, невнимательнаго. Его всего болѣе возмущало стремленіе хозяина съ прикащиками обмануть покупателя, преимущественно крестьянина, и на этомъ пунктѣ онъ былъ самымъ плохимъ помощникомъ,—его честный характеръ положительно не выносилъ плутовства. Любопытный въ конецъ возненавидѣлъ мучную торговлю, по этому воспользовался первою возможностью, оторвался отъ нея и болѣе къ ней не возвращался.

Въ достопамятный 1812-й годъ Павелъ Онуфріевичъ вмѣстѣ со многими другими оставилъ Москву и жилъ неизвѣстно гдѣ. Только въ 1813 году онъ объявился въ Петербургѣ, гдѣ вскорѣ и сдѣлался подрядчикомъ по перевозкѣ кладей. Но и это занятіе не было выгоднымъ и „по душѣ“, да и совладать съ нимъ онъ не могъ. Съ его кладями то и дѣло бывали несчастія, происходившія или случайно, или отъ неумѣнья распорядиться дѣломъ, или же отъ обмана вощиковъ, изворотливыя плутни которыхъ были нестерпимы для его честнаго характера. Вообще для промышленныхъ занятій Любопытный не годился, да и они для него имѣли второстепенный интересъ.

Павелъ Онуфріевичъ съ дѣтства принадлежалъ къ поморской сектѣ, приверженцы которой имѣли въ Петербургѣ двѣ часовни, одну на Моховой, великолѣпно украшенную, которую Любопытный описалъ въ двухъ сочиненіяхъ—„Краткая и ясная исторія о существующемъ въ Петрополѣ великолѣпномъ храмѣ или часовнѣ поморской церкви, что на Моховой, принадлежащей Выгорѣцкой киновіи“ и „Ясное и подробное описаніе упомянутаго храма Выгорѣціи, всѣхъ безъ изъятія священныхъ его вещей“, а другую на Малой Охтѣ; къ послѣдней и принадлежалъ Любопытный. Онъ принималъ самое живое участіе въ ея судьбѣ, сильно хлопоталъ объ устройствѣ ея и процвѣтаніи; о себѣ онъ самъ говоритъ, что „былъ отличнымъ членомъ поморской церкви обѣихъ столицъ, Петрополя и Москвы и примѣрнымъ защитникомъ церкви“, что подтверждается и массой написанныхъ имъ сочиненій въ пользу своего общества.

На литературное поприще Любопытный выступилъ въ 1790 г. статьею „о бракѣ“. Съ 1816 по 1829 г. написано имъ, какъ онъ самъ говоритъ, 20 разныхъ твореній въ пользу и покровительство Малой Охты Поморской церкви. Изъ этихъ сочиненій можно указать на „Ясное и убѣдительное, духомъ благочестія и любовію дышащее воззваніе къ петербургскимъ гражданамъ поморской церкви о возбужденіи ихъ къ поспѣшнѣйшему выбору попечителей на Малую Охту къ часовнѣ и больницѣ“, „Трогательное, словомъ любви обогащенное общее воззваніе ко всей въ Петрополѣ поморской церкви, о непремѣнномъ и нужномъ

подвигѣ въ созданіи на Малой Охтѣ молитвеннаго дома и больницы, о ихъ благоустройствѣ и славѣ", „Ясное, трогательное и силою убѣжденія исполненное воззваніе, съ приличными ему стихами и картиною, ко всей поморской церкви въ Петрополѣ о должномъ устройствѣ и содержаніи Малоохтенской часовни и больницы, начертанное въ собирательной книгѣ, за подписаніемъ попечительскихъ рукъ, кое сохраняется въ библіотекѣ того мѣста", „Легкій и удобный планъ о средствахъ возвышенія чтимости и уваженія Малоохтенской часовни и того жилища въ Петрополѣ", „Трогательное и витійствомъ украшенное слово на обновленіе Малоохтенской часовни во градѣ Св. Петра" и др. Изъ всѣхъ писаній Любопытнаго видно, что онъ принималъ самое горячее участіе въ судьбѣ Мало-Охтенской часовни.

Дѣятельность Любопытнаго, однако, не ограничивалась заботами о своей часовнѣ,—онъ такъ же энергично дѣйствовалъ и на пользу вообще своихъ единовѣрцевъ, при чемъ главная его дѣятельность выразилась въ горячемъ защищеніи ученія поморской секты, а также въ ожесточенномъ нападеніи на всѣхъ противниковъ, преимущественно въ средѣ старообрядцевъ, изъ которыхъ особенное негодованіе его возбуждали раскольники безпоповщинской секты. Главнымъ предметомъ спора между послѣдними и поморцами былъ вопросъ о бракѣ, и въ немъ Любопытный принималъ самое горячее участіе, настаивая въ пользу брака. По этому вопросу онъ написалъ нѣсколько сочиненій, какъ, напр., „Занимательное, ясное и убѣжденіемъ

дышащее, показаніе объ образѣ существа въ законномъ бракѣ", „Живая, занимательная и духомъ истины поражающая критическая картина противъ грубаго и нечестиваго заблужденія бракоборцевъ", „Ясное, благочестивое и живымъ чувствомъ одушевленное брачное исповѣданіе Христовой церкви, съ картиною и стихами" и мног. друг. Любопытный ополчался противъ бракоборцевъ не только полемическими разсужденіями о бракѣ, но сатирами и пасквилями, стараясь поразить противниковъ духомъ сатиры и критики, поэмами въ ямбическихъ стихахъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что самъ онъ жилъ безукоризненною, безбрачною жизнью. Мать его упрашивала вступить въ бракъ, боясь гибели сына, но П. О. по многимъ причинамъ отклонялъ отъ себя бракъ и до конца жизни остался вѣренъ своему характеру. Главными причинами къ тому были бѣдность и жажда сочинительской или литературной славы; первая изъ нихъ была болѣе основательна, такъ какъ, какъ уже отмѣчено, онъ былъ неспособенъ къ какой-либо практической дѣятельности и ему поддерживать свое существованіе приходилось единственно милостями богатыхъ единомышленниковъ. Литературной славы, не смотря на любознательность и жажду знанія, Любопытный не пріобрѣлъ,—онъ былъ одинокъ, и скорѣе онъ прославился у однихъ какъ мелочной, ничтожный мѣщанинъ, у другихъ—какъ раздражительный, брачливый человѣкъ, слишкомъ много мечтавшій о себѣ. И дѣйствительно—въ своихъ утопическихъ сочиненіяхъ Павелъ Онуфріевичъ походилъ на больного человѣка, одержи-

маго бредомъ величія: онъ или ругался, или хвалилъ себя,—середины у него не было. Но какъ бы то ни было, все же сочиненія Любопытнаго представляютъ интересъ, именно въ томъ отношеніи, что онъ первый изъ старообрядцевъ сдѣлалъ попытку создать исторію по старообрядческимъ документамъ.

Нельзя не отмѣтить и другую черту въ твореніяхъ Любопытнаго: онъ, не какъ другіе старообрядцы, не былъ закоренѣлымъ, упорнымъ приверженцемъ старины, ему не была чужда и свѣтская литература. Достовѣрно извѣстно, что онъ хорошо былъ знакомъ съ Московскими студентами, при помощи которыхъ изучалъ грамматику, словесность, а вліяніе свѣтской литературы просвѣчиваетъ во многихъ его сочиненіяхъ.

Въ числѣ прочихъ сочиненій Любопытнаго заслуживаетъ особеннаго вниманія „Историческій словарь и Каталогъ или Библіотека старовѣрческой церкви", сочиненный имъ въ 1828—29 годахъ. Онъ самъ указываетъ на двѣ побудительныя причины, заставившія его приступить къ этому сочиненію: 1) чтобы показать тѣмъ, которые говорятъ, будто „старообрядцы сущіе невѣжи, о своей вѣрѣ и ея обрядахъ не имѣютъ никакого понятія, не знаютъ никакихъ наукъ словесности и чужды образованія ума и сердца",—показать, что они говорятъ неправду, и 2) чтобы самимъ сочленамъ старовѣрческой церкви указать этихъ просвѣщенныхъ мужей и принадлежащія имъ творенія. Вторая цѣль дѣйствительно достигнута, а первая нѣтъ,—указанныя имъ 86 лицъ являются, при искусной діа-

лектикѣ, поборниками самаго невѣжественнаго заблужденія. Каталогъ Любопытнаго, знакомя насъ съ литературною дѣятельностью старообрядцевъ двухъ самыхъ значительныхъ сектъ (поморской и ѳедосѣевской), является очень полезнымъ пособіемъ для занимающихся изслѣдованіемъ раскола, такъ какъ даетъ много указаній историческихъ на жизнь въ расколѣ. Этотъ словарь былъ нѣсколько разъ изданъ,—такъ, въ „Библіографическ. Запискахъ“ 1861 года Н. И. С-инъ (т.-е. Ник. Иван. Субботинъ) помѣстилъ „Замѣчательный опытъ раскольнической библіографіи“ (Предисловіе къ раскольнической библіографіи П. Любопытнаго) въ № 8, столб. 227—241, а потомъ тамъ же напечаталъ и этотъ словарь подъ заглавіемъ —„Раскольническая библіографія Павла Любопытнаго“ („Библ. Зап.,“ т. III, 1861 г., № 9, столб. 260—271; № 10, ст. 297—314; № 11, ст. 330—340; № 13, ст. 395—410, и № 14, ст. 418—444), что въ томъ же году было издано и отдѣльно: „Раскольническая библіографія Павла Любопытнаго.—Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви, собранный тщаніемъ Павла Любопытнаго, въ С.-Петербургѣ 1829 года“ (М., тип. Грачева, 1861. 8°. 152 стр.). Это изданіе г. Субботина сдѣлано было съ отступленіемъ отъ подлинника,—издатель допустилъ произвольныя сокращенія и перестановку упоминаемыхъ въ каталогѣ статей. Во второй разъ Словарь и Каталогъ были помѣщены въ „Чтеніяхъ Император. Общества Исторіи и Древностей при Москов. Университ.“ подъ заглавіемъ—„Каталогъ или Библіо-

тека Старовѣрческой церкви, собранный тщаніемъ Павла Любопытнаго" (1863 г., кн. I, отд. II, стр. 1—66) и „Историческій Словарь Старовѣрческой Церкви, описывающій по алфавиту имена ученыхъ особъ оной, основателей согласій, пастырей и буквалистовъ, съ показаніемъ ихъ церкви, отличій, званія, жизни, лѣтъ, кончины и пр. Сочиненъ Павломъ Любопытнымъ въ Петрополѣ 1828". Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго (1863, кн. I, отд. II, стр. 119—178). Въ третій разъ словарь и каталогъ были изданы въ 1866 году,—они вошли въ „Сборникъ для исторіи старообрядчества", издаваемый Никол. И. Поповымъ, именно во 2-й томъ, вып. V (М., Синод. тип., 1866 г.), гдѣ въ приложеніи помѣщены подъ такимъ заглавіемъ—„Историческій Словарь и Каталогъ или Библіотека старовѣрческой церкви". Сочиненіе Павла Онуфріева Любопытнаго (1828—1829). Съ приложеніемъ краткихъ очерковъ жизни автора и его портрета. Изданіе Н. И. Попова. Москва. Въ Университ. тип. (Катковъ и К°), на Страстномъ бульварѣ. 1866. 8°. 1 портретъ, стр. 1—204, а на стр. 205—217 „Краткое наставленіе членамъ старовѣрческой церкви въ образованіи вѣры и ума и какъ быть истиннымъ сыномъ и прямымъ философомъ Христовой церкви, сочиненное въ Петрополѣ, П. Л. 1830 года"; на стр. 218—220 помѣщено сочиненіе Андреяна Сергѣева „Сатирическій отвѣтъ Павлу Онуфріеву Любопытному на его гимнъ *О пѣніи*"; наконецъ, стр. I—IV занимаютъ оглавленіе. (Біографія, написанная Николаемъ Поповымъ на основаніи свѣдѣній,

сообщенныхъ Дм. Ѳед. Болотовымъ († въ февралѣ 1866 г. въ Петербургѣ), помѣщена на стр. 14—29). Тогда же, въ 1866 г., Словарь и Каталогъ вышли и отдѣльно (204 стр.). Наконецъ, каталогъ еще разъ былъ перепечатанъ Ѳ. Ливановымъ въ IV томѣ его „Раскольниковъ и острожниковъ". (Спб., 1873 г., 8°).

Изъ другихъ сочиненій Любопытнаго (всѣхъ ихъ, по его перечню, 97, да предполагалъ онъ въ 1829 г. еще написать 49) напечатано „Сочиненіе раздороучителя о замірщеніи" (отвѣтъ о несообщеніи правовѣрныхъ христіанъ съ внѣшними (т. е. церковными) въ моленіи и трапезѣ) въ журналѣ „Истина" 1880 г., кн. 68, да въ статьѣ Н. И. Костомарова—„Исторія раскола у раскольниковъ" („Вѣсти. Европ." 1871, № 4) напечатано „Хронологическое Ядро старообрядческой церкви, объясняющее всѣ отличныя ихъ дѣянія съ 1650 по 1819 г.," соч. Нав. Любопытнаго. (Тоже въ XII т. „Историч. монографіи и изслѣдованія" Костомарова).

Въ своихъ писаніяхъ Навелъ Онуфріевичъ не чуждъ былъ самовосхваленія: будущіе свои труды онъ называетъ прекрасными, занимательными, безпристрастными; при одномъ сочиненіи онъ помѣстилъ „занимательную, живую и въ блестящемъ видѣ изображенную картину со стихами славы писателя сего Каталога или Библіотеки", гдѣ начертанъ портретъ автора, увѣнчаннаго славою и необычайнымъ свѣтомъ вокругъ своей главы, „яко сына свѣта достоитъ ему нарицаться „свѣтозаровымъ". Подъ этой фамиліей (№ 71—Платонъ Львовичъ Свѣтозаровъ) онъ и описалъ себя въ сло-

варѣ, гдѣ говоритъ о себѣ. между прочимъ, слѣдующее:... „поморской церкви знатный членъ, мужъ благочестивый, ученый и высокихъ талантовъ.... славный и разительный творецъ многихъ книгъ противъ нечестія бракоборцевъ“.... Про наружность свою отмѣчаетъ: „Онъ ростъ имѣетъ средній. корпусъ красивый, власы русые, лице бѣлое и продолговатое, взоръ веселый и пріятный, освѣщенный скромностію и размышленіемъ; брада у него окладистая, продолговатая и на концѣ раздвоенная.... Первый взоръ на него даетъ знать всякому, что онъ заключаетъ въ себѣ мужа важнаго и рѣдкаго“....

Сочиненія Любопытнаго, какъ писателя высокопарнаго, надменнаго, не сдерживавшаго себя въ обращеніяхъ къ противникамъ, мало располагали въ его пользу и единомышленниковъ, которые считали его горькимъ труженикомъ, безполезнымъ и вреднымъ для общества, и всячески старались вредить ему, особенно въ матеріальномъ отношеніи. Въ послѣднемъ они успѣвали. Пристроившись къ Мало-Охтенской молельнѣ, П. О. жилъ на ея средства и, пользуясь досугомъ, собиралъ различные матеріалы и написалъ большую часть своихъ сочиненій; но и здѣсь онъ, благодаря своему строптивому и самоувѣренному перу, не долго, сравнительно, прожилъ въ согласіи съ главными лицами моленной,—онъ былъ удаленъ изъ нея и лишенъ средствъ. Тогда онъ пристроился къ одному благодѣтелю, который отвелъ ему въ мезонинѣ уголъ, но безъ стола. Вынужденный доставать кусокъ хлѣба (часто приходилось ему оставаться

и безъ ѣды), Любопытный все же не покидалъ своихъ писаній,—онъ былъ почти маніакъ, посвящавшій всѣ свободныя минуты писанію, забившись въ свою каморку, виршей, панегириковъ въ свою пользу и отлитыхъ въ грубую форму обличеній противниковъ. За какое-то сочиненіе обидѣлся на него и благодѣтель и велѣлъ выгнать 65-лѣтняго старца, которому снова пришлось искать пристанища, и такъ нѣсколько разъ... Наконецъ, онъ сдѣлался тягостнымъ и для своего общества, и Любопытный, проживший около 30 лѣтъ въ Петербургѣ, въ началѣ 40-хъ годовъ оставилъ этотъ городъ, отдавъ сочиненія свои на сохраненіе Д. Ѳ. Болотову. Изъ Петербурга П. О. направился въ Астрахань, выписалъ туда свои сочиненія и жилъ тамъ очень бѣдно. Въ послѣднее время онъ проживалъ то въ Саратовской, то въ Астраханской губерніи. Умеръ П. О. въ Камышинѣ, Саратовской губерніи, 17 іюня 1848 года, на 75 году жизни.

Интересную характеристику Павла Онуфріевича можно найти въ указанномъ изданіи П. П. Попова, куда и отсылаемъ интересующихся.

О Любопытномъ см. „Краткій очеркъ жизни П. О. Любопытнаго“, П. П. Попова въ его „Сборникѣ для исторіи старообрядчества“. Т. II, вып. V. М., 1866. 8°, въ приложеніи, стр. 14—29 и портретъ; тамъ же еще стр. 5—13, 150—167 и 218—220.—„Справочн. словарь о рус. писат. и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ“. Г. П. Геннади. Т. II. Берлинъ, 1880. 4°, стр. 268.—„Энциклоп. Словарь“,

изд. Брокгауза и Ефрона. Т. XVIII (полут. 35). Спб., 1896. 8°, стр. 218.—„Настольн. Энциклоп. словарь“, изд. бывш. товарищ. А. Гарбель и К°. Т. 4-й (вып. 60-й). М., 1893 г., 8°, стр. 2871.

XXXIV.

Е. М. Алексинскій.

Еонмъ Михайловичъ Алексинскій, много поработавшій на педагогическомъ поприщѣ и подготовившій массу достойныхъ служителей духовнаго званія, былъ сынъ протоіерея села Иванова (нынѣ гор. Иваново-Вознесенска), шуйскаго уѣзда и родился 18 декабря 1813 года.

Дѣтство его прошло при—сравнительно—благопріятной обстановкѣ,—родители были люди развитые, выдѣлявшіеся изъ среды собратовъ, и по тогдашнему времени довольно зажиточные. Благодаря всему этому обстоятельства сложились такъ, что мальчикъ былъ дома основательно подготовленъ къ поступленію въ училище и на первыхъ порахъ безъ особаго труда преодолѣвалъ премудрость преподаваемыхъ наукъ въ Шуйскомъ духовномъ училищѣ, куда онъ поступилъ въ 1822 году. Для Алексинскаго школа была не страшна, съ нею онъ скоро освоился, а его родители приложили все стараніе, чтобы мальчикъ не подвергался многочисленнымъ бѣдамъ тогдашней училищной жизни.

Е. М. Алексинскій кончилъ курсъ въ училищѣ въ 1828 году подъ № 5 и въ первомъ разрядѣ перешелъ во Владимірскую духовную семинарію.

Въ семинаріи въ то время господствовалъ духъ классицизма; отъ воспитанниковъ требовалось весьма отчетливое знаніе древнихъ языковъ (говорили и писали на нихъ), и, кромѣ того, не былъ въ загонѣ и русскій: ученики упражнялись въ произнесеніи рѣчей, проповѣдей. въ писаніи стиховъ, шарадъ, эпиграммъ и даже повѣстей. Въ семинаріи еще живо было воспоминаніе о временахъ Ксенофонта, объ изданіи „Семинарскаго Вѣстника". Отецъ Ефима Михайловича, какъ видно изъ сохранившихся рукописныхъ тетрадокъ начала нынѣшняго столѣтія, самъ принималъ участіе въ произнесеніи и писаніи поздравительныхъ рѣчей по случаю тезоименитства Ксенофонта. Все это клало отпечатокъ и на молодого Алексинскаго, который при богатыхъ дарованіяхъ развивался умственно не по лѣтамъ и успѣвалъ въ наукахъ. Въ 1834 г. Алексинскій кончилъ курсъ первымъ студентомъ и былъ посланъ въ московскую духовную академію, въ составъ XI курса.

Въ московской академіи въ то время было чему поучиться: въ числѣ профессоровъ были Филаретъ Гумилевскій, Голубинскій, Делицинъ и Горскій, составлявшіе красу и гордость академіи. Алексинскій и здѣсь отличался выдающимися успѣхами и во все продолженіе академическаго курса шелъ въ числѣ первыхъ учениковъ. Предъ окончаніемъ курса случилась, однако, какая-то исторія и Ефимъ Михайловичъ хотя и кончилъ магистромъ, но только подъ номеромъ 10. Ма-

гистерское сочиненіе Алексинскаго, писанное, конечно, въ годъ окончанія курса, въ 1838 г., было напечатано только въ 1861 г. въ „Православномъ Обозрѣніи“ подъ заглавіемъ—„Св. Амвросій, епископъ Медіоланскій“ (1861, т. IV, № 4, стр. 465—502, и т. V, № 5, стр. 19—49).

Въ годъ окончанія академическаго курса Е. М. былъ опредѣленъ преподавателемъ философіи и словесности въ псковскую семинарію, гдѣ молодому магистру сразу отрѣзывался путь къ научнымъ занятіямъ, такъ какъ въ большинствѣ провинціальныхъ семинарій тогда не было собранія научныхъ пособій. Это хорошо сознавало и академическое начальство, которое, желая дать особенно даровитымъ личностямъ возможность научныхъ занятій, Алексинскаго продержало въ Псковѣ не долго: въ октябрѣ 1839 г. онъ уже былъ перемѣщенъ въ Московскую духовную семинарію для преподаванія математики, физики, библейской исторіи и нѣмецкаго языка. Эти предметы Е. М. преподавалъ только одинъ годъ,—въ 1840 г. ему опять было поручено преподавать тѣ науки, которыя преподавалъ онъ и въ Псковѣ,—логику и психологію съ присоединеніемъ латинскаго языка; черезъ годъ къ этимъ предметамъ присоединенъ былъ еще еврейскій языкъ.

Московская семинарія, какъ извѣстно, въ преобразованномъ видѣ съ 1814 г. до сентября 1823 г. помѣщалась внѣ Москвы, въ Николо-Перервинскомъ монастырѣ, а потомъ (1823—1844) въ городѣ, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. За все это время семинарія не нуждалась въ особомъ священникѣ, такъ

какъ его должность исправляли іеромонахи. Въ 1844 г. былъ купленъ для семинаріи домъ наслѣдниковъ графа Остермана, въ Большомъ Каретномъ ряду, и тогда возникъ вопросъ объ особой церкви и своемъ священникѣ. На должность послѣдняго 25 декабря 1844 г. и былъ посвященъ митрополитомъ профессоръ Алексинскій, съ оставленіемъ въ прежней должности. Такимъ образомъ, Е. М. былъ первымъ священникомъ семинарской церкви въ Москвѣ. Съ этого же времени его преподавательская дѣятельность была посвящена богословію въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, такъ что ему не остался чуждымъ ни одинъ изъ богословскихъ предметовъ, преподаваемыхъ въ семинаріи. Съ начала 1841 г. Е. М. былъ переведенъ на должность помощника ректора по учебной части и сталъ преподавать нравоучительное богословіе, ученіе о вѣроисповѣданіяхъ и ученіе объ обязанностяхъ пресвитеровъ. Съ этихъ-то поръ и начинается то огромное вліяніе Алексинскаго на ту часть духовенства Москвы и московской епархіи, которая вышла изъ московской семинаріи. Въ теченіе почти четверти столѣтія въ рукахъ Алексинскаго находилось спеціальное воспитаніе и первоначальное руководство лицъ, имѣющихъ занять священнослужительскія должности, такъ что онъ былъ пастырь будущихъ пастырей. Въ 1846 г. Ефиму Михайловичу было поручено преподаваніе и гомилетики или науки о церковномъ проповѣдничествѣ а съ 1854 г.—и ученіе о расколѣ. Все это дѣлалось по желанію митрополита Филарета, и въ этомъ нельзя не видѣть тѣхъ достоинствъ, которыя признавалъ въ

Алексинскомъ строгій и прозорливый митрополитъ. Съ 1850 г. Е. М. былъ и семинарскимъ библіотекаремъ, а по преобразованіи семинаріи былъ почтенъ со стороны семинарской корпораціи избраніемъ въ члены педагогическаго собранія, и дѣйствительно былъ добрымъ совѣтникомъ и сотрудникомъ.

Прослуживъ 30 лѣтъ въ семинаріи, Е. М. Алексинскій въ 1868 г. службу въ ней оставилъ. Прощаніе его было самое трогательное. Воспитанники выразили свою благодарность наставнику въ задушевныхъ, искреннихъ и горячихъ рѣчахъ и адресахъ, свидѣтельствующихъ о глубочайшей любви и признательности къ дорогому наставнику и другу за совѣты и наставленія, за заботы объ образованіи изъ нихъ ревностныхъ и полезныхъ проповѣдниковъ.

Изъ семинаріи Е. М. былъ перемѣщенъ, въ санѣ протоіерея, сначала къ церкви при Ремесленной богадѣльнѣ, а потомъ къ приходской Воскресенской церкви, что въ Таганкѣ. И здѣсь протоіерей Алексинскій заслужилъ общее уваженіе,—особенно его проповѣди всегда отличались простотою, назидательностію, примѣнимостью къ состоянію слушателей и художественностію выраженія. Въ богадѣльнѣ онъ усерднымъ исполненіемъ священническаго долга и ласковымъ обращеніемъ заслужилъ любовь призрѣваемыхъ и оставилъ въ нихъ благодарныя воспоминанія. Добротой сердца, общительностію и доступностью для всѣхъ и каждаго и всего болѣе своимъ рѣдкимъ даромъ наилучшаго отца духовнаго, Е. М. снискалъ общее расположеніе и сочувствіе прихожанъ и Воскресенской церкви. За

усердную и полезную службу онъ получилъ нѣсколько наградъ, которыми всегда начальство поощряло и отличало полезнаго труженика.

Смерть Е. М. Алексинскаго не была неожиданностью для всѣхъ, близко знавшихъ его. Въ началѣ 1881 г. у него обнаружилась слабость въ ногахъ, такъ что не могъ ходить онъ безъ посторонней помощи; въ маѣ 1882 г. отнялся и языкъ у Еоима Михайловича, а 12 іюля того же года онъ тихо скончался, не потерявъ до самой смерти сознанія. Похороненъ онъ 14 іюля 1882 г въ Москвѣ на Пятницкомъ кладбищѣ.

Самымъ выдающимся, плодотворнымъ и полезнымъ былъ періодъ дѣятельности Алексинскаго въ семинаріи, прошедшій подъ руководствомъ митрополита Филарета. Здѣсь начальство назначало его на всякій предметъ, зная, что онъ, что нужно сдѣлаетъ. И дѣйствительно, это былъ опытный преподаватель, искусный проповѣдникъ въ церкви, остроумный, будящій юношескіе умы къ благородному соревнованію цѣнитель ихъ собственныхъ опытовъ въ классѣ и примѣрный руководитель. Онъ былъ украшеніемъ московской семинаріи: обширная начитанность и опыты жизни при несомнѣнной любви къ дѣлу энергичнаго профессора дѣлали лекціи его живыми, занимательными, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ рѣдкій даръ совмѣщать простоту изложенія съ силою слова учительнаго. Въ частной жизни Е. М. былъ простой въ обращеніи и обходительный со всякимъ.

Объ Алексинскомъ см. „Исторія Шуйскаго, Владимір. губ., духовн. училища“, свящ. Е. Правдина. Вла-

димiръ, 1887 г. 8°, стр. 193.—„Исторiя москов. духовн. академiи“, С. К. Смирнова. М., 1879 г. 8°, стр. 239 и 546.—„Москов. духовн. семинарiя“, Н. И. Кедрова. М., 1889 г. 8°, стр. 19 (въ прибавленiи).—„Москов. Церковн. Вѣдомости“, 1882 г., № 31.—„Православ. Обозрѣнiе“ 1882 г., т. 2-й, № 8, стр. 780—788 (Одного изъ сослуживцевъ покойнаго).—„Обзоръ жизни и трудовъ покойн. рус. писателей“, Д. Д. Языкова. Вып. 2-й. Спб., 1885 г. 8°, стр. 7.—

XXXV.

И. В. Рождественскiй.

Иванъ Васильевичъ Рождественскiй, настоятель малой церкви Зимняго Дворца и членъ Святѣйшаго Синода, родился въ селѣ Богоявленскiй погостъ, Вязниковскаго уѣзда, Владимiрской губернiи, 18 января 1815 года. Дѣтство и учебные годы мальчика прошли при особыхъ обстоятельствахъ. Рано лишился онъ матери и отецъ его, священникъ Василiй Гавриловичъ, овдовѣвъ, поступилъ въ Рождественскiй, что при Архiерейскомъ домѣ въ гор. Владимiрѣ, монастырь; съ отцомъ поселился тамъ и мальчикъ Рождественскiй. Это обстоятельство не могло не имѣть вліянiя на развитiе Ивана Васильевича, особенно въ нравственномъ отношенiи: посѣщая вмѣстѣ съ отцомъ очень часто церковныя службы, онъ, чут-

кій ко всему прекрасному, полюбилъ богослуженіе, чему не мало помогло и то, что самъ онъ, обладая хорошимъ голосомъ и слухомъ, лично принималъ участіе въ качествѣ чтеца и пѣвца. И впослѣдствіи для Ивана Васильевича составляло величайшее удовольствіе слушать прекрасное церковное пѣніе: болѣе 30 лѣтъ знаменитый хоръ придворныхъ пѣвчихъ своимъ стройнымъ пѣніемъ удовлетворялъ это желаніе Рождественскаго

Въ тѣ отдаленныя времена на Владимірской каѳедрѣ находился преосвященный Парѳеній, который скоро обратилъ вниманіе на даровитаго мальчика и приблизилъ его къ себѣ, полюбилъ его и осыпалъ всякими милостями. Рождественскій, какъ талантливый мальчикъ, въ это время легко побѣждалъ трудности тогдашняго ученія и шелъ во главѣ своихъ сверстниковъ какъ въ училищѣ, такъ и во Владимірской семинаріи: въ 1833 г., когда И. В. исполнилось только 18 лѣтъ, онъ, какъ ученикъ богословія, уже былъ избранъ семинарскимъ начальствомъ для отправки въ С.-Петербургскую Духовную Академію, въ которую тогда же и поступилъ, въ составъ XII курса, вмѣстѣ съ Ѳ. М. Надеждинымъ и другими двумя товарищами. Въ академіи И. В. Рождественскій оказывалъ постоянно тѣ же выдающіеся успѣхи и въ 1837 году, 22 лѣтъ отъ роду, окончилъ высшее образованіе третьимъ магистромъ.

Для молодого ученаго открывался широкій путь къ извѣстности, но И. В. избралъ болѣе скромный и болѣе плодотворный: вскорѣ по окончаніи курса въ академіи онъ былъ назначенъ профессоромъ въ Ря-

занскую семинарію, гдѣ однако пробылъ менѣе года и въ августѣ 1833 г. былъ перемѣщенъ въ петербургскую семинарію на каѳедру словесности: въ 1839 г. временно преподавалъ онъ еще гражданскую исторію, а въ іюлѣ того же года совсѣмъ вышелъ изъ состава преподавателей семинаріи. Причиной къ этому было то, что тогда только что устроена была церковь при Дворянскомъ полку, настоятелемъ которой и былъ опредѣленъ П. В. Рождественскій

Церковь Дворянскаго полка находилась въ отдаленной части Петербурга и П. В., уходя изъ семинаріи на должность священника и законоучителя въ скромной средѣ военно-учебныхъ заведеній, обрекалъ себя на неизвѣстность: но онъ славы не искалъ, желая единственно мирно служить Богу и людямъ въ званіи священника и законоучителя. Рождественскому было только 25 лѣтъ, когда онъ принялъ священство, и директоръ Дворянскаго полка Н. И. Пущинъ, извѣстный своей заботливостью о благоустройствѣ ввѣреннаго ему заведенія, при первой встрѣчѣ съ Иваномъ Васильевичемъ не скрылъ отъ него, что находитъ его слишкомъ молодымъ для такого отвѣтственнаго поста, какъ служеніе пастыря и законоучителя. Это замѣчаніе нѣсколько смутило скромнаго Рождественскаго и заставило его съ перваго шага отдаться избранному дѣлу всею душею И онъ скоро заставилъ говорить и думать о себѣ иначе. Любовь къ молодымъ людямъ привлекла къ нему ихъ сердца и сдѣлала ихъ безусловно преданными ему.—внимательный директоръ удивился, какъ быстро все под-

чинился пастырскому авторитету слишкомъ молодого законоучителя, и, оставивъ всякое недовѣріе, сдѣлался неизмѣннымъ другомъ Ивана Васильевича и дружбу свою завѣщалъ въ наслѣдіе своему семейству

Весьма полезная дѣятельность И. В. Рождественскаго обратила на него вниманіе помощника главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, извѣстнаго Я. И. Ростовцева и самого главнаго начальника Великаго Князя Михаила Павловича. Ростовцевъ особенно любилъ и уважалъ Ивана Васильевича: онъ бралъ его съ собою въ свои поѣздки для ревизіи провинціальныхъ военно-учебныхъ заведеній и придавалъ большое значеніе всѣмъ его замѣчаніямъ. Въ исторіи не только военно учебныхъ, но и всѣхъ заведеній въ Россіи, не было законоучителя, который бы пользовался такимъ авторитетомъ у самаго высшаго своего начальства.

Извѣстность, пріобрѣтенная педагогическою опытностью и пастырскою мудростію протоіерея И. В. Рождественскаго, еще увеличивалась вслѣдствіе блестящихъ пастырскихъ рѣчей, произносимыхъ имъ ежегодно предъ присягою вновь произведенныхъ офицеровъ изъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній Петербурга съ 40-го ко 50-й годъ. Послѣдняя рѣчь, произнесенная въ присутствіи бывшаго тогда Наслѣдникомъ престола, Цесаревича Александра Николаевича, произвела на Августѣйшаго Слушателя такое сильное впечатлѣніе, что Онъ обратилъ вниманіе своего державнаго Родителя, Государя Императора Николая Павловича, на духовнаго оратора. Государь потребо-

валъ себѣ экземпляръ всѣхъ произнесенныхъ Иваномъ Васильевичемъ рѣчей, принялъ ихъ благосклонно и наградилъ даровитаго проповѣдника.

Упомянутыя рѣчи составляютъ почти единственное литературное наслѣдіе, оставшееся послѣ И. В. Рождественскаго. Онъ произносилъ ихъ каждый годъ и своевременно эти рѣчи печатались,—такъ, извѣстны намъ: „Рѣчь новопроизведеннымъ гг. офицерамъ изъ воспитанниковъ Дворянскаго полка, произнесенная предъ присягою ихъ, священникомъ Ив. Рождественскимъ, сентября 12 дня 1841 года" и напечатанная въ „Журналѣ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній" 1841 г., т. 34, № 133, стр. 7—15; такія же рѣчи произносились и печатались и въ послѣдующіе годы: августа 15 дня 1842 года —въ „Журн. для чт. воспит. военно-учебн. завед." 1842 г., т. 38, № 149, стр. 9—22 (перепечатана въ „Христіанск. Чтеніи" 1842, ч. 4, стр. 294—310); августа 13 дня 1843 г.—въ „Журн. для чт. воспит. воен.-учебн. зав." 1843, т. 44, № 174, стр. 129—144; августа 26 дня 1844 г.—тамъ же, 1844 г., т. 50, № 198, стр. 125—138; августа 23 дня 1845 г. —тамъ же, 1845, т. 56, № 222, стр 123—138; августа 26 дня 1846 г.—тамъ же, 1846 г., т. 62, № 246, стр. 89—106; августа 28 дня 1847 г.— тамъ же, 1847 г., т. 68, № 270, стр. 137—152; іюня 23 дня 1848 года—тамъ же, 1848 г., т. 73, № 289, стр. 113—128; августа 18 дня 1850 г. —тамъ же, 1850, т. 86, № 343, стр. 187—197. Всѣ эти рѣчи въ 1850 году были собраны подъ

заглавіемъ—„Рѣчи, говоренныя при выпускѣ въ офицеры воспитанниковъ Дворянскаго полка съ 1840 по 1850 годъ" и тогда же напечатаны (Спб., тип. Военно-Учебныхъ Заведеній, 1850. 8о).

Въ воспоминаніи извѣстнаго военнаго писателя и ученаго М. И. Веньюкова находимъ объясненія того успѣха педагогической дѣятельности Рождественскаго въ Дворянскомъ полку, благодаря которому онъ сдѣлался извѣстенъ въ самыхъ высшихъ сферахъ Петербурга. „Въ эпоху 1840-хъ и начала 1850-хъ годовъ, говоритъ г. Веньюковъ, встрѣтить въ военно-учебныхъ заведеніяхъ воспитателя, который вносилъ бы въ свои труды чувство любви къ своимъ питомцамъ и былъ ими искренно любимъ и уважаемъ, было большою рѣдкостью. И. В. Рождественскій именно представлялъ подобную рѣдкость. Видя, какому жосткому, чтобъ не сказать жестокому, режиму приходится покориться отрокамъ и юношамъ, онъ, по мѣрѣ возможности, старался смягчить для нихъ горечь такого удѣла осмысленіемъ, въ ихъ глазахъ, теоріи кадетскаго воспитанія. Отсюда его извѣстное печатное „Письмо отца-офицера къ сыну-кадету", гдѣ онъ объяснялъ и оправдывалъ главныя черты кадетской педагогики. Но такой печатной защиты ему было мало: для примиренія воспитанниковъ съ наложенными на нихъ узами онъ употреблялъ постоянно живое слово. Кромѣ классовъ, гдѣ уроки его были такъ гуманны и занимательны, что ихъ слушали со вниманіемъ католики, лютеране и мусульмане, онъ часто посѣщалъ кадетовъ въ ротахъ, особенно по вечерамъ,

и тутъ всегда былъ окружаемъ толпою воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ, съ которыми бесѣдовалъ просто, какъ человѣкъ, безъ малѣйшаго педагогическаго чванства, безъ догматическаго тона, безъ выговоровъ и поученій, съ привѣтливою улыбкою на устахъ. Даже скептики, которымъ преподаваемый имъ предметъ былъ вовсе не по душѣ, слушали его съ увлеченіемъ, они, быть можетъ, съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ всѣ остальные, потому что онъ анализировалъ всякаго рода религіозныя сомнѣнія съ ясностью и спокойствіемъ философа-гуманиста. Въ 1845—1850 годахъ, когда учился Веневовъ, было, говоритъ онъ, въ Дворянскомъ полку не мало юношей реалистовъ, которыхъ свирѣпые ротные педагоги—палачи звали „подлецами—нимистами, что по формуламъ доходятъ до сотворенія міра, а, слѣдовательно, не вѣрятъ въ авторитеты". Вотъ съ этими-то педагогами представлялъ поразительную разницу И В. Рождественскій, хотя ему то, казалось бы, по должности „пастыря душъ", и слѣдовало сурово загонять въ стадо „заблудшихъ овецъ". Но этого не было. Въ дѣлѣ убѣжденій онъ зналъ только одинъ педагогическій пріемъ—убѣжденіе силою гуманно настроеннаго чувства, а гдѣ можно и логики. Отъ того такъ скоро обратилъ онъ на себя вниманіе Я. И Ростовцева и другихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ кадетскаго образованія и доставившихъ ему потомъ мѣсто преподавателя у Великихъ Князей. О преподавательскомъ талантѣ его въ классахъ я не говорю: слушать его уроки церковной исторіи было истиннымъ

удовольствіемъ: ни тѣни ультрамонтанства и мистицизма, никакихъ риторическихъ, напыщенныхъ фразъ, столь обычныхъ у нашего духовенства, никакихъ упрековъ ученикамъ за неудачные отвѣты и одна спокойная, неумытная справедливость. И когда къ почтенному законоучителю воспитанники его являлись на исповѣдь, такъ это бывала искренняя, чистая исповѣдь молодого сердца предъ человѣкомъ, на честность котораго можно было вполнѣ положиться и котораго совѣтъ объ исправленіи ошибокъ былъ всегда практиченъ, уменъ и доброжелателенъ".

Извѣстность И. В. Рождественскаго, какъ опытнаго педагога, была такъ велика, что когда въ Артиллерійскомъ Училищѣ законоучитель И. Ф. Раевскій оставилъ службу, а начальникъ училища баронъ И. О. Розенъ, будучи протестантомъ, не рѣшился принять на себя лично выборъ законоучителя и обратился по этому предмету за совѣтомъ и указаніемъ къ Я. И. Ростовцеву, послѣдній, указывая на Рождественскаго, въ оффиціальномъ отвѣтѣ бар. Розену собственною рукою приписалъ: „... лучше этого священника, я думаю, нѣтъ и въ Россіи: очень счастливъ быть Вамъ пріятнымъ". Иванъ Васильевичъ преподавалъ Законъ Божій въ училищѣ не долго, съ 1846 по 1849 годъ, но, не смотря на это, память о немъ живо сохранилась въ умахъ и сердцахъ тѣхъ, которые ему были обязаны своимъ религіознымъ и нравственнымъ образованіемъ. И училище съ уваженіемъ и признательностію вспоминаетъ Ивана Васильевича за пользу, которую онъ принесъ воспитан-

никамъ училища. Вліяніе Рождественскаго на учащихся было громадное. И. В. былъ преподавателемъ строгимъ и воспитанники считали немыслимымъ когда-либо не быть готовыми къ отвѣтамъ изъ Закона Божія... Заслужить одобреніе законоучителя считалось почетомъ, а вызвать его укоръ—стыдомъ, который ронялъ воспитанника и въ собственномъ его мнѣніи и въ мнѣніи товарищей.

Высшимъ признаніемъ заслугъ Рождественскаго было то, что Великая Княгиня Марія Николаевна, желая окружить своихъ дѣтей выдающимися педагогами, призвала Ивана Васильевича къ своему двору въ 1859 г. Съ этого года жизнь и дѣятельность Ивана Васильевича были посвящены Царскому Семейству. Великая Княгиня почтила Рождественскаго такимъ же полнымъ довѣріемъ, какое оказывалъ ему Ростовцевъ. Въ 1860 году Иванъ Васильевичъ былъ переведенъ къ Большому Двору и сталъ преподавать Законъ Божій Августѣйшимъ Дѣтямъ незабвеннаго Государя Императора Александра Николаевича.

Счастливый любовью всѣхъ своихъ питомцевъ, И. В. Рождественскій былъ осчастливленъ вниманіемъ и любовію всего Царскаго Дома. Покойный Государь Императоръ Александръ Николаевичъ призвалъ протоіерея Ивана Васильевича въ 1865 году къ присутствію въ Св. Синодъ, и добрый пастырь, умудренный опытомъ жизни, хорошо знакомый съ бытомъ и нуждами духовенства, всѣмъ доступный, явился въ сонмѣ высшихъ іерарховъ, правящихъ нашею церковію, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Духо-

венство всей Россіи почитало его сильнымъ представителемъ за себя, а петербургское духовенство, близко знавшее его, особенно любило Ивана Васильевича.

Кромѣ указанныхъ нами великихъ и отвѣтственныхъ обязанностей, И. В. исполнялъ множество и другихъ, изъ коихъ для примѣра можно указать на слѣдующія. Въ 1855 г. Государь Императоръ, въ отеческой заботливости о духовно-нравственномъ назиданіи православнаго русскаго народа, признавая полезнымъ, при распространяющейся грамотности, усилить изданія краткихъ и дешевыхъ книгъ, въ коихъ предлагалось бы простолюдинамъ чтеніе, утверждающее сердца въ вѣрѣ, въ преданности Престолу и въ благихъ правахъ, Высочайше повелѣлъ учредить въ Петербургѣ особый Комитетъ для изданія таковыхъ книгъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Св. Синода. Въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія 30 сентября 1855 г. и учрежденъ былъ означенный Комитетъ, въ число членовъ котораго былъ назначенъ и И. В. Рождественскій.

При духовныхъ академіяхъ, по уставу 1814 года, учреждены были конференціи, въ составъ которыхъ входили, кромѣ ректора и ординарныхъ профессоровъ, какъ внѣшніе члены, „десять особъ“ изъ духовенства, извѣстныхъ конференціи со стороны просвѣщенія, трудолюбія и готовности исполнять порученія, на нихъ возлагаемыя по разсмотрѣнію книгъ, предназначаемыхъ для учебнаго употребленія, сочиненій представляемыхъ на ученыя степени, по цензурѣ книгъ, обозрѣнію семинарій и пр. Въ числѣ этихъ „десяти

особъ" съ 1848 г. состоялъ при Петербургской Духовной академіи и придворный протоіерей Иванъ Васильевичъ Рождественскій; въ 1862 г. по прошенію онъ уволенъ былъ отъ этой должности, при чемъ за 14-лѣтнее усердное и полезное исполненіе обязанностей по оной преподано ему было благословеніе Святѣйшаго Синода.

Служивъ на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности съ особеннымъ отличіемъ, протоіерей Рождественскій имѣлъ и награды отличныя, доступныя не многимъ избранникамъ изъ бѣлаго духовенства: митру, ордена—св. Анны 1-ой степени, св. Владиміра 2-ой степени, св. Александра Невскаго съ алмазными украшеніями и иностранные ордена со звѣздами: греческій и португальскій Спасителя.

Въ частной жизни своей Иванъ Васильевичъ отличался самою широкою благотворительностью. Рано лишившись жены и дѣтей, онъ открылъ свое любящее сердце для другихъ. Многіе бѣдные земляки и землячки его, оканчивавшіе въ Петербургѣ образованіе свое, пользовались постоянною его помощью. Во Владимірской семинаріи, петербургской академіи, въ женскихъ училищахъ царскосельскомъ и владимірскомъ онъ учредилъ стипендіи. Самымъ крупнымъ и симпатичнымъ пожертвованіемъ его было открытіе богадѣльни его имени для священно-церковно-служительскихъ вдовъ и сиротъ въ гор. Вязникахъ, Владимірской губерніи. Пожертвованіе на это учрежденіе сдѣлано было имъ въ 1869 г., богадѣльня открыта въ 1870 г., а въ 1883 г. устроена при ней и церковь.

Хотя И. В. Рождественскій никогда не отличался особенно крѣпкимъ здоровьемъ, но при правильномъ

образѣ жизни ему удалось дожить до преклонныхъ лѣтъ. Въ началѣ декабря 1881 г. его посѣтила тяжкая болѣзнь. Въ постигшемъ несчастіи приняли горячее участіе не только многочисленные почитатели его въ Петербургѣ, но и все Царственное Семейство, постоянно освѣдомляясь о ходѣ его болѣзни; много разъ посѣщали его Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи и принцесса Ольденбургская Евгенія Максимиліановна. Лучшіе врачи Петербурга пользовали больного. Покойный Государь Александръ Александровичъ, по своему благоволенію къ Ивану Васильевичу, назначилъ ему удобное помѣщеніе для лѣтняго пребыванія въ Царскомъ Селѣ. Лѣтомъ 1882 г. И. В. дѣйствительно нѣсколько укрѣпился, но съ наступленіемъ осени 22 сентября онъ вновь слегъ въ постель и въ 10-мъ часу утра 10-го октября 1882 года скончался. Члены Св. Синода попеременно совершали панихиды, а отпѣваніе, вмѣстѣ съ членами Синода, въ присутствіи многихъ членовъ Царскаго Дома и многочисленныхъ почитателей, совершилъ митрополитъ Исидоръ. И. В. Рождественскій похороненъ въ Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ.

О Рождественскомъ см. „Исторія Влад. Духовн. Семинаріи“, К. Ѳ. Надеждина. Владиміръ. 1875. 8°, стр. 146.—„Исторія С.-Петербург. Духовн. Академіи“, Ил. Чистовича. Спб., 1857. 8°, стр. 376, 393, 428 и 449.—„С.-Петербург. Духовн. Акад. за послѣднія 30 лѣтъ“, И. Чистовича. Спб., 1889. 8°, стр. 81.—„Исторія С.-Петербургск. православ. духовной семинаріи“, Ал. Надеждина. Спб., 1885.

8°, стр. 40.—„Влад. Епарх. Вѣдом.“ 1869 г., № 18, стр. 865 („Пожертвованіе на учрежденіе богадѣльни протоіереемъ Ив. Вас. Рождественскимъ“);— 1870 г., № 12, стр. 550—560 (Прот. Д. П—кій, т. е. Пѣвницкій—„Открытіе богадѣльни для священно-церковно-служительскихъ вдовъ и сиротъ въ г. Вязникахъ“); 1880, № 17, стр. 499—500 („Благотворительная дѣятельность прот. І. В. Рождественскаго въ Вязникахъ“); 1882, № 20 (ч. оффиц.), стр. 538 (некрологъ); № 21 (ч. неоф.), стр. 615—622 („Памяти члена Св. Синода, настоятеля малой церкви зимняго дворца, протоіерея І. В. Рождественскаго“); № 24, стр. 774—775; 1883 г., № 4, стр. 110 („Владиміръ. Панихида по И. В. Рож—мъ); № 17, стр. 491—502) (С—кій, т. е. А. И. Сервицкій— „Рождественская Вязниковская богадѣльня и освященіе въ ней храма“ и „Слово“ по этому случаю архіеп. Θеогноста). —„Моск. Церков. Вѣд.“ 1882 г., № 42.— „Моск. Вѣд.“ 1882 г., № 286.—„Голосъ“ 1882 г., № 291 (М. И. Венюковъ—„Воспоминаніе объ И. В. Рождественскомъ“).—„Церкови. Вѣсти.“ 1882 г., № 42.—„Свѣтъ“ 1882, № 228.—„Историч. очеркъ образованія и развитія Артиллерійскаго училища, 1820—1870“, А. Платова и Л. Кирпичева. Спб., 1870, 8°, стр. 166—167.—„Обзоръ жизни и трудовъ покойн. рус. писателей, умер. въ 1882 г.“, Д. Д. Языкова. Вып. 2-й. Прил. къ „Историч. Вѣсти.“ 1885 г., № 12 и отд.: Спб., 1885. 8°, стр. 42.—

XXXVI.

И. И. Альбицкій.

Иванъ Ивановичъ Альбицкій принадлежалъ къ разряду тѣхъ лицъ, дѣятельность которыхъ, при всей кажущейся ничтожности, оставляетъ почти неизгладимый слѣдъ въ потомствѣ. Живи Альбицкій въ тѣ счастливыя времена, когда достаточно было написать два-три удачныя стихотворенія, чтобы прослыть поэтомъ и съ этимъ громкимъ и почетнымъ именемъ перейти въ потомство, тогда Иванъ Ивановичъ въ исторіи литературы былъ бы отмѣченъ какъ выдающійся сатирикъ. Кому изъ занимающихся русскою литературою неизвѣстно имя, напр., гр. Д. И. Хвостова съ его многочисленными и въ такой же мѣрѣ бездарными произведеніями,—о немъ написано болѣе чѣмъ слѣдуетъ, а И. И. Альбицкаго открылъ, менѣе десяти лѣтъ тому назадъ, только С. А. Венгеровъ въ своемъ „Словарѣ", тогда какъ со смерти Ивана Ивановича прошло 35 лѣтъ. Причина этого неодинаковаго положенія кроется частію въ перемѣнѣ литературныхъ правовъ и требованій, а главное—въ томъ, что Альбицкій, творя безконечно, нисколько не только не заботился, но и не помышлялъ о преданіи „тисненію" своихъ произведеній, тогда какъ во времена

славы Хвостова и ему подобныхъ была какая-то особая болѣзнь—всякій наборъ словъ, отлитый въ стихотворную форму, немедленно помѣщать въ какомъ-либо періодическомъ изданіи, или издавать отдѣльно, какъ это дѣлали болѣе состоятельные, въ родѣ гр. Хвостова.

Литературное имя И. И. Альбицкаго, повторяемъ, оставалось въ совершенной неизвѣстности до послѣдняго времени, и только случайно открыто и зарегистрировано какъ таковое г. Венгеровымъ, тогда какъ два произведенія Ивана Ивановича. одно печатное, а другое переходящее отъ поколѣнія къ поколѣнію въ устной передачѣ, извѣстны не только какимъ либо спеціалистамъ, но и большинству народа. Кто не пѣвалъ, или не слыхалъ—какъ поютъ пѣсню „Настоечка двойная, настоечка травная, сквозь уголь пропускная—усладительная“? Правда, уже по содержанію этой пѣсни можно было догадываться, что ее сложилъ кто-нибудь изъ лицъ, причастныхъ духовному званію; но распространенность пѣсни далеко за предѣлы мѣсторожденія, типичность и оригинальность содержанія, приложимаго ко всякому мѣсту, сдѣлали то, что она, быстро распространясь, вездѣ радушно принятая и тщательно выученная, сдѣлалась общею и вмѣстѣ съ тѣмъ безъимянною, такъ какъ авторъ ея давно уже лежалъ въ могилѣ. Другое произведеніе Альбицкаго—„Воздыханія псаломщика“, написанное не случайно, а по опыту, пережитому авторомъ, и начинающееся словами—„Вотъ камень претыканія для будущихъ проказъ—дѣтямъ духовна званія правительства указъ“, также обошло почти всю Россію, списывалось и пере-

писывалось всюду и только въ 1881 году было напечатано, и то съ пропусками, безъ имени автора.

Иванъ Ивановичъ Альбицкій родился 4 октября 1833 года въ селѣ Заколпьѣ, меленковскаго уѣзда, владимірской губерніи, гдѣ отецъ его въ то время былъ священникомъ. Село Заколпье изстари считается богатымъ приходомъ и потому духовенство здѣсь никогда не видѣло крайней нужды, а это отражалось и на воспитаніи дѣтей. Семья Альбицкихъ, кромѣ того, должна быть причислена къ разряду даровитыхъ: кромѣ Ивана Ивановича, у о. Іоанна и Стефаниды Гавриловны въ 1850 г. родился еще сынъ Василій, и понынѣ здравствующій, который пріобрѣлъ себѣ извѣстность какъ профессоръ прикладной механики въ Харьковскомъ Техническомъ Институтѣ.

Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, дѣтство И. И. Альбицкаго прошло беззаботно и счастливо. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ домѣ родителей; въ 1843 году его отвезли во Владиміръ, гдѣ Иванъ Ивановичъ и закончилъ свое образованіе. Сначала онъ обучался во владимірскомъ духовномъ училищѣ, а съ 1848 года—во владимірской духовной семинаріи, во второмъ отдѣленіи ея.

Альбицкій былъ прилежнымъ ученикомъ, а при его богатыхъ способностяхъ всякая наука давалась ему легко. Перешедши въ числѣ первыхъ въ 1848 г. изъ училища въ семинарію, онъ такъ до окончанія курса въ послѣдней въ 1854 году и шелъ все въ первомъ разрядѣ и кончилъ курсъ студентомъ. Въ тѣ времена въ семинаріяхъ преподавалась такая масса

предметовъ, что постичь ихъ всѣ въ совершенствѣ составляло истинный подвигъ, а Иванъ Ивановичъ все время обучался при способностяхъ весьма хорошихъ, прилежаніи весьма ревностномъ и поведеніи очень хорошемъ. Чему и какъ онъ обучался, это видно изъ выданнаго ему аттестата, который какъ документъ, характеризующій то время, мы и приводимъ здѣсь: „катихизическому ученію, герменевтикѣ и чтенію священнаго писанія, богословію догматическому, нравственному, собесѣдовательному, пастырскому и ученію о христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, церковно-библейской исторіи, исторіи церкви вообще, исторіи россійской церкви, церковной археологіи, каноническому праву, патристикѣ, ученію о богослужебныхъ книгахъ, логикѣ и психологіи—весьма хорошо, словесности—отлично хорошо, всеобщей исторіи и россійской гражданской исторіи—весьма хорошо, алгебрѣ, геометріи, пасхаліи, практическому землемѣрію—довольно хорошо, физикѣ, медицинѣ, естественной исторіи и сельскому хозяйству—очень хорошо, греческому, латинскому и французскому языкамъ—весьма хорошо, нѣмецкому—очень порядочно“. Болѣе 30 предметовъ!

Изъ всѣхъ отмѣтокъ особенно выдается по словесности—отлично хорошо. Во Владимірской семинаріи, насколько намъ пришлось ознакомиться по различнымъ матеріаламъ, издавна, съ самаго начала текущаго столѣтія, было всегда среди воспитанниковъ стремленіе къ писанію стиховъ. Такъ, въ издававшемся „Семинарскомъ Вѣстникѣ“ помѣщено не мало стихотвореній оригинальныхъ, при чемъ особенно выдѣлялся нѣкто

И. Лавровъ; поздравительныя привѣтствія преимущественно епископу Ксенофонту писались также стихами на различныхъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, греческомъ, французскомъ и даже еврейскомъ. Въ послѣдующее время, послѣ прекращенія „Семинарскаго Вѣстника“, составлялись семинаристами альманахи,—такъ, въ нашемъ распоряженіи есть „Майская Роза“, въ которомъ, на ряду съ прозаическими статьями, помѣщено и нѣсколько стихотвореній извѣстнаго владимірскаго дѣятеля Я. Е. Протопопова, сатирическія стихотворенія котораго навлекли на автора во время ученія въ семинаріи гоненіе со стороны начальства. Во времена Альбицкаго ни журнала, ни альманаховъ уже не было, но литературная дѣятельность не замерла,—она выливалась въ экспромты, часто довольно ѣдкіе. И. И. Альбицкій, по словамъ современниковъ, очень рано началъ сочинять стихи, большею частію въ юмористическомъ родѣ; онъ ихъ почти никогда не писалъ, а произносилъ прямо. экспромтомъ, въ кругу товарищей, и потому почти ничего не сохранилось изъ его произведеній записаннымъ.

Кончивши курсъ въ семинаріи въ іюнѣ 1854 года, Иванъ Ивановичъ, вообще слабый здоровьемъ, не много отдохнулъ въ родной семьѣ. Но засиживаться дома кончившему курсъ богослову, да еще студенту, тогда было не въ обычаѣ,—нужно было пріискивать занятія. Въ то время былъ въ силѣ указъ, по которому для полученія священническаго мѣста окончившіе курсъ въ семинаріи должны были сначала прослужить нѣкоторое время на низшихъ должностяхъ—

пономаря или дьячка. Не избѣгъ этой участи и Альбицкій и съ 1 ноября 1854 г. онъ былъ опредѣленъ къ исправленію пономарской должности въ селѣ Плесцѣ (Малышевѣ—тожъ), ковровскаго уѣзда. На этой должности онъ пробылъ до 1 марта 1856 г., т. е. годъ и 4 мѣсяца. Въ это-то время и написалъ онъ „Carmina по случаю вѣсти о поступленіи окончившихъ курсъ семинаріи на причетническія мѣста", напечатанныя, подъ заглавіемъ „Воздыханія псаломщика", въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ" 1881 г., № 1, стр. 7. Въ этомъ стихотвореніи, довольно остроумномъ, авторъ, самъ перенесшій „надеждамъ, планамъ будущимъ чувствительный ударъ", приглашаетъ питомцевъ семинаріи „пѣть экзапостиларіи и практиковать свой басъ"... Нарисовавъ довольно вѣрную картину сельскаго дьячка, Альбицкій утѣшаетъ сотоварищей: „Ну что-жъ, друзья,—терпѣніе; судьбы не избѣжать... Да унывать не должно намъ, мы все свое возмемъ; друзья, хочу сказать я вамъ, какъ славно заживемъ. Дьячками мы прилежными по виду можемъ быть, во всемъ же прочемъ прежними имѣемъ честь пребыть. И трубочку, и водочку не будемъ оставлять... Доходишки лишь дьячески не должно намъ копить, стараться лучше всячески гулять, кутить и пить".

Самъ П. И. Альбицкій, однако, не выдержалъ испытанія и, какъ сказано, съ небольшимъ черезъ годъ уволился отъ пономарской должности,— языкъ колоколовъ хотя и былъ ему понятенъ, но не было охоты „допть" ихъ.

Послѣ этого въ теченіе трехъ лѣтъ Иванъ Ива-

риста—все это разлетѣлось прахомъ при столкновеніи съ дѣйствительностью, и въ награду за поглощеніе массы знаній—преждевременная могила, вѣроятно ужъ давно затерявшаяся на сельскомъ кладбищѣ. Жизнь по окончаніи ученія была коротка, условія ея были не таковы, чтобы предаваться литературной дѣятельности въ направленіи природнаго дарованія; но и уцѣлѣвшее изъ созданнаго имъ въ годы молодости, какъ видѣли, получило всеобщую извѣстность и, надо думать, имя его, недавно открытое, теперь не забудется.

Объ Альбицкомъ см. „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ“.... С. А. Венгерова. Т. 1-й (вып. 10-й). Спб., 1888. 8°, стр. 456—457; свѣдѣнія г. Венгерова нами отчасти исправлены и дополнены по неизданнымъ матеріаламъ.

XXXVII.

М. И. Богословскій.

Михаилъ Измайловичъ Богословскій, весьма видный общественный дѣятель, замѣчательный по уму и силѣ характера, выдающійся богословъ православной церкви, протопресвитеръ большого Московскаго Успенскаго собора и членъ синодальной конторы, былъ родомъ изъ губ. гор. Владиміра. Въ началѣ настоящаго столѣтія при Богословской церкви былъ пономаремъ Измаилъ Петровъ (безъ фамиліи), у котораго 28 ок-

риста—все это разлетѣлось прахомъ при столкновеніи съ дѣйствительностью, и въ награду за поглощеніе массы знаній—преждевременная могила, вѣроятно ужъ давно затерявшаяся на сельскомъ кладбищѣ. Жизнь по окончаніи ученія была коротка, условія ея были не таковы, чтобы предаваться литературной дѣятельности въ направленіи природнаго дарованія; но и уцѣлѣвшее изъ созданнаго имъ въ годы молодости, какъ видѣли, получило всеобщую извѣстность и, надо думать, имя его, недавно открытое, теперь не забудется.

Объ Альбицкомъ см. „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ“.... С. А. Венгерова. Т. 1-й (вып. 10-й). Спб., 1888. 8°, стр. 456—457; свѣдѣнія г. Венгерова нами отчасти исправлены и дополнены по неизданнымъ матеріаламъ.

XXXVII.

М. И. Богословскій.

Михаилъ Измайловичъ Богословскій, весьма видный общественный дѣятель, замѣчательный по уму и силѣ характера, выдающійся богословъ православной церкви, протопресвитеръ большого Московскаго Успенскаго собора и членъ синодальной конторы, былъ родомъ изъ губ. гор. Владиміра. Въ началѣ настоящаго столѣтія при Богословской церкви былъ пономаремъ Измаилъ Петровъ (безъ фамиліи), у котораго 28 ок-

тября 1807 года и родился сынъ Михаилъ, получившій фамилію Богословскій (по церкви) при поступленіи въ училище.

Ранніе годы дѣтства Богословскаго прошли заурядным путемъ, такъ какъ тѣсная рамка городской жизни для пономарскаго сына не давала никакихъ особыхъ впечатлѣній. Рано начали и учить его, подготовляя къ поступленію въ училище; съ девятилѣтняго возраста началась настоящая учебная пора сначала во Владимірскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ (1822—1827) во Владимірской духовной семинаріи. Въ послѣдней Михаилъ Измайловичъ пробылъ только пять лѣтъ, такъ какъ, согласно требованію начальства Петербургской духовной академіи, былъ посланъ въ нее по окончаніи только перваго года богословскаго класса. Эта недоученость семинарская тогда не имѣла значенія, — воспитанники семинарскіе, выдававшіеся особыми успѣхами, съ честію оканчивали курсъ ученія какъ въ духовныхъ академіяхъ, такъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Богословскій дѣйствительно уже вполнѣ „созрѣлъ“ къ срединѣ 1827 г., чтобы слушать курсъ наукъ въ академіи,— онъ обладалъ выдающимися способностями. Въ Петербургской академіи (въ составѣ IX курса) М. И. окончилъ курсъ въ 1831 году первымъ магистромъ.

Вскорѣ по окончаніи курса началась педагогическая и литературная дѣятельность М. И. Богословскаго. Съ 7 ноября 1831 г. онъ началъ службу въ родной академіи въ званіи баккалавра по предмету греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи (первые два курса) и эту

каѳедру занималъ до 1840 г. Параллельно съ занятіями по греческому языку появлялись и литературныя работы его—именно, переводы съ греческаго, помѣщавшіеся въ академическомъ изданіи (безъ подписи переводчика)—„Христіанскомъ Чтеніи“. По различнымъ указаніямъ, Богословскому принадлежатъ въ указанномъ изданіи переводы слѣдующихъ *каноновъ* (располагаемъ по авторамъ): „Св. отца нашего Козьмы Маіумскаго ирмосы канона на Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня“ („Христ. Чт.“, 1831, ч. XLIII, стр. 261), его же „канонъ на Рождество Христово“ (1831 г., ч. XLIV, стр. 252), его же „на Богоявленіе“ (1832, ч. XLV, стр. 38—47), его же „въ недѣлю цвѣтоносную“ (1834, ч. II, стр. 31—38), его же „въ великій четвертокъ“ (1835, ч. I, стр. 278), его же „на Воздвиженье Честнаго и Животворящаго Креста Господня“ (1835, ч. III, стр. 271), его же „Triѣснецъ въ великій пятокъ“ (1836, ч. I, стр. 264—268), его же „Канонъ въ великую субботу“ (1836, ч. I, стр. 269), его же „на Успеніе Пресвятыя Богородицы“ (1836, ч. III, стр. 155—163) и его же „на Срѣтеніе Господне“ (1837, ч. I, стр. 149); „Преподобнаго отца нашего Іоанна (Дамаскина) канонъ на Рождество Христово“ (1831, ч. XLIV), его же „на Богоявленіе“ (1832, ч. XLV, стр. 48—56) и его „на Успеніе Пресвятыя Богородицы“ (1836, ч. III, стр. 147—154); „Блаженнаго Ѳеофана, митрополита Никейскаго, канонъ на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы“ (1833, ч. I, стр. 326—338); „Св. Андрея Критскаго великій

канонъ“ (1836, ч. I, стр. 129; тоже—отд.: М., 1885 г. 8°, 60 стр.). Кромѣ каноновъ, М. П. перевелъ тогда же и напечаталъ въ томъ же журналѣ еще слѣдующее: „Блаженнаго Іеронима (Стридонскаго) письмо къ епископу Иліодору, посвященное памяти Непоціана пресвитера“, съ греческ. (1832, ч. XLVIII, стр. 171—213), его же „Письмо къ Непоціану объ обязанностяхъ клириковъ“ (1834, ч. II, стр. 252), его же „Письмо къ Летѣ о воспитаніи малолѣтней дочери“ (1834, ч. IV, стр. 250—282), его же „Письмо къ Марцеллѣ, которую онъ приглашалъ въ Виолеемъ“ (1837, ч. IV, стр. 303), и его же „Письмо къ Гавденціи о воспитаніи малолѣтней Пакатулы“ (1838, ч. II, стр. 306); „Климента, пресвитера Александрійскаго, преданіе о юношѣ, который, сдѣлавшись разбойникомъ, обращенъ былъ апостоломъ Іоанномъ“ (1836, ч. III, стр. 275—281); „Св. Григорія Богослова стихотворенія“ (1. Къ душѣ своей.—2. Чувствованіе въ послѣдніе дни жизни). (1836, ч. IV, стр. 162—164); „Св. Меѳодія Патарскаго слово въ недѣлю Ваій“ (1837, ч. II); „Стихи изъ пѣсней степеней въ XXV антифонахъ“ (1837, ч. II); „О человѣческой природѣ“, перев. изъ сочиненія св. Григорія Богослова (1838, ч. II, стр. 39) и „Сновидѣніе о храмѣ Воскресенія, который св. Григорій Богословъ построилъ въ Константинополѣ“ (1838, ч. IV). Наконецъ, въ „Христіанскомъ Чтеніи“ въ 30-хъ годахъ помѣщено было М. П. нѣсколько и самостоятельныхъ статей,—такъ „О предлогѣ безпечности въ дѣлѣ спасенія“ (1835 г., ч. IV, стр. 230), „О жиз-

ии и писаніяхъ Меѳодія священномученика, епископа Патарскаго" (1837, ч. II, стр. 3), „О наружныхъ движеніяхъ молящагося" (1839, ч. I, стр. 257), „Воскрешеніе Лазаря, недѣля Ваій и событія въ Страстную недѣлю" (1839, ч. I, стр. 382), „Воскресеніе Господне, недѣля Антипасхи и преполовеніе Пятидесятницы" (1839, ч. II, стр. 119) и „Вознесеніе Господне и Пятидесятница" (1839, ч. II, стр. 306).

Какъ видимъ, литературная дѣятельность М. И. Богословскаго въ 30-хъ годахъ была очень плодотворна, но педагогическая носила странный для нашего времени отпечатокъ: въ академіи классъ греческаго языка раздѣлялся на два отдѣленія, и въ низшемъ занимались тѣмъ, что теперь проходятъ въ духовныхъ училищахъ, — именно преподавались грамматическія правила тѣмъ воспитанникамъ, которые или не учились греческому языку, или забыли то, чему научились, и такимъ образомъ Михаилъ Измайловичъ по необходимости исполнялъ роль учителя училища, что для него, отличнаго знатока этого предмета, не составляло никакой трудности. Въ виду этого, онъ искалъ другихъ добавочныхъ занятій, и въ 1833 г. Богословскій былъ посвященъ во священники къ Благовѣщенской, что на Васильевскомъ островѣ, церкви; тамъ онъ, впрочемъ, пробылъ не долго: 5 декабря 1835 года было открыто Императорское Училище Правовѣдѣнія и М. И. тогда же назначенъ былъ священникомъ Екатерининской церкви при училищѣ и законоучителемъ въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи, гдѣ, какъ извѣстно, имѣютъ право воспитываться дѣти только

высшей аристократіи. Въ слѣдующемъ, въ 1836 г., ему поручено было въ томъ же Училищѣ преподаваніе логики и психологіи.

Съ 1838 года началась общественная дѣятельность Михаила Измайловича въ болѣе широкомъ смыслѣ,— въ этомъ году онъ былъ назначенъ членомъ въ Совѣщательный Комитетъ объ изысканіи средствъ для обезпеченія въ содержаніи сельскаго духовенства. Въ 1839 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи дѣйствительнаго члена конференціи С.-Петербургской духовной академіи. На обязанности этой конференціи, между прочимъ, лежалъ пересмотръ и исправленіе книгъ, вводимыхъ въ учебное употребленіе въ качествѣ классическихъ или вспомогательныхъ, и Богословскому, вмѣстѣ съ И. Д. Колоколовымъ, какъ знатоку греческаго языка, было поручено разсмотрѣть греческіе лексиконы и избрать изъ нихъ полезный и удобный для духовныхъ училищъ. Согласно отзыву Колоколова и М. И. былъ избранъ лексиконъ Гедерика.

Съ 7 февраля 1840 г. Михаилу Измайловичу поручено было въ духовной академіи преподавать, вмѣсто греческаго языка, богословскія науки, а въ 1842 г. онъ совсѣмъ былъ уволенъ отъ преподаванія въ этомъ учебномъ заведеніи. Но этотъ выходъ изъ академіи не прервалъ его связи съ нею: оставаясь членомъ конференціи академіи, онъ, какъ увидимъ далѣе, не рѣдко призывался ею для участія въ рѣшеніи различныхъ важныхъ даваемыхъ ей правительствомъ порученій.

Профессоромъ, съ 1856 г. заслуженнымъ, въ Училищѣ Правовѣдѣнія М. И. Богословскій оставался до

1865 года. О педагогической дѣятельности его въ училищѣ сохранилось много воспоминаній. „Это былъ человѣкъ большаго ума и твердаго характера,—такъ вспоминаетъ извѣстный К. К. Арсеньевъ,—импонировавшій не только намъ, но и начальству училища. Его вліяніе на насъ было велико уже потому, что ничѣмъ не уравновѣшивалось и не перевѣшивалось; онъ былъ (1849—1855) единственный изъ всѣхъ наставниковъ и воспитателей, старавшійся узнать каждаго изъ насъ и до извѣстной степени въ этомъ успѣвавшій. Въ его преподаваніи было много схоластическаго; онъ любилъ, чтобъ ему отвѣчали буквально по его запискамъ, не вдавался въ подробныя объясненія—но всетаки заставлялъ насъ думать, будилъ наше сознаніе и совѣсть. Его не столько любили, сколько боялись; но эта боязнь была смѣшана съ искреннимъ уваженіемъ, чего нельзя сказать о страхѣ, который мы чувствовали предъ многими другими. У него были и крупные недостатки, напр. властолюбіе, вспыльчивость, не исключавшая злопамятства; но тогда мы ихъ какъ-то мало замѣчали,—можетъ быть потому, что къ нашему классу онъ всегда относился благосклонно (съ классомъ, намъ предшествовавшимъ, онъ имѣлъ большое столкновеніе изъ-за отказа цѣловать у него руку до и послѣ ученья)“. Почти такой же отзывъ находимъ и въ воспоминаніяхъ Н. А. Тютчева: „Богословскій — человѣкъ ученый, былъ, какъ увѣряли, знатокомъ греческаго языка и вообще человѣкомъ отлично образованнымъ, но онъ поражалъ какъ бы презрѣніемъ къ образованію. Такъ, если ему случалось

произносить французскую или нѣмецкую фразу, то онъ умышленно произносилъ ее съ убійственнымъ семинарскимъ акцентомъ... Имя бывшей и производившей въ то время въ Петербургѣ фуроръ артистки Рашель онъ произносилъ Рахиль, съ добавленіемъ „поганая“ или что-то въ этомъ родѣ... Въ четвертомъ классѣ онъ не преподавалъ, а заставлялъ зубрить пространный катехизисъ Филарета. Это дословное заучиваніе катехизиса было крайне обременительно и не по сердцу большинству воспитанниковъ. Необходимость, однако, этого Богословскій объяснялъ тѣмъ, что „воспитанникъ своими словами не скажетъ лучше, чѣмъ изложено въ катехизисѣ, а хуже ему, Богословскому, не нужно“. Въ четвертомъ классѣ онъ преподавалъ логику и я, говоритъ Тютчевъ, „долженъ сознаться, что этотъ курсъ составленъ былъ прекрасно. Въ третьемъ классѣ Богословскій, по закону Божію, преподавалъ о инославныхъ и иновѣрческихъ вѣроисповѣданіяхъ. Чтенія его по этому предмету были для меня въ высшей степени занимательны... Воспитанники боялись Богословскаго и были убѣждены, что и само начальство, не исключая и принца, его побаивается; по ихъ мнѣнію, въ совѣтѣ училища Богословскій игралъ, такъ сказать, первую скрипку... Во всякомъ случаѣ личность Богословскаго, очень замѣчательная, представляла много загадочнаго. Что онъ могъ имѣть на молодое поколѣніе вліяніе, это для меня (Тютчева) несомнѣнно. Много лѣтъ по выходѣ изъ училища, я встрѣтился съ однимъ изъ болѣе юныхъ правовѣдовъ, который просто молился на Богословскаго“.... Что М. И.

дѣйствительно умѣлъ покорять сердца людей, которые сохраняли горячую сердечную привязанность къ нему долго по выходѣ изъ училища, это доказалъ 50-лѣтній юбилей его, на которомъ правовѣды, петербургскіе и московскіе, привѣтствовали адресами и подношеніями бывшаго старѣйшаго своего наставника, единственнаго свидѣтеля (въ 1881 г.) всей жизни родного имъ заведенія, такого наставника, который „высоко и твердою рукою держалъ священное знамя православія, не дѣлая уступокъ ни духу времени, ни требованіямъ начальства, коль скоро въ нихъ замѣчалъ что-либо несогласное съ требованіями и уставами православной церкви, который самъ былъ для нихъ всегда живымъ образомъ истиннаго благочестія и неуклоннаго исполненія долга".

Помимо своихъ профессорскихъ обязанностей въ Училищѣ Правовѣдѣнія, Михаилъ Измайловичъ исполнялъ множество порученій и въ то же время усердно работалъ въ области духовной литературы. Въ 1840 г. 9 сентября онъ былъ назначенъ членомъ въ комитетъ для разсмотрѣнія конспектовъ, составленныхъ духовными академіями въ руководство наставникамъ семинарій. Этотъ комитетъ былъ учрежденъ въ виду того, что Коммиссія духовныхъ училищъ въ томъ году предприняла полное и рѣшительное преобразованіе учебной части въ духовныхъ семинаріяхъ; были введены новые предметы, какъ-то: естественная исторія, медицина, сельское хозяйство. Для всѣхъ семинарскихъ наукъ конференціи академій должны были составить конспекты, а для разсмотрѣнія послѣднихъ при петер-

бургской академіи и былъ учрежденъ особый комитетъ. Отмѣчаемъ это и подчеркиваемъ въ дѣятельности М. И. Богословскаго потому, что онъ, до нѣкоторой степени виновникъ этого преобразованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко и ненарушимо державшій знамя вѣры православной, нисколько не убоялся введенія въ кругъ семинарскаго образованія естественныхъ наукъ, однако и тогда, по какому-то недоразумѣнію, не любимыхъ семинарскими преподавателями, да и вообще не встрѣчавшихъ сочувствія въ насадителяхъ просвѣщенія.— Въ 1841 г. М. И., по порученію Императорской Академіи Наукъ, чрезъ конференцію петербургской академіи, разсматривалъ сочиненіе протоіерея Г. С. Дебольскаго—„Дни богослуженія православной каѳолической восточной церкви“; авторъ сочиненія былъ удостоенъ почетнаго отзыва, а рецензія Богословскаго, безъ его имени, напечатана въ книжкѣ—„Десятое присужденіе Демидовскихъ наградъ“. Спб., 1841. 8°, стр. 307—342.—Въ 1850 г. М. И. былъ назначенъ членомъ особаго Комитета, учрежденнаго при петербургской академіи для разсмотрѣнія составленныхъ тремя академіями программъ церковной исторіи, логики и психологіи въ руководство для свѣтскихъ и военныхъ учебныхъ заведеній. Съ 1853 по 1856 годъ Богословскій былъ членомъ с.-петербургскаго комитета духовной цензуры, и въ томъ же 1853 г. онъ издалъ книгу—„Приготовленіе къ исповѣди и благоговѣйному причащенію святыхъ Христовыхъ таинъ. Слова Законоучителя Императорскаго Училища Правовѣдѣнія Мих. Богословскаго“ (Спб.,

1853 г. 8°), выдержавшую всего четыре изданія (Спб., 1854 г.; новое изданіе—Спб., тип. Якова Трея, 1861. 8°, VI+165 стр.: въ этомъ изданіи книги помѣщено XXXV словъ. и Спб., тип. училища глухонѣмыхъ, 1891. 8°, 150+IV стр.,—названное почему-то вторымъ).—Возведенный въ 1856 г. въ званіе заслуженнаго профессора Училища Правовѣдѣнія, въ 1857 г. Богословскій напечаталъ капитальное свое произведеніе—„Священная Исторія Ветхаго Завѣта“, въ 2-хъ томахъ, съ присовокупленіемъ лѣтосчисленія (Спб., тип. Якова Трея, 1857. 8°, 286+III и 242+IV+20 стр.). Не смотря на то, что книга была издана въ 2475 экземплярахъ, въ 1861 г. потребовалось новое изданіе (Спб.. тип. Я. Трея, 1861. 8°, VI+528+20 стр.), выпущенное уже въ одномъ томѣ; послѣ изданіе повторялось нѣсколько разъ (изд. 3-е. Спб., т. Я. Трея. 1865. 8°, VI+528 стр.; изд. 4-е. Спб., 1871. 8°; изд 6-е (5-е). М., тип. М. Н. Лаврова, 1882. 8°, 566 стр.;—изд. 6-е. М., универ. тип., 1885. 8°, 376 стр.; изд. 7-е. М., т. „Русская“. 1888. 8°, 384 стр.). Этотъ трудъ, служащій и до сего времени руководствомъ для составителей учебниковъ по Закону Божію, въ то время составилъ событіе въ духовной литературѣ, и авторъ, по представленію конференціи С.-Петербургской духовной академіи, за долговременную и отлично-ревностную училищную службу какъ по духовному, такъ и по гражданскому вѣдомствамъ, особенно же за составленное имъ весьма основательное и вполнѣ удовлетворительное сочиненіе подъ заглавіемъ

„Священная Исторія Ветхаго Завѣта“—8 ноября 1858 г. былъ возведенъ Святѣйшимъ Синодомъ въ степень доктора богословія.

Въ 1859 г. М. П. издалъ другое свое сочиненіе—„Священная Исторія Новаго Завѣта. I. Исторія земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.—II. Исторія церкви апостольской“ (Спб., 1859; изд. 2-е. Спб., тип. Я. Трея. 1861. 12°. XV+339+9 (лѣтосчисленіе) стр.; изд. 3-е. Спб., 1867 г.;—изд. 4-е. Спб., 1871 г.; изд 5-е. М., т. М. Н. Лаврова, 1883. 8°, 366 стр.; изд. 8° (?). М., тип. Бончъ-Бруевича. 1896. 8°, 191 стр.). Въ томъ же 1859 г. Богословскому за 15-лѣтнюю службу въ званіи дѣйствительнаго члена конференціи петербургской духовной академіи (имъ онъ былъ до преобразованія академіи въ 1869 г.) объявлено Высочайшее благоволеніе: кромѣ того, въ этомъ же году: онъ былъ назначенъ членомъ отъ духовнаго вѣдомства въ учрежденный при министерствѣ государственныхъ имуществъ комитетъ по пересмотру постановленій о сельскихъ приходскихъ училищахъ; отъ петербургской духовной академіи назначенъ былъ въ комитетъ по пересмотру перевода на русскій языкъ книгъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго языка (въ этомъ комитетѣ онъ былъ не долго), и, наконецъ, тогда же удостоенъ былъ приглашенія преподавать Законъ Божій Августѣйшимъ Дѣтямъ Великаго Князя Константина Николаевича.

Дальнѣйшая служебная дѣятельность М. П. Богословскаго шла въ такомъ порядкѣ: въ 1860 г. онъ былъ назначенъ членомъ въ комитетъ для разсмотрѣ-

нія проекта о преобразованіяхъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; въ 1863 г. назначенъ въ комитетъ по пересмотру узаконеній о правахъ православнаго духовенства; въ 1865 г., по оставленіи службы въ Училищѣ Правовѣдѣнія, назначенъ главнымъ священникомъ арміи и флота; въ 1866 г. Высочайше повелѣно было составить коммиссію для обсужденія всѣхъ имѣющихся данныхъ относительно преобразованія духовно-учебныхъ заведеній и для составленія проекта устава сихъ заведеній на началахъ, сообразныхъ съ духомъ православной церкви и съ требованіями современной педагогики; въ образованный съ этой цѣлью въ апрѣлѣ 1866 г. комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ назначенъ былъ членомъ и М. П. Богословскій. Работы этого комитета и выработанный имъ уставъ духовныхъ семинарій и училищъ составляетъ эпоху въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ: отошли въ область преданій послѣ этого и порядки Помяловской бурсы, и двухгодичные курсы, а въ педагогическомъ отношеніи занялась новая заря. Въ январѣ 1868 г. съ Высочайшаго же соизволенія былъ учрежденъ комитетъ для пересмотра устава духовныхъ академій: въ участію и въ этомъ комитетѣ также призванъ былъ Михаилъ Измайловичъ. Въ 1870 г. состоялось послѣднее призваніе Богословскаго—въ комитетъ для составленія основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству. Послѣ этого наступило время только строго служебной дѣятельности: въ 1871 г. М. П. былъ уволенъ отъ должности главнаго священника арміи и флота и, по словамъ П. С. Акса-

кова, переселенъ былъ въ Москву, хотя и на почетную должность, однако же не по доброй волѣ, а вслѣдствіе постигшей его незаслуженной опалы,—онъ назначенъ былъ настоятелемъ Московскаго Архангельскаго собора, а въ 1879 г.—протопресвитеромъ большого Московскаго Успенскаго собора и членомъ синодальной конторы. Въ этихъ должностяхъ онъ и скончался.

Участіе въ многочисленныхъ комитетахъ, ревностное служеніе церкви, выдающаяся литературная дѣятельность—все это постоянно обращало на себя вниманіе правительства,—М. И. Богословскій имѣлъ высшія награды: ордена св. Владиміра 2 ст. (полученный при Высочайшей грамотѣ въ день 50-лѣтняго юбилея, 30 сентября 1881 г.) и св. Анны первой степени и митру; заслуги М. И. были оцѣнены и академіями—петербургской и московской, которыя въ 1877 г. избрали его своимъ почетнымъ членомъ.

Литературная дѣятельность Михаила Измайловича за послѣдніе 25 лѣтъ выразилась, кромѣ перепзданія „исторій", слѣдующими произведеніями: „Отличительный характеръ Евангелія св. Іоанна Богослова" („Чтенія въ обществѣ любит. духови. просвѣщенія", 1872 г., кн. 9, стр. 75–127,—и оттуда отд.: М., 1872. 8°, 52 стр.: въ 1888 г. эта работа была издана вторично: Спб., тип. Елеонскаго, 1888. 8°, 52 стр.); „О храмахъ" („Чтен. въ общ. любит. дух. просв." 1875. кн. 4, стр. 399—412, и оттуда отд.: М., 1875. 8°. 14 стр.). Далѣе,—въ 1872 г. перепечатана была изъ журнала „Духовной Бесѣды"

книжка: „Поученія, рѣчи и бесѣды, говоренныя къ воспитанникамъ Имп. Училища Правовѣдѣнія, въ училищной церкви“ (Спб., тип., Мин. Внутр. Дѣлъ, 1872. 8°, 1 нед. +63 стр.), въ которой помѣщено 17 поученій; эта книжка повторена изданіемъ въ 1886 году. За годъ до этого, но уже послѣ смерти автора, были изданы: „Курсъ общаго церковнаго права“ (М., универ. тип., 1885. 8°. 156 стр.); „Памятная книжка для христіанскаго отрока“ (М., 1885 г., 8°, 67 стр.), и въ 1886 г.—„О предлогѣ безпечности въ дѣлѣ спасенія“ (М., 1886 г. 8°). Надо думать, ему же принадлежатъ напечатанныя въ „Православномъ Обозрѣніи“: „Обѣтъ Іефая“ (1875 г., т. III, № 12, стр. 621—628) и „Притча о добромъ сѣмени и плевелахъ“ (1876, т. III, № 12, стр. 723—728), а также напечатанное въ Кіевѣ—„Утро Воскресенія Христова. (Изъ священной исторіи“). Кіевъ, тип. Д. С. Повальскаго, 1883. 8°. 4 стр.

30 сентября 1881 г. исполнилось 50 лѣтъ служебной дѣятельности М. И. Богословскаго. Въ празднованіи юбилея приняли участіе многочисленныя депутаціи отъ различныхъ обществъ, учебныхъ заведеній и т. п. Въ Высочайшей грамотѣ Государя Императора сказано было, что „высокое образованіе, твердость убѣжденій и неизмѣнная ревность о православіи снискали „юбиляру“ общее уваженіе и благодарное воспоминаніе не одного поколѣнія юношей, воспитывавшихся подъ его пастырскимъ руководствомъ“. Въ телеграммѣ принца Ольденбургскаго было отмѣчено, что „доброе сѣмя, посѣянное Богословскимъ, плодотворно

живетъ и навсегда будетъ жить въ сердцахъ правовѣдной семьи". Въ своемъ привѣтствіи преосвященный Іоаннъ такъ характеризовалъ дѣятельность Михаила Измайловича: „ваша неустанная ревность къ служенію въ церкви и въ церковномъ учрежденіи, служащемъ какъ бы вѣтвью учрежденія церковно-правительственнаго; ваша строгая правдивость въ сужденіи о свойствахъ и качествахъ людскихъ—когда дѣло касается сего при разсужденіяхъ во время занятій служебныхъ; вашъ—всегда свѣтлый, всегда проникнутый религіознымъ чувствомъ взглядъ на обязанности лицъ, составляющихъ предметъ попеченія нашего служебнаго вѣдомства; ваша всегдашняя доступность и всегдашнее сочувствіе къ лицамъ скорбящимъ и нуждающимся; ваша всегда отеческая попечительность о всѣхъ требующихъ помощи и заступленія; ваше всегда твердое, всегда исполненное назиданія, утѣшенія и утвержденія—слово, суть поистинѣ ярко блестящія—драгоцѣнныя украшенія въ вашей достопочтенной жизни".

Послѣ этого торжества протопресвитеръ Михаилъ Измайловичъ Богословскій прожилъ съ небольшимъ только два года.—15 января 1884 г. онъ скончался въ Москвѣ Тѣло его, перевезенное въ Петербургъ, погребено съ большою торжественностью 20 января на Смоленскомъ кладбищѣ.

П. С. Аксаковъ, бывшій ученикъ Богословскаго, отмѣчая о смерти Михаила Измайловича, говоритъ: „Петербургу принадлежала дѣятельность почти всей его жизни; но Москвѣ выпалъ жребій воздать долж-

ную честь его заслугамъ,—какъ два слишкомъ года тому назадъ по случаю его 50-лѣтняго юбилея, такъ и теперь, при его кончинѣ. И надобно сказать правду, оба торжества,—и радостное, и печальное,—почтили его достойно. Особенно знаменательно было послѣднее, именно отпѣваніе въ Чудовомъ монастырѣ, съ участіемъ трехъ архіереевъ и многочисленнаго московскаго духовенства. Знаменательно оно было тою единодушною искренностью уваженія къ нравственному характеру почившаго, которою видимо былъ объятъ весь сонмъ священно-дѣйствовавшихъ и сослужившихъ.... Не знаемъ, имѣется ли въ лѣтописяхъ церковныхъ, особенно позднѣйшихъ временъ, примѣръ подобнаго чествованія лицу—представльшемуся въ санѣ іерея"...

„Онъ стоилъ этого. Пишущій эти строки (И. С. Аксаковъ) имѣлъ счастіе, тому давно, въ ранней юности, состоять въ Училищѣ Правовѣдѣнія его учеником и получать отъ него духовное назиданіе. Нравственное воздѣйствіе его тогда на воспитанниковъ было строгое, бодрое, отрезвляющее,—въ высшей степени благотворное. Его нѣсколько боялись, но безусловно *уважали*,—а это великое благо въ отрочествѣ и въ юности, когда душѣ дается возможность питать и носить въ себѣ чувство искренняго уваженія!.. Впечатлѣнія нашихъ юныхъ лѣтъ оказались не ложными, но нашли себѣ оправданіе во всей послѣдующей, долгой дѣятельности Михаила Измайловича. Онъ ни разу не измѣнилъ себѣ въ жизни. Онъ ни разу не покривилъ душой; въ немъ не было ни „лести", ни *страха*... Многими высокими нравственными достоинствами отли-

чаются наши іереи и іерархи, но въ Михаилѣ Измайловичѣ было качество—къ сожалѣнію довольно рѣдко встрѣчающееся въ духовенствѣ,—была *доблесть* и притомъ не страдательная, а неуклонно-дѣятельная, внушаемая горячею до страстности любовью къ правдѣ, а потому и чуждая строптивости и гордыни.— Именно это качество и признано было за нимъ всѣми, какъ его отличительная особенность; оно то и было, главнымъ образомъ, цѣнимо въ немъ при жизни и оцѣнено по смерти лучшими людьми въ нашемъ духовенствѣ и обществѣ".

Въ отчетѣ о состояніи С.-Петербургской духовной академіи за 1883 г. Н. И. Барсовъ, отмѣчая объ утратѣ, понесенной академіею въ лицѣ М. И. Богословскаго, какъ почетнаго члена, говоритъ о немъ: „Человѣкъ рѣдкихъ дарованій ума и сердца, несокрушимо-твердой энергіи и непреклонно-стойкихъ религіозныхъ убѣжденій, одинъ изъ первоклассныхъ русскихъ богослововъ-канонистовъ, Богословскій представлялъ въ себѣ, можно сказать, идеальныя качества педагога-законоучителя... Онъ былъ не только превосходный педагогъ-практикъ, но и педагогъ теоретикъ. Въ продолженіи своей 50-лѣтней дѣятельности онъ постоянно былъ призываемъ державною волею къ участію въ занятіяхъ разнообразныхъ комитетовъ и комиссій, учреждавшихся по вопросамъ низшаго, средняго и высшаго образованія въ Россіи, не только духовнаго, но и свѣтскаго... и можно сказать, что ни одно изъ важныхъ явленій въ законодательной области по духовному вѣдомству въ теченіе полстолѣтія

не обходилось безъ его энергичнаго участія. Необходимо къ сказанному прибавить, что никогда во всѣхъ этихъ занятіяхъ Михаилъ Измайловичъ не былъ лицемъ пассивнымъ, а всегда нарочито-авторитетнымъ дѣятелемъ. Имѣя ясный и прочно установившійся идеалъ для своей дѣятельности, онъ всегда отстаивалъ его со всею энергіей своего сильнаго ума и большею частію имѣлъ утѣшеніе видѣть торжество своихъ принциповъ. Его основательный и глубокій умъ, его обширныя познанія въ области законовѣдѣнія гражданскаго и церковнаго, особенно же свойственный ему рѣдкій даръ иниціативы, всегда высоко цѣнились какъ его сотрудниками по комитетамъ и комиссіямъ, такъ и высшимъ начальствомъ, которое весьма не рѣдко внимало его сужденію и внѣ оффиціальнаго участія его въ дѣятельности высшихъ правительственныхъ учрежденій, такъ что всѣ факты его пегласнаго вліянія на ходъ церковныхъ дѣлъ, всегда благотворнаго для церкви и духовенства, трудно и исчислить"...

О Богословскомъ см. „Исторія Владимір. Духовн. Семинаріи", К. Ѳ. Надеждина. Владиміръ. 1875. 8°, стр. 144.—„Исторія Спб. Духов. Академіи", И. Чистовича. Спб., 1857. 8°, стр. 311, 343, 352, 375—376, 393, 412, 414, 419, 427, 428 и 447.—„С.-Петербургская Духовн. Академія за послѣднія 30 лѣтъ", И. Чистовича. Спб., 1889, 8°, стр. 65, 81, 84, 93, 95, 109, 111 и 113.—„Рус. Старина", 1880 г., книга 12, стр. 1030; 1885 г., кн. 11, стр. 442—444 (И. А. Тютчевъ —„Въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Воспоминанія"); 1886 г., книга 4,

тамъ, такъ и въ Вифанской семинаріи, гдѣ Зерновъ получилъ среднее образованіе, онъ отличался выдающимися способностями и потому всюду шелъ по успѣхамъ въ числѣ первыхъ. Въ 1840 году С. И. окончилъ курсъ въ семинаріи и тогда же назначенъ былъ начальствомъ къ поступленію въ Московскую духовную академію, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Ключаревымъ, тоже Владимірскимъ уроженцемъ, здравствующимъ и понынѣ въ санѣ архіепископа харьковскаго подъ именемъ Амвросія. XIV курсъ академіи, въ составъ котораго поступилъ С. И. Зерновъ, былъ однимъ изъ выдающихся: изъ него вышли извѣстные С. К. Смирновъ, Г. З. Елисѣевъ и восемь лицъ, достигшихъ послѣ епископскаго сана, въ числѣ коихъ и епископъ муромскій Андрей (Посѣловъ, первый викарій владимірской епархіи), и Амфилохій (Казанскій), извѣстный многими учеными трудами, и упомянутый Амвросій, извѣстный церковный проповѣдникъ. Не смотря на то, что курсъ этотъ былъ большой, при чемъ только со степенью магистра выпущено 27 человѣкъ (изъ нихъ 4 съ правомъ на то), Степанъ Ивановичъ кончилъ курсъ академіи вторымъ магистромъ—въ 1844 году.

По окончаніи курса Зерновъ былъ оставленъ при академіи и назначенъ тогда же бакалавромъ по классу библейской исторіи и въ высшемъ отдѣленіи—греческаго языка. Въ академіи С. И., однако, прослужилъ только два года.—въ 1846 г. онъ былъ опредѣленъ на должность священника въ Москву къ церкви Николая чудотворца, что на Студенцѣ. Въ 1857 г.

С. П. Зерновъ снова выступилъ на педагогическое поприще: въ этомъ году онъ былъ опредѣленъ законоучителемъ Александро-Маріинскаго училища и Николаевскаго Сиротскаго Института; послѣднюю должность онъ занималъ до смерти. Въ 1864 г. онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены конференціи при Московской духовной академіи (1864—1886). Въ 1865 г. Степанъ Ивановичъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея и перемѣщенъ на болѣе видный приходъ къ церкви Николы Явленнаго, что на Арбатѣ; кромѣ того, онъ былъ благочиннымъ Пречистенскаго сорока. Въ 1865 же году возникло Братство св. Николая, учрежденное въ память въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая, для вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ духовныхъ училищъ,— и протоіерей Зерновъ съ самаго начала былъ назначенъ распорядителемъ этого Братства, что и исполнялъ до самой смерти.

Братство св. Николая въ Москвѣ было любимымъ дѣтищемъ Зернова. Только благодаря его неустанной дѣятельности это весьма полезное учрежденіе, дающее возможность сотнямъ дѣтей и сиротамъ небогатаго духовенства получать образованіе, было сразу прекрасно организовано и поставлено на твердую почву; Степанъ Ивановичъ съ особой горячностью и любовію относился къ дѣламъ Братства и слѣдилъ за его развитіемъ, какъ отецъ слѣдитъ за развитіемъ нѣжно любимаго сына. Онъ каждый годъ самъ составлялъ и отчеты по Братству (за 21 годъ), извлеченія изъ которыхъ иногда печатались въ „Православномъ Обозрѣніи“ (см. напр. 1870 г., № 10, стр. 351—354).

Въ 1867 г., какъ извѣстно, былъ изданъ новый уставъ духовныхъ семинарій и училищъ, по которому въ правленіяхъ при этихъ заведеніяхъ начали принимать участіе и выборные отъ духовенства. Въ число ихъ для Московской духовной семинаріи въ первую очередь былъ избранъ и С. П. Зерновъ. Человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, знакомый съ педагогическою дѣятельностью и съ нуждами духовенства, онъ былъ весьма дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ правленія, особенно въ то время, когда вводились совершенно новые порядки.

Въ 1876 г. С. П. былъ призванъ довѣріемъ начальства къ исполненію не менѣе важной должности,— онъ былъ назначенъ членомъ духовной консисторіи. Наконецъ, нужно отмѣтить, что онъ былъ продолжительное время членомъ московскаго духовнаго цензурнаго комитета и цензуровалъ выходящія въ Москвѣ духовныя періодическія изданія. Редакція „Православнаго Обозрѣнія“, заявляя, что утрата, причиненная кончиною протоіерея С. П. Зернова, чувствительна во всѣхъ областяхъ, гдѣ проявлялась его неутомимая и просвѣщенная дѣятельность,—говоритъ, что эта утрата въ особенности тяжела для редакціи „Православнаго Обозрѣнія“, которымъ онъ завѣдывалъ въ цензурномъ отношеніи въ продолженіи болѣе 15 лѣтъ. При неудовлетворительности Устава Духовной Цензуры, составленнаго въ то время, когда не существовало духовной журналистики въ собственномъ смыслѣ слова, С. П. Зерновъ, какъ цензоръ, съ чуткостію широко просвѣщеннаго разума относился къ здраво понимае-

мымъ интересамъ духовной науки и церковно-общественнымъ вопросамъ современной жизни, и недостатки буквы Устава восполнялъ цензурнымъ преданіемъ перваго цензора „Православнаго Обозрѣнія“, протопресвитера Д. П. Новскаго.

Заслуги и труды С. И. Зернова высоко цѣнились и начальствомъ, которое не оставляло его наградами, даваемыми духовенству, и учеными учрежденіями,— такъ, московская академія избрала его въ свои почетные члены.

Изъ печатныхъ трудовъ С. И. Зернова, кромѣ упомянутыхъ отчетовъ, извѣстна только „Надгробная рѣчь послѣ отпѣванія тѣла Филарета, митрополита Московскаго“ („Православ. Обозрѣніе“ 1867 г., кн. XI, стр. 17—19, и то же въ „Душеполезномъ Чтеніи“ 1867 г., № 11, стр. 207—209 и въ „Странникѣ“ 1867, декабрь, отд. IV, стр. 106—113).

Смерть С. И. Зернова была изъ ряда выходящею. 17 октября 1886 г. онъ участвовалъ въ освященіи домовой церкви во второмъ епархіальномъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ. Во время литургіи, пріобщившись св. Таинъ, о. протоіерей отошелъ къ жертвеннику, гдѣ поставлена была теплота, вдругъ вслѣдствіе приступа грудной жабы упалъ и чрезъ нѣсколько минутъ скончался въ сосѣдней съ алтаремъ комнатѣ, куда его немедленно вынесли. Уже мертваго его разоблачили и перевезли въ каретѣ въ домъ. 19 октября былъ совершенъ выносъ тѣла въ храмъ, а 20-го совершено отпѣваніе митрополитомъ Іоанникіемъ вмѣстѣ съ архіереемъ, протопресвитеромъ и 40 прото-

іереями и священниками. Народа было при отпѣваніи и провожало до могилы въ Покровскомъ монастырѣ до 30 тысячъ.

О Зерновѣ см. „Исторія Москов. духовн. академіи“, С. К. Смирнова. М., 1879. 8°. стр. 395, 406, 411 и 552.—„Историч. очеркъ Москов. Николаев. Сиротскаго Института“, П А. Николаева. М. 1887. 8°, стр. 9. (въ 1-мъ приложеніи) —„Москов. духовн. семинарія“, Н. И. Кедрова. М., 1889. 8°, стр. 35 (въ прибавленіи).—„Москов. Вѣдомости“ 1886 г., №№ 288 и 291.—„Московскій Листокъ“, 1886 г., №№ 289, 290 и 292.—„Московскія Церковныя Вѣдомости“, 1886, №№ 43, 44, 45 и 47.—„Православ. Обозрѣніе“, 1886, т. III, октябрь, стр. 413—415.—„Волынскія Епархіал. Вѣдомости“ 1886 г., № 33, стр. 1076.—„Историч. Вѣсти.“ 1889 г., № 12 (приложеніе) и то же—отд.: „Обзоръ жизни и трудовъ покойн. русскихъ писателей“, Д. Д. Языкова. Вып. VI. Умершіе въ 1886 г. Спб., 1890. 8°, стр. 55—56.

XXXIX.

И. И. Полисадовъ.

Иванъ Никитичъ Полисадовъ, выдающійся проповѣдникъ, пріобрѣвшій славу оратора не только въ мѣстѣ служенія, но и далеко за предѣлами Петербурга, родился 31 августа 1823 года въ Старо-Ни-

кольскомъ погостѣ, Филяндинской волости, Ковровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, гдѣ отецъ его Никита Тимофѣевъ былъ священникомъ. П. И. по рожденію былъ близнецъ сестрѣ своей Елизаветѣ.

Средства къ существованію въ семьѣ священника Полисадова были довольно скромныя, едва покрывавшія насущныя нужды, и потому мальчику Ивану пришлось въ раннемъ дѣтствѣ ознакомиться со всяческими невзгодами. Воспитаніе его было самое заурядное; по причинѣ большого прихода отецъ былъ почти постоянно занятъ своими прямыми дѣлами, а мать, съ большимъ семействомъ, только успѣвала свести ежедневныя работы и заботы—концы съ концами. Обучать Ивана Никитича начали ужъ не рано и только въ 1834 г. отдали его въ училище. Тамъ Полисадовъ скоро освоился съ новой обстановкой и втянулся въ учебныя занятія. Учился онъ хорошо и въ числѣ первыхъ въ 1840 году былъ переведенъ во Владимірскую духовную семинарію, откуда, какъ лучшій ученикъ, былъ назначенъ, по вызову начальства, въ 1845 году въ Петербургскую духовную академію въ составъ XVIII курса. Въ академіи И. И. Полисадовъ кончилъ курсъ въ 1849 году со степенью кандидата.

По окончаніи курса Полисадовъ назначенъ былъ наставникомъ въ Псковскую духовную семинарію, гдѣ и пробылъ до 1858 года. Его тянуло въ Петербургъ и представившимся случаемъ, когда освободилась вакансія инспектора классовъ въ гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, онъ поспѣшилъ воспользоваться и занялъ это мѣсто въ 1858 г., а

вскорѣ послѣ того, по принятіи священническаго сана, былъ опредѣленъ законоучителемъ и настоятелемъ Константино-Еленинской церкви при означенной гимназіи, гдѣ и прослужилъ, послѣ въ санѣ протоіерея, до конца жизни.

Таковъ, довольно несложный, формуляръ П. Н. Полисадова, въ который можно занести еще, что онъ въ обычномъ порядкѣ былъ награждаемъ по усмотрѣнію духовнаго начальства. Но этого, повидимому— со скромной дѣятельностью. протоіерея зналъ почти весь Петербургъ, а по печатнымъ произведеніямъ и въ далекихъ уголкахъ Россіи знали о Полисадовѣ.

Какъ только Иванъ Никитичъ занялъ мѣсто священника при гимназіи Человѣколюбиваго Общества, съ тѣхъ поръ, говорится въ некрологѣ, напечатанномъ въ „Новомъ Времени“, бѣдная домовая церковь начинаетъ привлекать къ себѣ массу богомольцевъ. Священникъ съ особеннымъ истинно пастырскимъ усердіемъ отнесся къ своему дѣлу молитвы и проповѣди. Онъ обратилъ вниманіе прежде всего на церковное пѣніе. Затѣмъ богослуженія не только стали отправляться продолжительно и вмѣстѣ благолѣпно, но и каждая праздничная всенощная и литургія, каждое великопостное богослуженіе сопровождалось поученіемъ, длившимся иногда по часу. Новый настоятель церкви св. Константина и Елены вскорѣ загремѣлъ славой по всей столицѣ. Церковь уже оказалась мала для того, чтобы вмѣстить всѣхъ желающихъ слушать его слово. Въ праздники и въ посту, сосѣднія съ церковью залы, вся лѣстница до швейцарской заполнялись богомольцами. Проповѣди П. Н. Полисадова

отличались отъ общепринятаго тона своей особенной манерой изложенія; онѣ поражали необыкновенной простотой, ясностью мысли, а подъ часъ и рѣзкостью. Онъ разсказывалъ просто, а не ораторствовалъ и не читалъ по книжкѣ; но, вооружаясь противъ модныхъ недостатковъ общества со всѣмъ своимъ жаромъ, высказывалъ много горькихъ и рѣзкихъ истинъ. Это, конечно, доставляло ему и свою долю непріятностей. Издаваемыя имъ проповѣди и сочиненія раскупались быстро; бѣдная гимназическая церковь украсилась богатыми иконами, средства церковныя увеличились.— Если принять во вниманіе, что это происходило въ Петербургѣ, и при томъ въ прежде почти невѣдомой церкви одной изъ бѣдныхъ гимназій, то вполнѣ будетъ понятна та громадная сила убѣдительности и ораторскаго краснорѣчія въ проповѣдяхъ Ивана Никитича, которою онъ съумѣлъ такъ дѣйствовать на сердца слушателей.

Изъ произведеній И. И. Полисадова прежде всего появилась небольшая книжечка—„Глухая исповѣдь. Пастырское наставленіе въ обличеніе тѣхъ, кои откладываютъ напутствіе болящихъ до послѣднихъ минутъ ихъ жизни“, имѣвшая болѣе 10 изданій и разошедшаяся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ (Спб., 1865 г.: Спб., 1866 г.: изд. 4-е. Спб., тип. Дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ, 1867. 16°, 30 стр.—Спб., 1868 г.—Изд. 6-е. Спб. тип. журн. „Странникъ“. 1869. 8°, 30 стр.—Потомъ были изданія въ 1875, 1878 и 1883 годахъ.—Изд. 9-е и 10-е, Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря. М., 1886 г. и М., 1887 г.,

оба въ тип. Ефимова. 8°. 20 и 16 стр.). Далѣе можно отмѣтить его „Рѣчь предъ панихидою о почившемъ въ Бозѣ Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ князѣ Николаѣ Александровичѣ". (Спб., тип. товарищ. „Обществ. Польза", 1865. 8°, 17 стр.); „Двѣ проповѣди на недѣли тринадцатую и двадцатую по Пятидесятницѣ". (Спб., тип. журн. „Странникъ". 1875. 8°. 30 стр.) и „О загробной жизни противъ спиритовъ. Слово на евангельскую притчу о богатомъ Лазарѣ" (Спб., 1881 г., 32 стр. и М., универ. тип., 1881. 8°. 20 стр.). Предъ смертью П. Н. Полисадовъ задумалъ издать полное собраніе своихъ проповѣдей, что только отчасти и было исполнено послѣ его смерти.—въ 1886 и 1887 г.г. были изданы—„Слова, поученія и рѣчи, сказанныя съ праздника Рождества Христова до Пасхи". Спб., т. I. кн. 1-я. Тип. В. Балашева, 1886. 8°, 584 стр.—Т. I, кн. 2-я. Спб. тип. Балашева, 1886. 8°. 480 стр., и т. I, кн. 3-я. Спб., тип. Балашева, 1887. 8°, 388 стр. Это изданіе скоро потребовало повторенія, и въ 1891 году были изданы „Проповѣди. Первая недѣля Великаго Поста". Спб., тип. Балашева, 1891. 8°. 299 стр.; 2-я недѣля поста, стр. 300—382, и 3-я недѣля поста, стр. 383—474. Послѣ смерти Ивана Никитича нѣкоторыя изъ проповѣдей его были изданы и отдѣльно.—такъ, „Проповѣдь о Страшномъ Судѣ" (издана два раза. Спб., тип. Киршбаума, 1887 г. и 1888 г. 8°, 27 стр.); „Слово о крестномъ знаменіи" (Спб., тип. Дома призрѣнія малолѣтн. бѣдныхъ, 1887 г. 8°, 16 стр.)

и „О христіанскомъ смиреніи, слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы“ (Спб. 1887 г. 8°, 16 стр.). Наконецъ, нужно отмѣтить, что протоіерей Полисадовъ писалъ не только проповѣди, но и свои наблюденія изъ области народной медицины (см. въ журналѣ „Здоровье“ 1885 г. №№ 1, 4, 7, 10 и 12, гдѣ помѣщена принадлежащая его перу статья „Народная Медицина“).

Отдавшись всей душею дѣлу преподаванія въ гимназіи и проповѣдыванію въ церкви, Иванъ Никитичъ Полисадовъ не мало удѣлялъ времени и на другія полезныя дѣла. Онъ былъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ наблюдателемъ за преподаваніемъ закона Божія въ школахъ Филантропическаго Общества: кромѣ того, онъ состоялъ не только дѣйствительнымъ, но и дѣятельнымъ членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ. Вообще вся его жизнь въ Петербургѣ прошла въ плодотворной дѣятельности среди бѣднаго, недостаточнаго класса населенія столицы: онъ отличался всегдашней готовностью помочь бѣдному.

Въ 1883 г. праздновался 25-лѣтній юбилей служенія П. Н. Полисадова въ священническомъ санѣ, и онъ вполнѣ доказалъ, какою всеобщею любовью среди прихожанъ пользовался о. протоіерей: ему поднесли массу адресовъ, иконъ, подарковъ и драгоцѣнный художественной работы наперстный крестъ.

П. Н. Полисадовъ скончался послѣ продолжительной болѣзни 14 марта 1886 года, въ С.-Петербургѣ, гдѣ и похороненъ.

О Полисадовѣ см. „Исторія С.-Петербург. Духови.

Академіи", П. Чистовича. Спб., 1857. 8°. стр. 455.— „Москов. Церковн. Вѣдомости" 1886, № 14.— „Нива", 1886 г., № 13 (съ портретомъ).—„Иллюстрированный Міръ", 1886 г., № 13 (съ портретомъ).— „Новь" 1886, кн. 11 (апрѣль, 1—15), отд. II, стр. 588—589.—„Русскій Паломникъ", 1886, № 16.—„Волынскія Епархіал. Вѣдомости" 1886, № 10, стр. 346—347 (перепечатка изъ „Новаго Времени") —„Историч. Вѣсти." 1889 г., № 12 (въ приложеніи) и то же отд.: „Обзоръ жизни и трудовъ покойн. русскихъ писателей", Д. Д. Языкова. Вып. VI. Умершіе въ 1886 г. Спб., 1890. 8°, стр. 101—102.

XL.

Ѳ. П. Сергіевскій.

Ѳедоръ Петровичъ Сергіевскій, составитель житія св. князя Андрея Смоленскаго, принадлежитъ къ мѣстнымъ дѣятелямъ Владимірской губерніи. Онъ родился 12 февраля 1826 года въ селѣ Пьянгусѣ, Меленковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, гдѣ отецъ его, Петръ Мещерскій (по рожденію изъ с. Мещеръ) былъ діакономъ.

Жизнь Ѳедора Петровича—съ внѣшней стороны—не блещетъ выдающимися событіями,—она была самая обыкновенная въ той средѣ, въ которой онъ родился. Образованіе онъ получилъ въ духовномъ училищѣ, гдѣ

и дана была ему фамилія Сергіевскій (по церкви въ с. Пьянгусѣ), а закончилъ его во Владимірской духовной семинаріи (1842—1848), курсъ въ которой онъ кончилъ со званіемъ студента. Въ 1850 г. Сергіевскій былъ опредѣленъ учителемъ Переславскаго, Владимірской губерніи, духовнаго училища и съ этого времени онъ до смерти прожилъ въ этомъ городѣ. Въ 1853 г., 27 декабря былъ посвященъ во священники къ Николаевской, она же Князь-Андреевская, церкви города Переславля-Залѣсскаго, и въ то же время продолжалъ быть учителемъ училища до 1857 года; къ педагогической дѣятельности Ѳ. П. вернулся только въ 1877 г., когда началъ преподавать Законъ Божій въ Сергіевскомъ приходскомъ училищѣ. За труды по обученію въ духовномъ училищѣ онъ въ 1857 г. былъ награжденъ скуфьею, а за успѣшное преподаваніе въ приходскомъ, засвидѣтельствованное инспекторомъ народныхъ училищъ, ему въ 1887 г. была объявлена благодарность директора народныхъ училищъ.

Служба по духовному вѣдомству въ уѣздныхъ городахъ, особенно при многочисленности градского духовенства, какъ это и есть въ гор. Переславлѣ, обыкновенно идетъ установленнымъ порядкомъ въ предѣлахъ ревностнаго исполненія прямыхъ обязанностей. Такою она была и для Сергіевскаго на первыхъ порахъ, въ продолженіи десяти лѣтъ. Въ 1863 г. въ первый разъ было оказано ему особое довѣріе, — онъ былъ избранъ депутатомъ городского благочинія; обязанности по этой должности,

требовавшей безукоризненной честности и справедливости, онъ исправлялъ до 1871 г.; съ 1869 г. онъ былъ увѣщателемъ у мирового судьи 1-го участка, а съ 1872 г. и при съѣздѣ мировыхъ судей; въ 1887 г., 26 ноября, за усердное исполненіе этой обязанности былъ удостоенъ отъ епархіальнаго архіерея благословенія и благодарности: въ 1890 г. онъ былъ освобожденъ отъ этой обязанности. Въ 1878—1880 гг. былъ онъ членомъ Временнаго Ревизіоннаго Комитета для провѣрки экономическаго отчета по Переславскому духовному училищу, а съ 5 декабря 1889 г. до самой смерти, по избранію духовенства, Ѳедоръ Петровичъ состоялъ духовникомъ Переславскаго благочинническаго округа. Получивъ наравнѣ съ прочими въ 1859 г. бронзовый наперстный крестъ за войну 1853—1856 гг., Сергіевскій въ 1881 году былъ награжденъ камилавкою, а въ 1890 г., за заслуги по епархіальному вѣдомству,—орденомъ св. Анны 3-й степени.

Такова оффиціальная жизнь о. Ѳедора Сергіевскаго, хотя и не отличающаяся особыми фактами, но по существу свидѣтельствующая, что онъ пользовался особымъ довѣріемъ начальства и духовенства.

И при всемъ томъ, Ѳ. П. Сергіевскій былъ личность незаурядная: онъ не зарылъ въ землю удѣленный ему талантъ, житейскія отношенія и заботы не увлекли его на путь праздной прозябанія, ничегонедѣланія, какъ это часто встрѣчается. Въ молодыхъ годахъ, во время ученія онъ, какъ и многіе сверстники его, писалъ стихи; это было первое проявленіе въ немъ стремленія

къ умственному труду. Занявъ должность учителя, Ѳ. П. продолжалъ образованіе свое чтеніемъ и списываніемъ въ тетради всего выдающагося въ литературѣ, и особенно стихотвореній лучшихъ нашихъ поэтовъ, преимущественно тѣхъ, гдѣ рисуются красы природы. Съ поступленіемъ на священническое мѣсто кругъ умственныхъ занятій Сергіевскаго строго опредѣлился: читалъ онъ по преимуществу книги духовнаго и историческаго содержанія, а для собственныхъ занятій онъ поставилъ одну цѣль—изучивъ въ подробности памятники древней литературы и всѣ имѣющіеся печатные и письменные матеріалы, составить подробное и полное жизнеописаніе св. князя Андрея Смоленскаго, который, какъ извѣстно, оставивъ гор. Смоленскъ, избралъ для своей подвижнической жизни гор. Переславль, гдѣ и преставился. Преподобный Даніилъ, переславскій чудотворецъ, жившій во времена Іоанна Грознаго и бывшій крестнымъ отцомъ его, особенно заботился о прославленіи князя Андрея; точныхъ свѣдѣній о послѣднемъ князѣ, однако, не было. Чтобы достичь намѣченной цѣли, о. Ѳедоръ долженъ былъ тщательно собрать, изучить и провѣрить всѣ памятники литературы и матеріалы; работа предстояла самая кропотливая и почти неблагодарная, такъ какъ извѣстій о князѣ Андреѣ сохранилось вообще немного, а нѣкоторые изъ памятниковъ оказались не вносящею ничего новаго компиляціею изъ житія преподобнаго Даніила. Этой работой Ѳ. П. занимался много лѣтъ; наконецъ, казалось, что всѣ свѣдѣнія собраны, даже такой знатокъ, какъ профессоръ Московской академіи и Московскаго университета, В. О. Ключевскій

засвидѣтельствовалъ, что болѣе матеріаловъ нѣтъ; но Ѳедоръ Петровичъ все надѣялся на открытіе новыхъ источниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не желалъ выступить печатно, думая, что неполнота свѣдѣній можетъ быть укоромъ автору. Между тѣмъ приближалось время празднованія 500-лѣтія со времени кончины св. князя Андрея (27 октября 1890 г.) и только по этой побудительной причинѣ, не желая пропустить самый удобный моментъ, о. Сергіевскій сначала напечаталъ (цензур. дозвол. 26 апрѣля 1890 г.)—„Житіе святаго благовѣрнаго князя Андрея Смоленскаго, переславскаго чудотворца" (Губ. гор Владиміръ. Лито-типографія П. Ѳ. Новгородскаго. 1890 г. 8°, 16 стр.); потомъ (ценз. дозв. 18 авг. 1890 г.) было напечатано имъ болѣе подробное „Сказаніе о жизни, подвигахъ и обрѣтеніи мощей святаго Андрея, благовѣрнаго князя Смоленскаго, переяславскаго чудотворца, составленное священникомъ Ѳеодоромъ Сергіевскимъ. Къ дню празднованія пятисотлѣтія со времени блаженной кончины его (1390—1890)". (М., тип. Л. и А. Снегиревыхъ. 1890 г 8°, 69 стр., съ изображеніемъ св. князя на 2-й страницѣ): къ самому дню празднованія, для раздачи народу, о. Ѳедоръ составилъ и напечаталъ еще „Св. благовѣрный князь Андрей, переславскій чудотворецъ", съ изображеніемъ св. князя на 1-й страницѣ (Типо-литографія А. М. Шаланина, въ Переславлѣ. 1890 г., 8°, 7 стран.). Здѣсь же кстати отмѣтимъ, что о. Ѳедоръ Сергіевскій въ № 18 „Владимір. Епархіал. Вѣдомостей" за 1890 г. (стр. 618 - 621) помѣстилъ „Послѣдованіе празднества въ

память пятисотлѣтія со дня представленія святаго благовѣрнаго князя Андрея Смоленскаго, каковое празднество имѣетъ быть 27 октября 1890 года въ гор. Переславлѣ-Залѣсскомъ", а въ № 24 тѣхъ же вѣдомостей за 1890 г. (стр. 848—856) напечаталъ составленное имъ „Празднованіе пятисотлѣтія со времени кончины св. благовѣрнаго князя Андрея Смоленскаго, переславскаго чудотворца".

Небольшое, сравнительно, по объему „сказаніе" должно быть признано все же обстоятельнымъ и вполнѣ исчерпывающимъ извѣстные до дня изданія матеріалы произведеніемъ неутомимаго труженика, работавшаго въ глухомъ городкѣ, гдѣ почти никакой нѣтъ библіотеки, уже не говоря о научной. Сергіевскій единственно своимъ трудомъ обзаводился всякими пособіями, такъ какъ ему часто приходилось списывать иногда очень объемистые матеріалы, а пріобрѣтать другія пособія, находящіяся въ продажѣ, ему было, при большомъ семействѣ, не по средствамъ.

Справивъ 500-лѣтнее торжество, о. Ѳедоръ задумалъ составить акаѳистъ св. князю Андрею,—и опять началось подробное, до мелочи, изученіе какъ подобныхъ произведеній (акаѳистовъ уже существующихъ), такъ и языка богослужебныхъ книгъ, изобилующаго, какъ извѣстно, картинными выраженіями и оборотами; но этого труда онъ не успѣлъ совершить,—остались послѣ него только исписанныя тетради—съ выписками изъ разныхъ богослужебныхъ книгъ.

Такъ за этими трудами и прошла вся жизнь Сергіевскаго. Дома онъ либо читалъ, либо писалъ; раз-

говоры любилъ вести только серьезные по богословскимъ или историческимъ предметамъ. Прихожане очень любили о. Ѳедора за его сердечность, незлобивость и непребовательность.

О П. Сергіевскій долго болѣлъ неизлечимою болѣзнью (ракъ пищевода), но терпѣливо переносилъ страданія и только за недѣлю до смерти пересталъ служить. Скончался онъ 14 іюня 1892 г., въ гор. Переславлѣ-Залѣсскомъ, и похороненъ 17 іюня около Князь-Андреевской церкви.

О. Сергіевскомъ см. „Истор. записка о Переславль-Залѣсскомъ духовномъ училищѣ“, Н. С. Виноградова. Владиміръ. 1888. 8°, стр. 88.— „Владимір. Епархіал. Вѣдомости“, 1892 г., № 17, стр. 442—450 (Л—въ, т.-е. С. Н. Лебедевъ— „Священникъ Ѳ. П. Сергіевскій. Некрологъ)“.

ДОПОЛНЕНІЯ И ИСПРАВЛЕНІЯ.

Къ печатаемымъ біографическимъ очеркамъ мы по возможности присоединяемъ указаніе литературныхъ источниковъ, откуда желающіе могли бы почерпнуть болѣе подробныя свѣдѣнія о томъ или другомъ лицѣ. Къ сожалѣнію, полноты въ этомъ отношеніи намъ достигнуть не удается ко времени печатанія, и все находимое послѣ приходится сообщать время отъ времени для свѣдѣнія въ дополненіяхъ. Кромѣ того, послѣ провѣрки оказываются нѣкоторыя неточности и ошибки и въ сообщенныхъ свѣдѣніяхъ въ самыхъ очеркахъ, которыя считаемъ нужнымъ также исправлять. Эти, помѣщаемыя здѣсь, исправленія и дополненія частію розысканы нами, частію сообщены намъ Л. Н. Майковымъ, В. П. Саитовымъ, Г. І. Родзевичемъ и др.

III. *В. М. Ундольскій*. Его „Климентъ, епископъ Словѣнскій", съ предисловіемъ П. А. Лаврова—напечатанъ въ „Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. при Москов. университетѣ" 1895 г.—Объ Ундольскомъ см. „Рус. Архивъ" 1887 г., № 6, стр. 281—304 (письма его къ А. Н. Попову), и № 7, стр. 439—440 (къ біографіи его—записка его матери).

V. *И. А. Щедритскій. Л. Н. Майковъ* сообщилъ, что нѣсколько свѣдѣній о Щ. можно найти въ статьѣ Е. Я. Колбасина — „Пѣвецъ Кубры или графъ Д. Н. Хвостовъ“ — въ журналѣ „Время“ 1862 г., № 6 (отд. 1, стр. 139—181), и въ письмѣ кн. Шаликовой по поводу этой статьи — въ томъ же журналѣ 1862 г., № 11 (Письмо къ редактору Александры Шаликовой; отд. II, стр. 143—157). По наведенной (по нашей просьбѣ В. И. Саитовымъ) справкѣ оказалось, что въ указанныхъ г. Майковымъ статьяхъ есть интересныя свѣдѣнія о Щедритскомъ,—и между прочимъ приведено его ругательное письмо по адресу Колбасина; видно, что онъ былъ поклонникомъ гр. Хвостова и безъ мѣры льстилъ ему. Судя по письму, Щедритскій былъ еще живъ въ 1862 году.

VII. *Н. В. Калачовъ.* О немъ см. „Газета А. Гатцука“, 1885 г., № 43.

X. *П. П. Сумароковъ. Г. І. Родзевичъ* сообщилъ намъ, что „Источникъ здравія“ дѣйствительно былъ изданъ въ первый разъ въ 1800 г. подъ такимъ заглавіемъ: „Источникъ здравія или Словарь всѣхъ употребительныхъ снѣдей, приправъ и напитковъ, изъ трехъ царствъ природы извлекаемыхъ, съ подробнымъ описаніемъ ихъ лѣкарственныхъ силъ и полезныхъ или вредныхъ дѣйствій въ тѣлѣ человѣческомъ смотря по различнымъ темпераментамъ или сложеніямъ онаго, съ присовокупленіемъ многихъ полезнѣйшихъ и новѣйшихъ открытій, касательно сохраненія здоровья и врачеванія болѣзней, какъ внутреннихъ, такъ и наружныхъ“. Извлекъ изъ луч-

шихъ и новѣйшихъ Медико-Физическихъ сочиненій и въ пользу пекущихся о здравіи своемъ особъ издалъ Пан. Сум. М., въ универ. тип. у Ридигера и Клаудія. 1800. 8°, 1 нен. (посвященіе А. В. Алябьеву) +260 стр.—2-е изданіе—„съприсоединеніемъ Словаря болѣзнямъ“—М., въ вольной тип. Пономарева. 1808. 8°, 216+XXII стр.—*Л. Н. Майковъ* указалъ намъ, что о Сумароковѣ находятся свѣдѣнія въ статьяхъ П. Сумарокова—„Исторія одного безвѣстнаго сельца“ въ „Отеч. Зап.“ 1857, т. CXI; „Воспоминанія 1812 г.“, тамъ же, 1856 г., т. CVIII, и „Записки отжившаго человѣка“ въ „Вѣсти. Европы“ 1871 г., № 8. Всѣ эти статьи относятся до рода Сумароковыхъ и, между прочимъ, до жизни П. П. Сумарокова.—*В. И. Саитовъ* сообщилъ, что въ числѣ матеріаловъ для біографіи П. П. Сумарокова не указана „Памятная книжка Тобольской губерніи на 1884 г.“, составленная А. И Дмитріевымъ—Мамоновымъ и К. М. Голодниковымъ. Тобольскъ, 1884 г., 8°. Въ ней есть статья Дмитріева—Мамонова „Печать въ Тобольскомъ намѣстничествѣ въ концѣ XVIII столѣтія“, составленная на основаніи архивныхъ документовъ, а въ ней—новыя и полныя свѣдѣнія о сибирскихъ изданіяхъ Сумарокова.—Изъ этой статьи видно, что „Иртышъ“ издавался Приказомъ общественнаго призрѣнія, а редактировали учителя Главнаго народнаго училища. См. „Сочин—ія К. Н. Батюшкова“. Т. II. Спб., 1885. 8°, примѣчанія, стр. 538—539.

XVI. *И. А. Манъ*. О немъ см. „Новое Время“

1897 г., № 7710 (15 августа) въ статьѣ П. Гнѣдича — „Какъ я ставилъ свою первую пьесу“.

XVII. *Д. А. Смирновъ*. Его „Жизнь и смерть Ѳомы Ѳедоровича“ напечатано въ „Рус. Бесѣдѣ“. Собр. сочин. рус. литератор., издаваем. въ пользу А. Ф. Смирдина. Т. III. Спб., тип Акад. Наукъ. 1842. 8°, стр. 1—120.

XX. *А. Г. Столѣтовъ*. Необходимо исправить и дополнить списокъ его ученыхъ трудовъ: „Обратный выводъ основного электродинамическаго закона“ въ 1872 г.—Совсѣмъ не упомянуты нами: „Notiz über die Magnetisirungsfunctionen verschiedener Eisenkörper“ (1873 г. въ Bull. Soc. Nat. Moscou); „О Кольраушевомъ измѣреніи ртутной единицы сопротивленія“ въ „Жур. Физ.—Хим. Общ.‘, 1875, и „Обзоръ теоріи электричества“ (вступ. лекція, читан. въ 1866 г. и напечатан. въ „Москов. Универ. Изв.)“.— Другія поправки, менѣе существенныя, см. въ статьѣ А. Соколова, упоминаемой ниже. — Общество любителей естествознанія посвятило памяти Столѣтова особое засѣданіе 15 ноября 1896 г., на которомъ К. А. Тимирязевъ прочелъ біографическій очеркъ Столѣтова, послѣ напечатанный въ „Рус. Мысли“ 1896, № 11, стр. 262—280.—Въ книгѣ „Рѣчь и отчетъ, читан. въ торжествен. собраніи Имп. Москов. Университета 12 января 1897 года“ (М. 1897 г., въ Универ. тип., 8°) помѣщенъ очень подробный и обстоятельный біографическій очеркъ, составленный А. Соколовымъ, къ которому приложенъ и списокъ трудовъ Столѣтова (стр. 406—456), который скоро вышелъ и отдѣльной брошюрой: Спб., тип. В. Демакова. 1897. 8°,

50 стр.+1 портретъ. —Послѣ того въ двухъ изданіяхъ, въ одномъ съ біографич. очеркомъ, составлен. Тимирязевымъ, а въ другомъ—съ біогр. очер., состав. Соколовымъ, съ приложеніемъ въ обоихъ портрета, вышли „Общедоступныя лекціи и рѣчи А. Г. Столѣтова“ (М., 1897 г., 8°).

XXI. *И. М. Долгорукой.* О немъ см. „Исторія Импер. Москов. Университета“, С. П. Шевырева. М., 1855, 8°, стр. 208—209.—„Рус. Старина“, 1897, № 1, стр. 71—79 („Увлеченіе поэта. Къ біографіи кн. И. М. Долгорукова. 1793—1796).

XXII. *Архіепископъ Савва.* Его автобіографическія записки начаты печатаніемъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1897 г., съ № 1-го, въ приложеніи, съ особымъ счетомъ страницъ.—О немъ см. „Влад. Епар. Вѣдом.“ 1892 г., № 5, стр. 91 - 96 (С. М. Т., т. е. свящ. Мих. Троицкій - „Празднованіе 50-лѣтія въ селѣ Палехѣ“).—„Рус. Слово“, 1896 г., № 277.—„Нива“ 1896 г., № 48, стр. 1196.—„Археологич. извѣстія и замѣтки“, изд. Имп. Москов. Археологич. Обществомъ. 1896 г. № 11—12, стр. 406—410 (рефератъ докладовъ И. Н. Корсунскаго, М. Н. Сперанскаго, Ѳ. И. Буслаева и А. И. Кирпичникова, посвященныхъ памяти преосвящ. Саввы).—„Богословскій Вѣстникъ“ 1897 г., февраль, стр. 304—305 (Н. А. Заозерскій).—„Современ. Календарь“ на 1898 г. М., 1897. 4°, съ портретомъ.

XXVI. *Ѳ. Г. Ушаковъ.* О немъ см. „Библіограф. указатель работъ о каменной болѣзни..“, Г. І. Родзевича. М., 1890. 8°, стр. 11 (№ 45).

XXXII. *Я. Д. Никольскій.* О немъ см. „Исторія Москов. Славяно-Греко-Латинской Академіи“, С. К. Смирнова. М., 1855. 8°, стр 395.

XXXV. *И. В. Рождественскій.* Письмо его къ Пареенію, архіепископу Воронежскому, бывшему Владимірскому, отъ 16 декабря 1850 г., при посылкѣ книги, и отвѣтъ Пареенія см. во „Владимір. Епархіал. Вѣдом.“ 1881, № 21, стр. 641—645; А. Родосский. Биограф. словарь студентов С.-П.Б. Д. Академии Спб. 1907 с. 403-404. (Указана литература); Н. Малицкий. Списки воспитанников Вл. Д. С. см. „Русская старина“ 189[illegible] кн. 1 (ст. А. Михайловского „Дворяне и помещики в 1840-х г.г. — Русский биографический словарь. Том „Рейтерн — Рольцберг“ СПб. 1913, стр. 325—327